
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 1(65), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Ирхин Ю.В.** Переосмысление идей Кейнса и Рузвельта о государственном управлении в условиях пандемического кризиса и опыта России..... 10
- Федорищев К.М.** Элементы августицианства в политической теории Майкла Оукшотта..... 19

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Ермаков Ю.А.** Зарождение и умножение коррупции в общественно- политических иерархиях: роль природных начал..... 25
- Алехнович С.О., Воронцов С.А., Понделков А.В.** Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России: информируем и обсуждаем 44
- Великая Н.М., Моисеева А.Н.** Оценки эффективности деятельности органов местной власти: методология и методика 54
- Гоптарева И.Б.** Лоббизм в публичной политике..... 65
- Прончев Г.Б., Шишарина Е.В., Прончева Н.Г.** Киберугрозы для современной России в контексте пандемии коронавирусной инфекции 74
- Сурма И.В.** Информационная экспансия Запада в странах Центральной Азии 84
- Тушков А.А., Фоменко Д.А.** Поиск баланса интересов глобальных стран среди двух конкурирующих «евразийских проектов» 96
- Вафин А.М.** Негатив в политике: 10 технологий «черного» PR в России и зарубежных странах..... 107
- Отроков О.Ю.** Современные тенденции, проблемы и перспективы развития интернет-каналов информирования молодежи с политической повесткой..... 115
- Овчинников П.С., Нечай Е.Е.** Ключевые барьеры на пути трансформации социально-политической системы России 124
- Еременко Ю.А., Жаворонкова З.А.** Эмоциональные триггеры внимания и запоминаемости визуального политического контента 130
- Ершов Н.А., Омерович А.Р., Попов С.И.** Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (часть I: выборы в Московскую городскую Думу 2019 года)..... 140

Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Видеостриминг как канал политической коммуникации: опыт современной России.....	147
Устюжанинов И.Д. Роль партии «Единая Россия» в региональной политике в 2002-2007 годах (на примере Кировской области).....	154
Ахмедов Ж.И. Легитимность власти как современный фактор угрозоустойчивости общества.....	162
Воскресенский Ф.А. Исследование судебной власти как элемента политической системы в странах континентальной и англо-саксонской (на примере США) систем права.....	169
Комаров Н.А. Историография межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Молдова в 2009-2018 гг.....	180

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Штанько М.А., Тажева З.Б. Управление этническим конфликтом	188
---	-----

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Михайленко А.Н., Умеров Д.А. Модель гармонизации стратегии и тактики российской внешней политики	193
Кулешова Н.С., Санжиева А.Д. Кибербезопасность как условие цифровизации Японии	206
Жерлицына Н.А. Виртуальный халифат: медиа технологии «ИГИЛ»	216
Бикбулатов Э.А. Образ «Фабрики Троллей» в противостоянии политических партий США.....	227
Курилкин А.В. Китайский кибердракон: к вопросу о возможностях КНР по проведению информационных и киберопераций	234
Полтавцева О.Н. Анти-иммиграционная риторика в Италии и США: сравнительный анализ контента новых медиа Д. Трампа и М. Сальвини	240
У Яньбинь. Развитие и особенности военной дипломатии КНР после реформы и открытости	247
Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А. Позиции России и Японии вокруг Курильской территориальной проблемы	253

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Богданова Е.А., Тимершова А.С. Социально-политический кризис в Чили: от протестов к плебисциту.....	264
Бурова А.С. К вопросу об испано-американских отношениях в XX в.	271

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

Слизовский Д.Е. Умножение коррупции: поиски оснований продолжаются (рецензия на статью Ю.А. Ермакова «Зарождение и умножение коррупции в общественно-политических иерархиях: роль природных начал»)..... 278

НАШИ АВТОРЫ 286

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 295

CONTENTS

THEORY, PHILOSOPHY AND HISTORY OF POLITICS

- Irhin Iu.V.*** Rethinking the Ideas of Keynes and Roosevelt
on Public Administration in the Context of the Pandemic Crisis
and the Russian Experience 18
- Fedorishchev K.M.*** The Elements of Augustinianism
in the Political Theory of Michael Oakeshott 23

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Yermakov Yu.A.*** Origin and Multiplication of Corruption
in Socio-Political Hierarchies: the Role of Natural Principles 42
- Alehnovich S.O., Vorontsov S.A., Ponedelkov A.V.*** Current Problems
of Combating Corruption in Modern Russia: Informing and Discussing..... 53
- Velikaya N.M., Moiseeva A.N.*** Evaluation of the Effectiveness
of Local Authorities: Methodology and Methods..... 64
- Goptareva I.B.*** Lobbyism in Public Politics..... 72
- Pronchev G.B., Shisharina E.V., Proncheva N.G.*** Cyber Threats
for Modern Russia in the Context of the Coronavirus Pandemic 83
- Surma I.V.*** Information Expansion
of the West in the Countries of Central Asia..... 94
- Tushkov A.A., Fomenko D.A.*** Search for a Balance of Interests
of Global Countries Among Two Competing “Eurasian Projects” 106
- Vafin A.M.*** Negative in Politics: 10 Technologies of “Black” PR
in Russia and Foreign Countries 114
- Otrokov O.Yu.*** Current Trends, Problems and Prospects
for the Development of Internet Channels for Informing Young People
with a Political Agenda 123
- Ovchinnikov P.S., Nechay E.E.*** Barriers to the Transformation
of the Socio-Political System of Russia..... 128
- Eremenko Yu.A., Zhavoronkova Z.A.*** Emotional Triggers of Attention
and Remember of Visual Political Content..... 139
- Ershow N.A., Omerovich A.R., Popov S.I.*** Protest Potential
as an Election Campaign Tool (Part I: Moscow City Duma Elections 2019)..... 145

Falaleev M.A., Sittikova N.A., Nechay E.E. Video Streaming as a Political Communication Channel: Experience of Modern Russia	153
Ustyuzhaninov I.D. The Role of «United Russia» Party in the Regional Policy in 2002-2007	160
Ahmedov J.I. Legitimacy of the Government as a Modern Factor of Society Resilience to Threats.....	168
Voscresensky F.A. Study of the Judiciary as an Element of the Political System in the Countries of the Continental and Anglo-Saxon (on the Example of the USA) Systems of Law	179
Komarov N.A. Historiography of Interstate Relations between the Russian Federation and the Republic of Moldova in 2009-2018.....	186
POLITICAL CONFLICTOLOGY	
Shtanko M.A., Tazheva Z.B. Ethnic Conflict Management.....	191
INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLITICS	
Mikhaylenko A.N., Umerov D.A. Model of Harmonizing Strategy and Tactics of Russian Foreign Policy	205
Kuleshova N.S., Sanzhiewa A.D. Cybersecurity as a Condition for Digitalization in Japan.....	215
Zherlitsina N.A. Virtual Caliphate: Isis Media Technologies	226
Bikbulatov E.A. The Image of the Troll Factory in the Confrontation of US Political Parties	233
Kurilkin A.V. Chinese Cyberdragon: about the Question of China’s Capabilities for Information and Cyber Operations	238
Poltavtseva O.N. Anti-Immigration Rhetoric in Italy and in the USA: a Comparative Analysis of the New Media Content of Donald Trump and Matteo Salvini	245
Wu Yanbin. Development and Features of China’s Military Diplomacy after Reform and Open.....	252
Budnik A.I., Grigorieva T.V., Kan A.A. Positions of Russia and Japan around the Kuril Territorial Problem.....	263
STUDENT SCIENCE	
Bogdanova E.A., Timershova A.S. The Social and Political Crisis in Chile: from Protests to Plebiscite	270
Burova A.S. Spanish-American Relations in the Twentieth Century	277

REFLECTIONS ABOUT THE READ

Slyzovskiy D.E. Multiplying Corruption: the Search for Grounds Continues
(Review of the Article by Yu.A. Yermakov “Origin and Multiplication
of Corruption in Socio-Political Hierarchies: the Role of Natural Principles”) 285

OUR AUTHORS 291

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 295

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии
Российского государственного гуманитарного университета,
профессор Центра государственно-частного партнерства
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИДЕЙ КЕЙНСА И РУЗВЕЛЬТА О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ОПЫТА РОССИИ

В статье проанализированы ценности, теоретические аспекты, потенциал и пределы идей Кейнса и Рузвельта о государственном управлении в условиях современного мирового кризиса с учетом российской практики. Автор предлагает переосмыслить и дополнить антикризисные идеи Кейнса и Рузвельта опытом комплексного использования современных цифровых технологий и платформ для ускоренного государственного регулирования макроэкономических и макрополитических процессов в условиях пандемического, экономического и структурного кризиса; целенаправленной политики создания эффективного спроса и предложения; точечной поддержки различных социальных групп, организаций бизнеса.

Ключевые слова: кейнсианская парадигма, «новый курс Рузвельта», пандемия COVID-19, цифровая реформа государственного управления в России.

Актуальность. В условиях всемирных экономических кризисов, как показывают история, теория и практика, возрастает роль кейнсианских и рузвельтовских макроэкономических и политических подходов в государственном управлении. Современный всемирный, тройной по своим характеристикам (пандемический, экономический и структурный) кризис затронул все сферы общественного развития. Пандемия COVID-19 за первый год ее распространения, унесла на нашей Планете жизни более 2 млн., а инфицировано было 100 млн. человек. Мировая экономика (за исключением КНР – прирост ВВП 2%) погрузилась в рецессию: средние потери по странам за 2020 г. составили 5% ВВП. Выросли безработица, имущественные разрывы, активизировались политические движения, цифровые войны.

Для преодоления пандемии требуется эффективная государственная политика в сфере здравоохранения и экономики. Принципиальное значение приобретают, с одной стороны, своевременное развертывание специализированных больниц, разработка соответствующих противовирусных препаратов и масштабная вакцинация населения, а с другой, – совершенствование государственного управления с учетом кейнсианских и рузвельтовских подходов преодоления кризисов на базе достижений цифровой революции. В программе «Цифровая экономика Российской Федерации» актуализирована взаимосвязь между быстрым развитием инновационных технологий и новыми требованиями к уровню и качеству государственного управления в современных условиях [См.: 14].

Задачи. В статье ставятся проблемы комплексного анализа теоретических аспектов, потенциала и особенностей использования кейнсианской парадигмы и рузвельтовских подходов в государственном управлении в условиях современного мирового кризиса с учетом российской практики. Автор предлагает дополнять классические антикризисные управленческие подходы комплексным применением цифровых технологий для умного и быстрого государственного регулирования макроэкономических и политических процессов; целенаправленной, точечной политики создания эффективного спроса и поддержки различных социальных групп и организаций бизнеса.

Кейнсианская антикризисная парадигма государственного управления. В современных условиях, государственная политика разрабатывается с учетом опыта преодоления всемирных экономических кризисов, в определенной мере опосредуется кейнсианскими подходами; антикризисным опытом деятельности Ф.Д. Рузвельта. В такие времена многие управленцы «становятся кейнсианцами» или «рузвельтовцами» [6. С. 129-158].

Известный британский ученый Джон Кейнс (1883-1946) рассматривал экономику как «науку о мышлении в терминах моделей» и как «искусство выбора соответствующих моделей» постоянно меняющемуся миру [16. 44-46]. Во время Великой депрессии 1930-х гг. он бросил вызов идеям, согласно которым свободные рынки автоматически обеспечат полную занятость, если работники будут гибкими в своих требованиях касательно размеров заработной платы. Кейнс выступал за активное использование государственной фискальной политики для смягчения экономических спадов; утверждал, что совокупный спрос определяет общий уровень экономической активности, а его отсутствие может привести к высокой безработице. Его идеи были отражены в фундаментальном исследовании «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) [7]; использовались для преодоления Великой депрессии в США и в послевоенный период в западных государствах.

В качестве главы британской делегации, Кейнс участвовал в разработке международных экономических институтов, созданных после окончания Второй мировой войны (Всемирный Банк, МВФ). Влияние идей Кейнса ос-

лабело в 1970-х годах из-за его критики монетаристами, которые оспаривали способность правительств эффективно регулировать экономический цикл с помощью мер фискальной политики; выдвигали идеи свободных рынков [1. С. 4-5].

Мировой кризис 2008-2009 гг. обозначил всплеск интереса к кейнсианству. Он начался с астрономической ипотечной задолженности граждан США: правительству пришлось дополнительно субсидировать ведущие банки и на полгода брать их под некоторый контроль государства. В результате спрос и экономика начали восстанавливаться [9. С. 16]. Однако неоллиберальная модель экономики оставалась неизменной и имманентно несла в себе предпосылки новых глубоких кризисных явлений [См.: 18].

Современный кризис актуализировал учение Кейнса. Важность ключевого тезиса кейнсианской теории о необходимом и умном повышении роли государства в условиях кризисного развития отмечал известный американский прогнозист Н. Талеб. Он писал: «Мы нуждаемся в государстве, чтобы оно обеспечивало главную ценность – безопасность людей. В период пандемии государство должно брать на себя управление всеми мерами, которые позволят добиться этой цели» [20. С. 127].

Опыт рузвельтовской антикризисной политики. Анализ Великой депрессии важен, для лучшего понимания современности. Причины глубочайшего кризиса в США очевидны: колоссальная финансовая задолженность, безответственная накачка кредитами населения, старая, неэффективная структура экономики, и как следствие: крах биржи, банков, инвесторов, разорение многих предприятий, небывалая безработица (25%), падение производства на 47% и др. [См.: 15].

Особую роль в преодолении кризиса сыграл курс Президента США Франклина Делано Рузвельта (1882-1945), переизбиравшегося на эту должность 4 раза [25. С. 210]. Он регулярно обращался к гражданам по радио, объясняя свою политику.

Выделим направления антикризисных мер в «Новом курса Рузвельта».

1. Проведение реформы по восстановлению банковской системы: закрытие банков на короткий срок, переучет имеющихся средств, возобновление работы.

2. Выделение по «Чрезвычайному закону о помощи» 500 млн. долл. на ликвидацию голода и обнищания граждан; объявление моратория на фермерские задолженности и плановое восстановление сельскохозяйственной отрасли. Людям, взявшим кредит и не сумевшим его выплатить по причине потери работы государством, обещано погашение долга с федеральных средств.

3. По закону о борьбе с безработицей, людей без работы собирали для выполнения общественных оплачиваемых работ: ремонт дорог, жилья, постройки больниц и др. Создана Федеральная служба занятости, которая формировала базу данных; людям, ставшим на очередь, выплачивали пособия.

4. По закону о регулировании производственной деятельности, только правительство регулировало норму производства продукции каждым предприятием и устанавливало допустимый уровень цен на нее. Для нормализации работы производства был принят кодекс честной конкуренции. Предприятия должны были согласовывать с профсоюзами норму рабочего дня и размер минимальной зарплаты согласно выработанной нормы часов. Был отменен «сухой закон»: от продажи алкоголя доход получало государство, а не подпольные коммерсанты [5. С. 38].

Полный выход из кризиса и преодоления его последствий, произошли к 1939 г. Предвоенные условия в мире также способствовали росту экономики.

Итак, идеи Кейнса и анализ опыта «Нового курса Рузвельта» предполагают следующие направления экономической политики в период кризисов: ведущая роль государственного, умного регулирования экономики и соответствующих сфер общества; финансовая и иная (снижение налогов, отсрочка платежей) поддержка предпринимателей и различных общественных групп; учет инфляции и желательность ее снижения; контроль за безработицей, меры по ее уменьшению (общественные работы, инвестиционная поддержка и др.); учет спроса-предложения (целенаправленное формирование эффективного спроса), использование для их анализа моделей («кейнсианский крест»); анализ темпов развития/падения экономики (доходов и сбережений), ожиданий рынка; качества институтов, их необходимых трансформаций и др. [26. Р. 15-20].

Ряд исследователей, выступая на XII международном Гайдаровском форуме «Россия и мир после пандемии», говорили, что если при стабильном экономическом развитии желательно ограниченное вмешательство государства в экономику и значительные налоги, то в кризис – минимальные налоги, при эффективном государственном регулировании и его финансовой поддержке. Данная ситуация похожа «на экономику военного времени, – отмечал профессор экономики Гарвардского университета Кеннет Рогофф. – На войне не спрашивают, на какие деньги мы будем воевать. Поэтому сейчас не стоит вопрос, нужно ли вмешательство государства. Оно нужно» [23].

В условиях пандемического кризиса многие страны пошли по пути выплаты фиксированных сумм большинству граждан. В некоторых государствах прямая финансовая поддержка имела более целевой характер. Актуализируются программы поддержки доходов населения, актуализируется концепция безусловного базового дохода, нисходящего к идеям Т. Мора, Т. Пейна и логике Дж. Кейнса об эффективном спросе.

Опыт антикризисной политики в российских условиях. Пандемия поставила Россию, как другие страны, в сложное положение: к началу 2021 г. в ней умерло от пандемии 66 тыс., было инфицировано 3,6 млн. человек, ВВП снизился на 4,5%, безработица выросла на 1 млн. человек и др. Основным направлением борьбы с пандемией в России стала концентрация

деятельности и взаимодействия всех основных государственных, научных, бизнес-организаций и структур гражданского общества под постоянным контролем Президента России В.В. Путина и Правительства. Были приняты беспрецедентные меры по развертыванию всероссийской сети специализированных больниц (в том числе при широчайшем привлечении специализированных армейских санитарных и строительных подразделений), поддержке врачей и медработников. Российские ученые создали и успешно применяют антивирусные вакцины, которые признаны ВОЗ и используются многими странами мира. Правительство планирует осуществить вакцинацию 60% (68 млн.) россиян к концу 2021 г. (что также создаст коллективный иммунитет); максимально – медицинских работников, государственных служащих и др. Вакцинация бесплатна. Масочный режим продлен на весь год.

Основным направлением государственной политики в России в период кризиса по отношению к бизнесу (крупному, среднему, малому, samozанятым) явились комплексные меры по их финансовой поддержке. Среди них: мероприятия по снижению налогов (страховых взносов и др.), сдвиг времени (более полугодя) для уплаты налогов, кредиты (в том числе с условием ограничения увольнений работников), финансовая поддержка предприятий области культуры, туризма и др. Были сформированы общенациональные финансовые фонды для преодоления кризиса. Большое внимание уделено поддержке регионов: от разрешений на увеличение величины их задолженности до предоставления им, как федеральных кредитов, так и усиленного финансирования на сумму более 100 млрд. рублей, а также значительных сумм, выделяемых в рамках реализации Национальных проектов. Был повышен подоходный налог с 13 до 15% с суммы, превышающей 5 млн. руб. в год. Это даст бюджету 65 млрд. рублей, которые пойдут в специальный фонд по охране здоровья тяжело больных детей.

В России, как и в других странах, особенно пострадал средний и мелкий бизнес, но учитывая его меньший объем по сравнению со странами ЕС, США и др., он оказал сравнительно меньшее воздействие на спад экономики.

Правительство контролирует инфляционные процессы (4%). Учетная ставка Банка России снижена до 4,25%, что позволяет брать дешевые кредиты, в частности, на покупку жилищ в 6,5%. В России устойчивая макроэкономическая ситуация, невысокий государственный долг, крупные золотовалютные запасы, положительный международный рейтинг «стабильной экономики». Принят Общенациональный трехэтапный план восстановления экономики в 2021 г., предполагающий прирост ВВП в 2,5%, а безработицу ниже 5%. Примерная стоимость финансирования дополнительных мероприятий по преодолению кризиса в России – более 5 триллионов рублей или превышение бюджета на 3%.

Проводится последовательная политика поддержки населения. В начале пандемии были осуществлены двухнедельные каникулы для трудящихся

с сохранением зарплаты (пенсионерам Москвы доплачены за этот период по 4 тыс. рублей каждому). Проведены траншами масштабные финансирования материнства и детства (летом, к 1 сентября и Новому году), выплат зарплат или их части временно не работавшим государственным служащим и работникам сфер бизнеса, которые не смогли перейти в силу условий труда на удаленное взаимодействие; повышены пособия по безработице, индексированы пенсии (6%) и др.

В видеообращении к участникам Гайдаровского форума-2021 Председатель Правительства России М.В. Мишустин представил стратегию по преодолению последствий коронавируса и развитию страны на ближайшие десять лет. В своем видеообращении он обозначил основные направления приоритеты в работе Правительства РФ, среди которых улучшение качества жизни граждан и повышение их благосостояния, развитие здравоохранения, образования, инновационных технологий и цифровизация различных сфер жизни и отраслей экономики. Он отметил, что «главную роль в изменении благосостояния и в борьбе с бедностью должно сыграть повышение заработной платы и восстановление занятости. Для того, чтобы увеличить количество рабочих мест с достойной заработной платой, Правительство планирует запустить новый инвестиционный цикл» [13].

В условиях пандемии предприятия, учреждения, вузы, школы стали широко использовать дистанционную работу и учебу, их смешанные формы. Кризис гораздо слабее затронул информационные производства, предприятия, сферу питания и учебные заведения, эффективно использующие цифровые платформы. Численность российских граждан на дистанционной форме работы, выросла в сотни раз и составила к концу 2020 г. более 26 млн. человек. Правительство России резко снизило налоги на все высокотехнологические предприятия.

Технологии «цифрового государства» позволяют быстро и повсеместно решать многие вопросы, особенно там, где уже существовали определенные материальные, организационные и кадровые предпосылки. Например, в России почти 96% родителей (10,5 млн. заявлений на 15 млн. детей) обратились за финансовой помощью в поддержку детей до 18 лет включительно, именно через портал Государственных услуг и получили ее в течение трех дней; большинство врачей, работающих непосредственно с больными коронавирусом, оперативно получили надбавки, но полностью вопрос был решен через 10 дней, после доработки нормативных (нецифровых!) документов и т.д. Кризис показал, что любой гражданин страны, может оперативно пользоваться всем объемом своих прав, будучи зарегистрированным в электронной системе государственных услуг.

Особенно важна дальнейшая цифровая трансформация государственной службы, формирование цифровых платформ взаимодействия для государственных служащих, бизнеса и граждан. Начавшаяся в январе 2021 г.

административная реформа в РФ предполагает не только сокращение количества служащих, ликвидацию дублирующих функций, усиления управления по вертикали, но и переход на принципы цифровой платформы. В этом же направлении трансформируются основные институты развития РФ.

Опыт организации борьбы с пандемией в России показывает принципиальную роль умного, цифрового государственного управления при взаимодействии со всеми акторами общественного развития, в целях преодоления последствий коронавируса, ускорения экономического роста и повышения благосостояния граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бергин Э. Великая революция идей: Возрождение свободных рынков после Великой депрессии. М.: Мысль, 2017.

2. Вулф М. Сдвиги и шоки. Чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

3. Кляйн Н. Доктрина шока: Расцвет капитализма катастроф. М.: Доброе дело, 2010.

4. Государство как платформа: люди и трансформации. Материалы программы «Руководитель цифровой трансформации» Высшей школы государственного управления РАНХиГС. Науч. рук. программы М.С. Шклярук. Авт. колл.: И.В. Бегтин, Г.А. Бряннов, О.А. Виниченко и др. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2019.

5. Гэлбрейт Дж.К. Великий крах 1929 года. Минск: Попурри, 2009.

6. Загадки кейнсианства. Джон Мейнард Кейнс // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. IV. Век глобальных трансформаций / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Отв. ред. Ю.Я. Ольсевич. М.: Мысль, 2004.

7. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо, 2007.

8. Кляйн Н. Доктрина шока: Расцвет капитализма катастроф. М.: Доброе дело, 2010.

9. Нуриэль Р., Мим С. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис. М.: Эксмо, 2011.

10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента России от 7.05.2018. № 204.

11. Политическое проектирование; глобальное, национальное, региональное измерения. Монография / Под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. М.: Мир философии: монография, 2016.

12. Предметное поле экономической политологии: монография / Под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аспект пресс, 2018.

13. Премьер-министр Михаил Мишустин представил на Гайдаровском форуме-2021 стратегию Правительства по развитию страны на ближайшее десятилетие // [https://www.ranepa.ru/Новости/На Гайдаровском форуме-2021/14 января 2021](https://www.ranepa.ru/Новости/На_Гайдаровском_форуме-2021/14_января_2021).

14. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

15. *Ротбард М.* Великая депрессия в Америке. Москва; Челябинск: Социум, 2019.

16. *Скидельски Р.* Кейнс. Возвращение Мастера / Пер. с англ. О. Левченко; Науч. ред. О. Замулин. М.: Юнайтед Пресс, 2011.

17. Социокультурные и психологические детерминанты политических отношений: колл. монография. Сер. «Философия политики». Кн. IV / Ред.: Ю.В. Ирхин, В.В. Крапивин. М.: Луч, 2013.

18. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.

19. *Тaleb Н.Н.* Черный лебедь. М.: КоЛибри, 2020.

20. *Тaleb Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2020.

21. *Шевляков М.В.* Великая депрессия. Закономерность катастрофы. М.: Пятый Рим, 2016.

22. Электоральные процессы в России и Европе: новые практики, институты и технологии / Под ред. М.Е. Родионовой. М.: Кнорус, 2020.

23. Это похоже на экономику военного времени – участники Гайдаровского форума 2021 обсудили вызовы макроэкономической политики в эпоху пандемии // [https://www.ranepa.ru/Новости/На Гайдаровском форуме-2021/14 января 2021](https://www.ranepa.ru/Новости/На_Гайдаровском_форуме-2021/14_января_2021).

24. *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт. Человек и политик. Новое прочтение. М.: Международные отношения, 1991.

25. *Яковлев Н.Н.* Неизвестный Рузвельт. Нужен Новый курс! М.: Эксмо, 2012.

26. *Carter Z.D.* The Price of Peace. Money, Democracy and the life of John Maynard Keynes. N.Y.: Random House Publishing Group, 2020.

Iu.V. IRHIN
*Doctor of Philosophy Sciences, Professor
professor of Russian Presidential Academy,
professor of Russian Humanitarian State University,
Moscow, Russia*

RETHINKING THE IDEAS OF KEYNES AND ROOSEVELT ON PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC CRISIS AND THE RUSSIAN EXPERIENCE

The article analyzes the values, theoretical aspects, potential and limits of the ideas of Keynes and Roosevelt on public administration in the context of the modern world crisis, taking into account Russian practice. The author proposes to rethink and supplement the anti-crisis ideas of Keynes and Roosevelt with the experience of integrated use of modern digital technologies and platforms for accelerated state regulation of macroeconomic and macro-political processes in the context of a pandemic, economic and structural crisis; targeted policy of creating effective supply and demand; targeted support for various social groups and business organizations.

Key words: *Keynesian paradigm, Roosevelt's new deal, COVID-19 pandemic, digital public administration reform in Russia.*

ЭЛЕМЕНТЫ АВГУСТИНИАНСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА

В статье определяются ключевые точки пересечения традиции Аврелия Августина и политической философии английского мыслителя Майкла Оукшотта (1901-1990). Автор отмечает существенное влияние Августинизма в работах этого философа, определяя идейные предпосылки формирования Оукшоттовской теории человеческого поведения. В результате анализа оригинальных работ Св. Августина, М. Оукшотта, К. Эйбел, Г. Дина, П. Райли, Г. Уортингтона, автор прослеживает мыслительный путь философа в процессе его поиска ответа на вопрос – как соотносятся Civitas Terrena и Civitas Dei в современном мире. В результате сравнительного исследования взглядов Оукшотта и Св. Августина автор определяет, что именно философ вкладывает в термины религия и мир. Вопреки распространенным взглядам, религия, по мнению Оукшотта, не требует безоговорочного согласия с рядом положений или с определенным вероучением, она не догматична, это не набор моральных законов, которым нужно следовать. Религия – это способ думать о мире и действовать в нем, это убеждение в том, что жизнь следует принимать такой, какая она есть, жить религиозно – значит жить в настоящем. Оукшотт не пытается выразить наивную точку зрения о том, что «физический» мир должен быть полностью отвергнут, и что следует принять мир «духовный».

Ключевые слова: Майкл Оукшотт, Аврелий Августин, Августинизм, гражданское образование, политическая теория.

Не смотря на то, что Оукшотт не публиковал обширных исследований работ Августина Блаженного, он был хорошо знаком с трудами последнего. Этот факт подробно описан в работе П. Райли, которому Оукшотт рассказывал, что перечитал «все, написанное Августином». «Исповедь Августина» – отмечает Оукшотт – «лучшее выражение значимости Бога для души, среди всей религиозной литературы» [8. Р. 649]. Для Оукшотта вопросы религии носили важный характер, в своих ранних работах он знакомится с литерату-

рой о христианской мистике. В эссе «Религия и мир», философ использует августинский подход в исследовании характера «религиозного» и «мирского» [7. Р. 28].

Майкл Оукшотт считал определяющим моментом средневекового мышления дуализм между небом и землей. Трактат Св. Августина о двух городах – небесного и земного, описывался Оукшоттом как высочайший пример политико-философской мысли этого периода, «одновременно сурового и щедрого» [5. Р. 85]. Мир земной, который состоит из тягот и мучений, удивительным образом компенсировался идеями о вечной жизни.

Концепция Августина о Граде Земном и Граде Небесном хорошо известна. Эти города символизируют два разных образа жизни и два категорически разных типа желаний: «Я делю человеческую расу на две ветви, – рассуждает Августин – «одна состоит из тех, кто живет по человеческим законам, другая – из тех, кто живет по воле Бога. Я также называю эти два класса двумя городами, говоря аллегорически». Августин описывает два города, образованные двумя видами любви: «Град Земной был создан благодаря любви к себе (*Amor Sui*), достигнув точки презрения к Богу, Град Небесный – благодаря любви к Богу (*Amor Dei*), основываясь на презрении к себе» [9. Р. 595-597]. Люди Града Земного рассматривают земную жизнь как целостность существования и в своей деятельности ориентируются на физическое удовольствие, имманентное исполнение желаний. Как верно подмечает Г.А. Дин, люди в небесном городе склонны считать себя паломниками на земле и не стремятся накапливать материальные блага. Вместо этого, они направляют волю и энергию к Богу, *пользуясь, но не наслаждаясь* вещами, они стремятся обрести вечную жизнь [2. Р. 43]. Одно из решающих различий между двумя типами городов заключается в их отношении к материальным благам. Жители обоих городов нуждаются в них для поддержания жизни, однако *civitas Terrena*, в своем стремлении к мирским благам, зачастую пренебрегают минимальной необходимостью.

Согласно анализу Г. Уортингтона, Оукшотт разрабатывает свою собственную версию двух городов. Первые попытки реинтерпретации идей Св. Августина осуществляются Оукшоттом в эссе «Религия и мир» [7]. Так, например, Оукшотт определяет «мирское» и «религиозное» как два идеальных начала нравственной личности. Эти типы совпадают с различием Августина между *Civitas Terrena* и *Civitas Dei* [10. Р. 378]. Таким образом, «мирской человек» заботится о практических достижениях и о «внесении вклада» в большее дело или область исследования. Его жизнь проходит в погоне за внутренними идеалами. Он оценивает себя и людей вокруг исключительно на основе личных достижений, находясь в состоянии постоянного беспокойства, поскольку его внимание всегда сосредоточено на будущем. «Религиозный человек» Оукшотта, напротив, полностью вовлечен в каждый элемент деятельности. Он находит смысл в текущих делах, наслаж-

даясь жизнью как самоцелью. Для него практическая деятельность имеет определенную, при этом ограниченную ценность. Истинной целью такого человека являются любовь, дружба и созерцание.

Два мира, описываемые Оукшоттом, в конечном счете несоизмеримы, потому что они влекут за собой совершенно разные идеи организации жизненного пространства. Каждый человек имеет своего рода «двойное гражданство», поскольку в каждом действии может быть выявлен мирской и религиозный аспект. Оукшотт признает, что «мирское» и «религиозное» являются неотделимыми основаниями человеческого поведения, никакие действия не могут быть тем или иным в чистом виде.

Оукшотт отмечает: ранние христиане, осознанно ожидали Второе пришествие Христа. У них не было концепции естественного и сверхъестественного, как это позже сделали их средневековые последователи, но, вместо этого, они верили, что Второе пришествие произойдет как неизбежное событие в человеческой истории. Таким образом, раннехристианская религиозная жизнь состояла в том, чтобы ждать исторического события и держать себя «чистым от мира» [7. Р. 28]. Однако длительное ожидание Второго пришествия послужило катализатором развития, и примитивная простота раннего христианства сменилась, на более сложную и абстрактную идею дуализма между «материальным» и «духовным» мирами – между естественным и сверхъестественным. Ожидание ранним христианином конкретного события трансформировалось в ожидание средневекового христианина спасения в другом мире. Для средневекового христианина «держать незапятнанным от мира» теперь означало упорядочить свою жизнь, чтобы можно было избежать греховности и удовольствий. Как отмечает Оукшотт, «такой мир, они верили, будет с ними до конца, но они должны жить в нем как пришельцы» [7. Р. 29].

Религия ориентирует индивида на *духовность*, а мирское – на материальные блага и удовольствия. Однако Оукшотт отвергает образ мышления, который отдает приоритет полезности, ориентации на успех и внешние результаты. Согласно рассуждениям философа, религиозный человек не отвергает мир природы, феномен дружбы и любви, искусство и политику как таковые. Вместо этого, он [религиозный человек] отвергает *идею природы*, когда она используется в бесконечных проектах материального улучшения; дружбу, движимую лишь корыстными целями; искусство, стоящее на службе какой-либо политической программе и др. Как утверждает Оукшотт, «другой мир религии – это не фантастический сверхъестественный мир, из которого исключены некоторые виды деятельности индивидов, это духовный мир, в котором любое проявление ценится не как вклад в какое-то развитие или эволюцию, а как таковое» [7. Р. 30]. В таком случае, религия не предписывает какую-либо деятельность, а также не устанавливает набор моральных правил. Она служит указателем, который определяет то, каким

образом следует прожить жизнь. Принятие религиозных ценностей означает отказ от утилитарной полезности в пользу полноценной жизни в конкретный момент.

Стремление к идеалу рождает веру в то, что человек вносит вклад в нечто большее, чем он сам. В большинстве случаев эти усилия требуют, чтобы удовольствие было отложено на будущее, и чтобы настоящее счастье было принесено в жертву ради одной лишь возможности предполагаемого большего счастья. Здесь Оукшотт принимает точку зрения Августина на человеческий опыт: «что действительно отличает мирского человека, так это его вера в реальность и постоянство нынешнего порядка вещей» [7. Р. 31].

Оукшотт позаимствовал у Августина точку зрения, которая, как объясняет Дж.К. Уэнделл, заключается в «уважении творческого аспекта человеческого поведения, сохраняя, насколько это возможно, первоначальную форму, в которой индивид проявляет себя» [6. Р. 366]. В августицианстве Оукшотта, индивидам следует опираться на тех поэтов и художников эпохи Возрождения, которых автор лаконично называет «истинными стражами мечты» [4. Р. 161]. Таким образом, Оукшотт определяет «самопонимание» в духе «Августинского Бога величественного воображения» [5. Р. 324]. По мнению К. Эйбел, рассуждения об августицизме М. Оукшотта доступны только в контексте его понимания цивилизации. Иными словами, при детальном разборе «христианства как цивилизации» [1. Р. 25]. Таким образом работы философа о мифе и поэзии необходимо воспринимать в совокупности с его религиозной мыслью.

В комментариях Р. Гранта к опубликованным личным заметкам Оукшотта, августицизм философа определяется таким образом: «впоследствии, он пришел к мысли, что временное и вечное это не последовательные, а одновременные порядки бытия. *Спасение* или *рай* были не грядущей наградой за хорошее поведение, а духовными измерениями, доступными здесь и сейчас добродетельному человеку ибо, сами по себе, злые люди не нуждаются в моральных ограничениях» [3. Р. 799]. Согласно рассуждениям Оукшотта, *религия*, будучи далекой от того, чтобы принимать фатализм, предлагает своего рода передышку от мирских дел – примирение в суровых испытаниях существования. Оукшотт считал, что «признавая проступок грехом, мы лишаем этот поступок его смертности, не уменьшая его чудовищность» таким образом «мы создаем убежище от уничтожающего страха вины» [5. Р. 83]. По его мнению, пренебрежение «религиозными убеждениями» сделает описание человеческого поведения «непростительно неполным» [5. Р. 81]. Буржуазный индивидуализм так же далек от Города Божьего, как и утилитарный и коллективистский *этнос*, благодаря которому люди воспринимаются всего лишь винтиками в машине: настраиваются, фиксируются или удаляются при оценке их вклада в общее функционирование механизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Abel C.* Oakeshott's Wise Defense: Christianity as a Civilization. The Meaning of Michael Oakeshott's Conservatism. Exeter: Imprint Academic, 2010.
2. *Deane H.A.* The Political and Social Ideas of St. Augustine. Columbia University Press, 1966.
3. *Grant R.* Review of Notebooks 1922-1986, by Michael Oakeshott // History of Political Thought. 2015. Vol. 36. № 4.
4. *Oakeshott M.* Leviathan: a Myth. Hobbes on Civil Association. Indianapolis: Liberty Fund, 2000.
5. *Oakeshott M.* On Human Conduct. Oxford: Clarendon Press, 1975.
6. *Oakeshott M.* On Misunderstanding Human Conduct: A Reply to My Critics // Political Theory. 1976. Vol. 4. № 3.
7. *Oakeshott M.* Religion and the World. Religion, Politics and the Moral Life, ed. Timothy Fuller. New Haven: Yale University Press, 1993.
8. *Riley P.* In Appreciation: Michael Oakeshott, Philosopher of Individuality // Review of Politics. 1992. Vol. 54.
9. *St. Augustin.* The City of God. Image, Abridged edition, 1958.
10. *Worthington G.* Michael Oakeshott and the City of God // Political Theory. 2000. Vol. 28.

K.M. FEDORISHCHEV

Doctoral candidate,

Saint-Petersburg State University,

Saint-Petersburg, Russia

THE ELEMENTS OF AUGUSTINIANISM IN THE POLITICAL THEORY OF MICHAEL OAKESHOTT

The article identifies the key points of intersection between the tradition of Augustine of Hippo and the political philosophy of the English thinker Michael Oakeshott (1901-1990). The author notes the significant influence of Augustinism in the works of this philosopher, defining the ideological prerequisites for the formation of Oakeshott's theory of human behavior. Based on the analysis of the original works of St. Augustine, M. Oakeshott, C. Abel, H. Deane, P. Riley, G. Worthington, the author traces the philosopher's thought path in the process of his search for an answer to the question – how do Civitas Terrena and Civitas Dei relate in the modern world. As a result of a comparative study of the views of Oakeshott and St. Augustine, the author defines what exactly the philosopher means in the terms religion and world. Contrary to popular beliefs, terms of religion, according to Oakeshott, does not require unconditional agreement with

---

a number of provisions or with a certain creed, it is not dogmatic, it is not a set of moral laws that must be followed. Religion is a way of thinking about the world and acting in it, it is the conviction that life should be accepted as it is, living religiously means living in the present. Oakeshott is not trying to express the naive view that the “physical” world should be totally rejected and that the “spiritual” world should be accepted.

Key words: *Michael Oakeshott, Saint Augustine, Augustinianism, civil education, political theory.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.003

УДК 321.1. + 572.1/4

Ю.А. ЕРМАКОВ

*доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры политических наук,
директор Центра деловых и политических коммуникаций
Уральского федерального университета им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург
ID 696049 (РИНЦ)*

ЗАРОЖДЕНИЕ И УМНОЖЕНИЕ КОРРУПЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЕРАРХИЯХ: РОЛЬ ПРИРОДНЫХ НАЧАЛ

Коррупцию среди власть имущих сегодня рассматривают обычно как юридическую, социокультурную или экономическую проблему. Но в российской и зарубежной обществоведческой литературе совсем не встречается работ, раскрывающих ее природные корни. Такой взгляд на начала коррупции считается до сих пор противоречащим представлениям об общественной сущности человека. Между тем, почти 2500 лет назад Аристотель прямо назвал сапиенса «политическим животным», подчеркнув ключевую роль его естества в строительстве совместной жизни людей. Вот почему в видовой природе человека, по мнению автора, сохраняется, в частности, и группа иерархических наклонностей, унаследованная им от своих предков-гоминид и всемерно развитая исторически. Она располагает человеческих индивидов к своекорыстному манипулированию властью и соподчинением людей в целях формирования между ними «пищевых цепей» и клептократического извлечения жизненно важных ресурсов и благ. Так, управление обществом и формирование порядка в нем на основе коррупционных методов стирает незабываемую, казалось бы, социокультурную грань между человеком и его животными предками. В статье обосновывается, что коррупция существует не только из-за проявлений хищнических черт природы человека, но, главное, по нравственным, экономическим и правовым причинам. Однако в государственной антикоррупционной политике по ее искоренению следует учитывать и естественные качества человеческого существа.

Ключевые слова: *власть, господство и соподчинение, инстинктивные программы поведения, служебные полномочия, управленческая рента.*

Все меньше сегодня остается несогласных с тем, что в современном мире отчасти исподволь, но уже и открыто бушует социальная пандемия коррупции [15. С. 29]. Она наносит большой ущерб, а подчас и сокрушительные удары по подъему качества жизни большинства населения развитых, развивающихся и слаборазвитых стран планеты. Как свидетельствует экс-директор Международного валютного фонда Кристин Лагард, ежегодный объем взяток в мире достигает 2-х триллионов долларов. Из оборота общественных средств они благодаря изощренным коррупционным техникам исчезают прежде всего в карманах должностных лиц. К тому же эти почти 2% мирового объема ВВП, по ее словам, лишь верхушка айсберга, поскольку величины мировой коррупции значительно больше благодаря масштабам криминального уклонения от налогов, отмыванию финансовых средств и множеству других преступлений коррупционной направленности. Последние прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно генерируют дополнительно возрастающие объемы коррупции в мире (2). При этом, несмотря на многочисленные усилия государств и народов на глобальном и региональном уровнях обуздать, прежде всего, корыстные злоупотребления публичной властью, эти попытки на разрастании данного всемирного бедствия сказываются пока малозаметным образом. И не могут остановить рост многообразия форм и видов коррупционных практик в мире [17. С. 71-118].

Такое положение дел с противостоянием пандемии коррупции заставляет задуматься вот о чем. Первое упоминание о противодействии данному пагубному явлению известно с XXIV века до н.э., когда правитель шумерского города – государства Лагаша Уруинимгина (2318-2311 гг. до н.э.) провел административные реформы с целью пресечения злоупотреблений своих чиновников. Он запретил своекорыстное присвоение ими доходов населения от рыбной ловли и скотоводства, сократил сборы с храмового персонала и упорядочил оплаты за различные религиозные обряды [12. С. 199]. Также и в древнеиндийском трактате об искусстве политики «Артхашастра» (IV-III вв. до н.э.) правителю рекомендуется контролировать не только простых людей, но и внимательно следить за всеми начальственными лицами. Эта мера необходима для выявления недовольных его политикой и предателей и, кроме того, для пресечения десятков приемов и способов, которыми владеют правительственные чиновники, чтобы «откусить хотя бы немного от царских доходов» [4. С. 31-37, 284-299].

Таким образом, человечеству в течение более чем 4-х тысячелетий (!) не только не удалось победить коррупцию, но даже удержать ее в скольконибудь приемлемых рамках. Между тем, люди смогли справиться, например, с угрозами глобального массового голода, заметно сократить сегодня войны и насилие в международных отношениях, значительно уменьшить детскую смертность и острую нищету, устранить также повальные эпиде-

мии чумы, оспы, тифа. Сегодня удалось даже добиться принципиального, хотя пока и декларативного, равенства всех людей на планете, но коррупция в качестве общественного бедствия оказалась сродни масштабным засухам, наводнениям и другим климатическим катаклизмам, и искоренить ее современным обществам пока не под силу. Так может быть она на самом деле свойственна глубинной природе человека и поэтому неподвластна никаким общественным мерам по ее устранению?!

И действительно, несмотря на широчайшее многообразие культур, народов и локальных цивилизаций в истории человечества, их нынешнего разнообразия, – коррупционные преступления и правонарушения в них очень схожи и, можно сказать, имеют для вида *homo sapiens* типовой характер. Взятки, казнокрадство, превышение должностных полномочий, присвоение и растрата общественных ресурсов, мошенничество, кумовство, фаворитизм, своекорыстное использование конфликта интересов, злоупотребления административным влиянием и правом на рассмотрение – эти неправомерные и криминальные манипуляции вверенной ответственным лицам властью буквально под копирку фиксируются в уголовных и административных кодексах различных стран и народов. Вот почему очень важно, что типовой характер таких составов правонарушений и преступлений позволил мировому сообществу с конца XX, в начале XXI века приступить к выработке общего международного законодательства по борьбе с коррупцией. Были созданы и согласованы Конвенция ООН против коррупции (2003 г.), к которой присоединились сегодня 172 страны мира, Глобальная практико-ориентированная Программа по борьбе с ней, европейские Декларации об уголовном преследовании и гражданско-правовой ответственности за коррупцию. К тому же государства и международная общественность, опираясь на совпадение своих интересов, организовали такие известные сегодня антикоррупционные институты как «Трансперенси Интернешнл», ГРЭКО, другие европейские, африканские и латиноамериканские объединения и ассоциации антикоррупционной направленности.

Кроме этого, неизбежные природные корни коррупционного поведения должностных лиц заставляют предполагать и те характерные и симптоматические страсти – маниакальность и граничащая с психопатией остервенелость, с которыми нескончаемый ряд бюрократов, политиков и администраторов стремится конвертировать имеющуюся у них власть в собственные выгоды, в личные блага и барыши. К тому же такая одержимость обретает у них подчас характер сверхценной идеи, побуждающей заниматься неблаговидными делами вопреки очевидным угрозам нанести своей жизни и судьбе, своим близким – непоправимый вред и большой ущерб. И самое поразительное – они погружаются в преступный промысел посредством власти, несмотря на невозможность порой использовать похищенные и присвоенные блага лично, в своей повседневной жизни и по прямому их

назначению. Пример сподвижника Петра I безродного Алексашки Меньшикова, захватившего в собственность шесть российских городов и финансовые средства, превосходившие годовой бюджет Российской империи, может нам кое-что рассказать о подобной прямо-таки нечеловеческой одержимости [11. С. 77].

Нужно подвергнуть также сомнению и случайность совпадения типичных способов коррупционного присвоения человеческими индивидами чужих благ – с характерными приемами захвата и хищений различных ресурсов и ценностей в популяциях приматов, да и во многих других общностях сравнительно развитых животных. Ведь человек, как и его родственники в природе, точно также использует зачастую иерархию соподчинения индивидов в своем сообществе, то есть складывающиеся отношения власти и повиновения между людьми, не только в целях управления и установления общего порядка, но и себе во благо, с пользой для собственного выживания и эгоистического процветания. Не случайно у нейробиологов, проводящих сравнительный анализ мотивов поведения животных и людей, часто подчеркивается, что «иерархия есть система соподчинения, которая устанавливает неравный доступ к ограниченным ресурсам, начиная от мяса и заканчивая расплывчатой сущностью, именуемой «престиж» ... Иерархии устанавливают статус-кво с помощью ритуализации неравенства... Иерархическая система защищает личную выгоду. Поведенческие акты, которые провозглашают статус-кво, со всей очевидностью помогают верхушке» [19. С. 381-382].

С этим пониманием корыстного обустройства иерархии в животных и человеческих сообществах согласуются и многочисленные результаты социологических исследований, а также исторические свидетельства, оценивающие коррупцию как естественный, всепроникающий и неустранимый недуг, свойственный природе человека [15. С. 540 -541]. Вот почему не следует забывать и подсказку, данную нам почти 2,5 тыс. лет назад великим знатоком органического мира и создателем зоологии Аристотелем, который, размышляя о человеке, о его сущности, понимал это «произведение природы» прежде всего, как «животное политическое» [2. С. 7]. В первую очередь, он, конечно, оценил уникальность человека, сделав акцент на понятии «политическое». Другими словами, полисное, живущее в древнем сообществе в небольших, выстроенных на межгрупповом соподчинении людей, поселениях и способное поэтому к выработке общих целей и приоритетов их совместной жизни – к политике. А она, в свою очередь, обеспечивает им, по его словам, «благую жизнь». Вместе с тем Аристотель утверждает, что человек, в сущности, остается животным (гр. *zoon politikon*) и его поведение, стало быть, задано биологической природой и первобытным прошлым.

В связи с этим весьма симптоматично, что наряду с уникальной «политичностью» и одновременной «животностью» природы человека именно качество коррумпированности, т.е. «порчи», «разложения», и «уничто-

жения» государства (лат. «corruption») [13. С. 80]) обуславливает, по мысли древнего философа, существование «неправильных», «недостойных» форм правления в нем – тирании, олигархии, охлократии (как крайней формы демократии). В этих формах главным приоритетом властей предрержащих является их эгоистическая забота о собственном благе в ущерб общественным интересам [1. С. 105, 124].

Примечательно, что в 70-х годах XIX века русский мыслитель анархического толка М. Бакунин также обосновывал древний возраст коррупции, связывая ее с зарождением и существованием государства. «Никогда не было государства, – подчеркивал он, – которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как к средству управления» [5. С. 61]. Более того, коррупцию он считал совокупностью преступных деяний, но вслед за Макиавелли подчеркивал ее парадоксальную направленность на сохранение и даже укрепление государственности. «С того момента, – настаивал мыслитель, – когда преступление начинает служить орудием государства, оно становится добродетелью» [5. С. 64].

Наиболее отчетливо извечная природная подоплека связи власти как продукта иерархических отношений и соответствующих этим отношениям наклонностей биологических индивидов (особей) присваивать разными способами чужие блага описана в работах отечественных и зарубежных этологов [7. С. 221-222; 8. С. 12-21; 9. С. 37-45; 16. С. 167-169]. На большом фактическом материале они демонстрируют, как у приматов, включая высших, типичные и многообразные способы присвоения и хищений в рамках иерархического обустройства их общностей являются не только специфическими формами «кормления» ими друг друга. Ранговое соподчинение особей служит одновременно и такой своеобразной «пищевой цепью», которая вместе с взаимным пропитанием структурирует и организует их солидарное взаимодействие. А это, в свою очередь, содействует лучшему выживанию особей в своей общности и также эффективной их защите от внутренних конфликтов из-за дележа пищи и, соответственно, сплочению перед лицом внешних опасностей и угроз. К тому же отношения власти и повиновения ей, включающие соответствующие рангам особей формы индивидуального прокорма, четче упорядочивают репродуктивные связи между полами, способствуя тем самым более плодотворному размножению и появлению жизнеспособного потомства [14. С. 84-88].

Следует подчеркнуть, что сегодня ученые-естественники не сомневаются в том, что по своей изначальной природе *sapiens*, будучи «политическим животным», остается приматом с присущей ему группой иерархических наклонностей – страстями к господству и доминированию, а также к подчинению и покорности в своих сообществах [7. С. 227]. Так, в сущности, разными понятиями названо одно и то же, поскольку политика всегда подразумевает борьбу за власть и за соответствующий ранг в животной и че-

ловеческой иерархии [7. С. 249-253]. Вот почему резонно и предположение о том, что сопутствующие природной и исторической эволюции человека иерархические программы по-прежнему в той или иной степени присутствуют в действиях и повседневном поведении человека. Они подспудно, содействуя организации и управляемости его социумов, проявляют себя в иерархически, то есть вертикально интегрированном до сегодняшнего дня на соподчинении людей человеческом сообществе.

Поэтому, например, совсем не исключено, что их неистребимость отчетливо проявляет себя, в частности, в так называемой «иллегальной», то есть существующей явочным порядком и «полуофициально» коррупции, которая построена на административно-управленческой ренте и характерна для авторитарных, патримониальных и патриархальных политических режимов [21. С. 467; 3. С. 19]. Эта рента является и в нынешнее время инструментом вертикального контроля в бюрократической иерархии в некоторых постсоветских, латиноамериканских и африканских странах. Обеспечивая чиновникам дополнительные доходы и «кормление на должности», эта фактическая коррупция усиливает их повинование и лояльность начальству, служебную исполнительность и чинопочитание. Так происходит из-за противоправности и нелегитимности их теневых коррупционных барышей и возрастающей поэтому уязвимости их получателей, страха попасть под давление общественного негодования, или в опалу руководству и за решетку [18. С. 146-149]. Словом, чтобы понять, есть ли биологический компонент в разнообразных формах коррупционного поведения, нужно провести компаративный анализ, сравнив природные и человеческие алгоритмы корыстного манипулирования властью, которые используются, как правило, в ущерб развитию и гуманизации общества.

У предков человека – гоминид в организации общностей сотни тысяч и миллионы лет, сочетаясь с эпизодической эгалитарностью (охотничьи сообщества), царила устойчивая иерархия, т.е. соподчинение особей в различных группах – стаде, семье в зависимости от их физической мощи и сноровки, от возраста, пола, хищности и настырности. Наличие у человека группы иерархических инстинктов подтверждается не только параллельным развитием у его ближайших родственников тех же программ соподчинения, например, у шимпанзе или у павианов и горилл. Но, вместе с тем, очень важно, что в дополнение к предковым алгоритмам и конвергентно, то есть в похожих условиях и для сходных целей, у родственников людей среди приматов и у наших прямых предков вырабатывались одни и те же приспособительные программы поведения особей в стаде. Хотя, конечно, генетическая основа тех и других могла быть и различной.

Так, наверху вертикально интегрированных общностей у приматов и у людей были и по сей день находятся доминанты («вожди», «лидеры», «политики», «авторитеты», «альфа-самцы»), за ними следуют субдоминан-

ты («правлящие круги», «элита»), а внизу, «на дне» живут «простые люди», «плебс», «шелупонь», «отребье», «воры» (в смысле низкого происхождения), которыми можно и до сей поры не только управлять, но и помыкать. При этом самцы в стаде общественных приматов чаще всего и всю свою жизнь борются за высокий ранг в иерархии. Он позволяет влиять не только на расстановку сил в сообществе («политика у шимпанзе»), но и иметь наиболее лакомую пищу, привлекательных и плодovitых самок, места сравнительно комфортного обитания. Таким образом, власть как продукт отношений господства и повиновения была и, по большей части, остается проявлением законов существования иерархий. И не только в животном, но и в силу эволюции в первобытном человеческом мире. Преобладание иерархии в нем усилилось в связи с аграрной революцией (10 тыс. лет до н.э.) и развитием сельскохозяйственного производства, продукцию которого нужно было не только сохранять, но и накапливать и распределять. «Повсюду в мире появились правители, элита, и поглощали накопленные земледельцами запасы пищи, оставляя беднякам лишь скудное пропитание» [20. С. 123].

Так, с набором врожденных иерархических программ поведения, сформированных эволюционным отбором, люди вступили в собственно человеческие отношения между собой. Однако следует помнить, что человеческий мозг устроен так, что его отвечающая за сознание часть не может ознакомиться с содержанием многих инстинктивных программ. Да и они к тому же до поры до времени «спят», готовые, однако, при случае к актуализации. Человек между тем объясняет и рационализирует свое поведение в социуме в подавляющем большинстве ситуаций как результат своей рассудочной деятельности. И так сознание людей вольно-невольно лишь обслуживает спонтанную реализацию врожденных алгоритмов их поведенческой активности. Поэтому, кстати, оно находит нередко иллюзорные, лишь воображаемые объяснения побуждениям и мотивам поступков человеческого существа. Разумеется, сознание в состоянии распознать, в частности, пищевой, половой, оборонительный инстинкты, контролировать их, направляя в социально приемлемое русло. Но более сложные врожденные компоненты социального поведения и психики человека остаются, в своем большинстве, вне его мыслительной рефлексии. Например, возникшая в процессе эволюции склонность к этнологической изоляции видов уже трудно поддается интеллектуальной идентификации, хотя именно она может лежать в основе таких опасных явлений как расизм, агрессивный национализм или непотизм, например, в распределении носителями власти среди своих и близких различных жизненно важных ресурсов [19. С. 397-407].

В связи с этим примечательно, что у приматов, включая высших, есть универсальная и врожденная программа изыятия различных благ и обирания своих соплеменников, имеющих низший ранг в вертикали соподчинения. Она интересна тем, что действует без использования открытого насилия. Те

особи, кто находится в статусе подчиненных (например, у общественных обезьян) безропотно и нередко с готовностью отдают такие свои блага – лакомые куски пищи, занимательные игрушки, места удобного обитания, самок, которые приглянулись господствующим в ранговом соотношении особям [9. С. 38]. Подчеркнем, что эта биопрограмма не только понуждает передавать блага по властной вертикали снизу-вверх, но и укрепляет таким образом прочность иерархического соподчинения особей, необходимого в организации их групповой жизни.

Очень похоже, что эта предковая программа имеет издавна природо-подобный эквивалент в человеческом обычае подносить разнообразные «подарки» должностным лицам в надежде на их покровительство и благосклонность. При этом можно вспомнить, что и в первобытных общинах существовал обычай делать регулярные подношения вождям и жрецам, чтобы обеспечить их расположение к себе. Предки славян, например, в своих языческих ритуалах, дабы угодить божеству плодородия, обмазывали медом его деревянному изваянию рот и губы. Не в связи ли с этим родилась впоследствии древняя поговорка об убожении властей предрержащих – «не подмажешь – не поедешь»?! Во всяком случае, с ветхозаветных времен известны в России такие укорененные обычаи как «кормление» воевод, дьяков и судей, «приносы» населением этим служащим разнообразной пищи и утвари, организация челобитчиком так называемых «почестей», «посулов» и получение чиновничьей братией «магарыча», а также проведение «поминок» для ускорения в решении частных дел рядовых просителей [11. С. 15-16].

Все эти добровольно-обязательные и ставшие привычными дары первоначально и взятками-то не считались. Словом, вполне очевидно, что на основе врожденной биологической программы выросла целая субкультура подношений, подарков, пожертвований, стимулирующая корыстные отношения начальства и простого люда. Вместе с тем она закрепила и ритуализировала их специфическую взаимность, иерархическую, ставшую устойчивой связность, ранговое господство чиновников и подданность (от слова «дань») им населения в самодержавной государственности России. Так, из-за бедности древнерусского государства его содержание по византийской традиции было целиком возложено на население, живущее на вверенной присланным или местным чиновникам территории. Поэтому и юридическое оформление инстинктивной обусловленности отношений бюрократии и жителей было закреплено в первом сборнике нормативных документов «Русская правда» в XI веке. Князь Ярослав Мудрый прямо указал в нем простому люду материально обеспечивать своих наместников и предусмотрел заслушивание различные санкции [3. С. 19].

Так и сегодня некоторые представители российской бюрократии, не особенно таясь, используют в обиходе «дары» и подношения своих благодетелей. Сановники подчас коллекционируют швейцарские, за сотни тысяч

долларов, часы, носят одежды от «Версачи», путешествуют на люксовых автомобилях и яхтах, живут в пентхаузах и дворцовых комплексах, оплаченных промышленными олигархами и богатыми доброхотами. Ну а кое-кто из государственной управленческой элиты, скрытно имея двойное гражданство, вид на жительство в других странах, загранпаспорта с многолетними визами, приобретает тайно роскошную недвижимость в Европе и США, оформляя ее через подставных лиц с валютных счетов банков Цюриха и Лондона. Разумеется, источником столь роскошной жизни не являются официальные доходы от государственной и муниципальной службы.

Другая предковая программа присваивающего поведения, многократно описанная этологами и сходная с действиями людей – завладение источником витальных благ. Это могут быть в качестве богатой кормовой базы определенные территории, плодоносная растительность, источники воды, малоподвижные живые существа. Захват и удержание таких ценных благ удается, как правило, наиболее сильным и агрессивным особям, или их сообществам, поскольку они могут изгнать всех других на них претендентов. Подобным образом действуют не только синицы и голуби у кормушки, или утки и гуси в схватке за краюху хлеба, но и волчья стая в нападении на домашних животных. Вот почему удачное присвоение источников витальных благ – показатель для других силы, ловкости и рангового превосходства тех или иных живых существ.

У человека подобная программа проявляется уже в раннем детстве – в стычках малолетних за детсадовские игрушки, в борьбе за право контроля мест обитания на деревенских улицах и в городских подворотнях. Впрочем, уже взрослые сапиенсы, облеченные властью, пускаются во все тяжкие и правдами-неправдами присваивают общественные активы – плодородные гектары земли, прибыльные предприятия на этапе приватизации, крупные бюджетные средства, высокодоходную ренту с вывоза из страны минеральных богатств. При этом государственные начальники стремятся подчас обеспечить себе регулярный бакшиш за ослабление для бизнеса налоговых тягот, дарование ему различных имущественных льгот и создание монополии в получении государственных и муниципальных заказов.

В этой криминализованной субкультуре присутствуют и «захват», «покупка» начальственных должностей в органах управления, имеющих властные полномочия в распределении ценных материальных ресурсов. Самым губительным для общества случаем является присвоение и узурпация в целях обогащения вершин публичной власти – служебных позиций высшего чиновничества в министерствах и центральных ведомствах, в надзорной, силовой, судебной и информационной системах. Затем эти «плодоносные» и коррупциогенные должности превращаются в изобильный источник стяжательства для политических клик и кланов, для иных доминантных групп, образующих хитросплетения коррупционных сетей и управляющих

ради своих выгод обществом. И если так иногда получается, то подобное государство, в конечном счете, может постигнуть деградация и гибель. Не случайно поэтому слово «коррупция» в древнегреческом языке имеет и это последнее значение – «уничтожение» чего-либо [13. С. 80].

Еще одна простейшая программа – отнятие с помощью насилия чужого пропитания или другого добра есть у очень многих общественных животных, включая, конечно, и высших приматов. Нередко детеныши начинают обирать и грабить своих сверстников раньше, нежели просто контактировать с ними. Развитые особи завладевают чужим имуществом уже не только благодаря физическому превосходству, но и с использованием своего доминантного ранга. У общественных обезьян, например, делается это иногда и в символической форме: одарил альфа-самец нижестоящего лакомой подачкой и тут же ее отнял. Повторяется эта процедура при этом несколько раз кряду: дал – отнял. Так подается сигнал подчиненным об иерархическом превосходстве и необходимости крепить их низший ранг безусловным повиновением [9. С. 39].

Эта программа поведения общественных животных в своих иерархиях очень схожа с изощренным чиновничьим давлением, обеспечивающим незаконные платежи и «приносы» из бюджетов частных фирм и карманов состоятельных граждан в обмен на противоправные действия или преступное бездействие бюрократов. Ловко выстроить подобные комбинации отношений и требований для платежеспособных и имущих субъектов так, чтобы они эту «обдираловку» могли безропотно терпеть и, скрепя сердцем, признавать, относится к высокому «управленческому» искусству работы корумпированной служивой братии с населением и бизнесом. Разумеется, это «менеджерское мастерство» упрочивает и вертикальную иерархию в обществе.

Однако весьма примечательно, что грабеж и обирание высокоранговыми животными нижестоящих в вертикали власти уравнивается и компенсируется другой предковой программой поведения подчиненных – систематическим, искусным и тайным обворовыванием ими господствующих особей. Причем чем устойчивее соподчинение и иерархия, например, у стадных обезьян, тем сильнее в них присутствуют тайные хищения. А украденное низкоранговые особи или сразу «за обе щеки» уплетают, или прячут в укромных местах. Так, с помощью ограбления, с одной стороны, и тайных хищений, с другой, создается необходимый ресурсный и ранговый баланс в отношениях господства и повиновения в стаде.

Очевидно, что и у таких высших приматов, как *homo sapiens*, подобная «криминальная пищевая цепь» в различных иерархиях имеет место. Особенно отчетливо комбинация грабежа и хищений обнаруживает себя тогда, когда у чиновничьей братии есть доступ к руководящим возможностям, позволяющим, применяя различные изощренные уловки, своекорыстно

распределять государственные доходы и общественные ресурсы. Казнокрадство, мошенничество, присвоение и растрата бюджетных средств, или, например, в быту обворовывание слугами своих богатых господ – обычная картина многообразия преступных деяний в различных социально-политических иерархиях.

На сей счет в народной памяти живет примечательная история о том, что когда-то уральские магнаты Демидовы сквозь пальцы смотрели на должностные хищения управляющими своих металлургических заводов и поместий, если их объем не превышал примерно 10-ти процентов хозяйских доходов. Эти «плутни» со стороны своего «менеджмента» они считали неизбежными и поэтому не наказывали за них.

Существует от века и такая эволюционная биопрограмма как мошеннический обмен. Обезьяны и вороны, в частности, обладают природной одаренностью хитрить и навыками обдурить партнера, подsunуть ему вместо нужной вещи туфту или захватить ценные предметы, которыми они якобы обмениваются. Надо ли говорить, что и у сапиенса мошеннический обмен достаточно развит, поскольку им также нередко двигает подспудное желание надуть партнера и получить таким образом свой куш. Честность и равноценный обмен – достаточно поздние завоевания разума и культуры. Они нейтрализуют отчасти эти «400 сравнительно честных способов отъема благ» (имени Остапа Бендера), культивируемые для своего выживания самыми хитроумными и наглыми индивидуумами, действующими также и в структурах власти. Словом, подсознательная мошенническая программа никуда не девалась и в составах уголовных преступлений и административных правонарушений она достаточно часто заявляет о себе в полной мере.

Так, например, в организации конкурсов по размещению государственных и муниципальных заказов, обеспеченных крупными суммами бюджетных средств, мошенничество ответственных лиц процветает вовсю. Меры законодателей, последовательно ужесточающие в новых законах и нормативных актах требования к проведению конкурсов и санкции за их нарушение, пока не свели на нет эти изощренные и преступные хитрости и уловки. Ущерб от мошенничества должностных лиц при проведении закупок, особенно в военно-промышленной и космической сферах, где циркулируют гигантские государственные средства, измеряется подчас астрономическими суммами.

Есть еще несколько клептократических программ у животных, которые содействуют упрочению и сравнительно успешному функционированию «управленческой» властной вертикали в их сообществах. Аналоги данных программ можно порой без труда найти среди перечня злоупотреблений должностным положением носителями власти в человеческом социуме.

Так, например, наиболее сильные и настырные самцы в стадах собаколовых обезьян – гамадрилов, бабуинов, павианов – в борьбе за ранг и иерар-

хическое господство проводят большую часть жизни, поскольку высокое положение содействует лучшему выживанию и репродуктивным достижениям мужских особей. Напротив, те, кто не так настырен, молод и силен, попадают в низшее ранговое положение и поэтому хуже живут, больше болеют и чаще умирают. Однако сделать их существование сносным им помогает умение попрошайничать, развитое и у многих других животных. Такие, очень часто изобретательные навыки вымогательства – «голь на выдумки хитра» – направлены, как утверждают биологи, снизу-вверх, к тем, кто более силен, удачлив и выше по рангу, может чем-либо ценным поделиться [9. С. 39].

Надо сказать, что у человека попрошайничество развито по всей видимости больше, чем у других животных. Мы постоянно что-нибудь просим, ходатайствуем, умоляем, кланяемся, взываем, испрашиваем, молимся всевышнему, заклинаем, требуем, умилюем и т.п. Однако в бюрократическом сословии эта, по сути, врожденная склонность стала с очевидностью коррупционным искусством, включающим изощренное попрошайничество и назойливые просьбы, обращенные к состоятельным гражданам и процветающим предприятиям. Так, чиновники с энтузиазмом формируют, к примеру, различные внебюджетные, социальные и благотворительные фонды, которые, однако, в первую очередь, обслуживают их собственные нужды и меркантильные интересы. Они подчас заняты построением таких административных барьеров, которые сильно загромождают создание, регистрацию, укрепление и развитие частных фирм и предприятий и поэтому вызывают оторопь у бизнесменов, вынужденных за их преодоление платить «барашка в бумажке». Так что можно вполне полагать, что звериные навыки попрошайничества и вымогательства никуда не девались, они лишь расцвели пышным цветом и обрели цивилизованное обличье в отношениях с имущими и богатыми, поскольку служат достаточно часто для прокорма прожорливого чиновничьего племени.

Кстати говоря, взывание низов о помощи, их попрошайничество органически завязывается в звено иерархической цепи с склонностью доминантов одаривать чем-либо подвластных, проявляя о них порой недюжинную заботу. Но, как подметили ученые, например, иерархи стадных обезьян, не стремятся отдавать другим то, что добыли сами, своими усилиями. Зато они «щедро» раздают те блага, которые им удалось у кого-нибудь отнять, но из-за кочевого образа жизни или по другим причинам они не могут их употребить сами или припрятать. Поэтому доминанты используют часто «излишки» для демонстрации и укрепления своего рангового превосходства. Словом, подачки иерархов своим соплеменникам являются не столько благотворительностью и «гуманитарной помощью», сколько реализацией врожденной популяционной программы укрепления вертикальной интеграции членов данной общности [9. С. 39].

Вряд ли можно отрицать подобные мотивы действий у человека при отпавлении им политической или административной власти. Не случайно

поэтому выдающийся американский приматолог Франс де Вааль настаивает на том, что «человек – это иерархический примат, как бы мы не старались закамуфлировать данный факт...» [6. С. 306]. И, конечно, этот, без преувеличения, выдающийся примат проявляет покровительство и благосклонность прежде всего в отношении «своих», «социально близких» – членов своей семьи, рода, этноса, сословия и религии, политической партии или земляков и однокашников. Он делает это часто не только для того, чтобы помочь им обустроиться в жизни. Такие коррупционные явления как кумовство, фаворитизм, протекционизм и nepотизм открывают нам и другие грани мотивации его благодеяний. Иерархические наклонности, скорее всего, порождают и стремление сколотить такие коалиции и клиентские группы, которые при случае были бы способны на поддержку ранговых позиций доминантов, их начальственного влияния и привилегий. Стало быть, отрицать в покровительственных действиях людей элементы врожденной их тяги к власти и влиянию вряд ли стоит.

Очерченное нами природоподобие (конвергентность) своекорыстных манипуляций властью человеческими индивидами, включающее их в контекст естественной жизни родственных им существ, позволяет сделать некоторые выводы, полезные для выработки комплексных мер противодействия коррупции.

Во-первых, предположения о том, что коррупционные преступления и правонарушения имеют своими природными началами и, отчасти, действующими предпосылками видовые инстинктивные программы поведения высших приматов (и других животных) в отношениях доминирования и повиновения между собой, носят вполне обоснованный, имеющий обширную фактографию, характер. Вместе с тем у сородичей человека – гоминид навыки захватывать и присваивать чужое имеет с точки зрения «естественной морали» вполне нейтральное и даже практически важное значение. Ведь цепь взаимного кормления, вырастающая из комбинации этих звериных ухваток (отнятие силой, к примеру, со стороны доминанта и попрошайничество ему подвластного) превращается в итоге в связанное ранговое соотношение и иерархическое обустройство животной общности. Вместе с тем, подчеркнем, что это соподчинение не складывается раз и навсегда, оно имеет постоянную динамику в агонистических схватках животных и ранговом чередовании в их общностях «властей предержажших». Вот почему функционирующая благодаря таким приемам взаимного кормления «пищевая цепь» иерархию в целом поддерживает, в определенной степени стабилизирует и укореняет в стаде. В свою очередь, ранговое соподчинение особей задает популяциям и общностям структурированность, позволяет гасить в процессе дележа пищи губительные конфликты между ними, быстрее организовать защиту стада от внешних угроз, преодолевать разные напасти в процессе коллективного выживания. К тому же иерархические отношения

содействуют в процессе полового отбора репродукции наиболее жизнеспособного потомства.

Но с позиции человеческой нравственности построение иерархии такими методами «аморально» и «криминально», поскольку аналогичные действия у людей имеют очень часто прямое продолжение в составах уголовных преступлений и подвергаются общественному ostracismu. Вместе с тем доминантные группы в человеческом социуме, особенно в авторитарных и диктаторских режимах, все-таки прибегают к клептократическим методам укрепления своего господства и на их основе стремятся управлять обществом. И тогда связь и схожесть естественных приемов захвата и присвоения чужих благ в природной иерархии и составов должностных преступлений коррупционеров становятся вполне очевидными.

Во-вторых, предковые начала коррупционных наклонностей обнаруживают себя, на наш взгляд, в аддиктивном характере стяжательских устремлений, порождаемых алчным манипулированием вверенной должностным лицам властью. Погрузившись в страсти к обогащению, эти представители правящего сословия уже редко, когда могут остановиться. Разумеется, в подобной их «тронутости» играет роль и чудесная сила самой власти, способной нередко в мгновение ока обеспечить материальное процветание ее носителей. Присвоенные с ее помощью в личную собственность, скажем, деньги или драгоценности волшебным образом могут масштабироваться в десятки и даже сотни килограммов. А, к примеру, земельные участки – измеряться тысячами гектаров (1). Трудно противостоять такому, подобному солнечному удару, соблазну, искушению стать миг богатым и независимым от повседневных и тяжких забот о хлебе насущном.

В-третьих, думается, что природные корни хищений, грабежа, вымогательства со стороны должностных лиц дают о себе знать и в повсеместности коррупционных проявлений, их агрессивном свойстве проникать не только в ключевые, но и в любые другие сферы функционирования органов управления обществом. Исчезнув в результате действенных антикоррупционных мер в одной области, эти клептократические пристрастия, реанимированные наличием господства и доминирования, тут же спонтанно проявляются в другой. Словом, благодаря группе иерархических инстинктов, подспудно ориентирующих их носителей на власть и стяжательство, коррупция является не только системным, но и системообразующим явлением, регулярно возрождающимся в самых разных областях деятельности правящих групп. В этой своей особенности она напоминает стихию гниения, порчи, ржавчины и разложения, поражающих со временем любые тела и вещи.

При этом следует подчеркнуть, что природные иерархические программы действуют, как правило, в бессознательной сфере, носители власти и необходимости повиновения ей их у себя не ощущают, поскольку, как правило, рассудочно объясняют свои решения и действия. К тому же, как считают

биологи, многие социальные инстинкты «дотягиваются» лишь до наших желаний, но не до их неперенной реализации. В этом важном месте решающую роль уже играет культура и этика человека, поэтому он может делать выбор: или в принятии конкретных решений, так сказать, остаться настоящим человеком, или «озвереть» по образцу далеких предков вновь. Примеров вырождения людей, обуреваемых корыстными манипуляциями властью, несть числа.

Вот почему нужно подчеркнуть, что «связыванием» правовыми нормами и этическими стандартами действий субъектов власти, или взыванием к их совести и сознательности, а также повышением им персонального довольствия видовые природные склонности к присвоению чужого не искоренить. Более того, установлением в целях снижения у них «лихоимской» мотивации новых льгот и привилегий ситуацию роста масштабов и изоэченности хищений со стороны отправляющих власть можно только усугубить. Ведь в этом случае риск путаницы в различении ими государственного, общественного и личного карманов возрастает, поскольку, решая острые социальные проблемы и проводя реформы, правящее сословие в России всегда стремится присвоить себе и право определять объемы собственного содержания (то бишь «кормления») его населением. Вот почему реформы государственного устройства России на протяжении всей ее истории, как правило, сопряжены с переделом, иногда «черным», ее национальных богатств.

Недостаточно также, хотя и крайне важно создавать, и активно внедрять процедуры надзора за государственным аппаратом со стороны институтов и коалиций гражданского общества. Тем самым будет постепенно устраняться правовая асимметрия двух ключевых сторон социума: между органами государства с его монополией на применение насилия и гражданским обществом – с его правом на контроль за осуществлением без корыстного произвола этого насилия.

Не менее важно через образовательные, просветительские организации, посредством СМИ и Интернета систематически формировать антикоррупционное мировоззрение у государственных, муниципальных служащих и у населения страны. Тогда в будущем оно сможет воплотиться в соответствующие привычки и навыки повседневного взаимодействия рядовых граждан и властей. Вместе с тем, эти общественные меры дают, как показывает опыт многих стран мира, лишь частичный, а иногда – только паллиативный эффект, не затрагивающий разветвленные в видовой природе *homo sapiens* корни коррупции. Очевидно, что следует всячески поощрять и стимулировать честность и добропорядочность служащих, выполняющих публично – управленческие функции в процессе реализации ими должностных полномочий. Вместе с тем при выборе личных сценариев служебного поведения необходим и рамочный ограничитель – страх, сопряженный со знанием неотвратимых санкционных кар за коррупционные проступки

и преступления. Утрата репутации, имущества, свободы, достойной пенсии, общественного статуса и благополучия своей семьи будет удерживать носителя власти от разгула в его действиях и решениях хищнической человеческой природы.

В противном случае политики и чиновники, имеющие по сравнению с рядовыми гражданами привилегированное общественное положение, без боязни неотвратимости и суровости наказания воспринимают подчас коррупционные возможности как свои премиальные бонусы для осуществления при помощи власти персональных прибыльных проектов. Они считают нередко реализацию своекорыстных задумок малорискованной и высокоприбыльной деятельностью, меняющей чудесным образом к лучшему их личное материальное положение. Для себя, однако, в своей душе они объясняют подчас эти несправедливые и незаконные деяния тем, что в реальной экономике есть сопоставимые по статусу доходные должности и к ним соответствующие блага, на которые они, решая важные общественные проблемы, также имеют полное право. В этом случае уместно вспомнить знаменитую мысль Л.Н. Толстого о том, что «совесть привилегированных – есть привилегированная совесть».

Конечно, в силу врожденности ряда естественных программ поведения во власти, невозможности поэтому их искоренить полностью, следует устранять коррупционно рискованные служебные ситуации, провоцирующие должностных лиц на соответствующие действия и решения. Так, в принимаемых законах есть подчас лазейки для своекорыстного своеволия служащих, поэтому квалифицированная антикоррупционная экспертиза и гражданский юридический надзор за проектами нормативных актов также должны войти в качестве обязательных процедур в повседневный обиход законодательного процесса. Кроме этого, устранение закрытых деловых контактов чиновников с населением, а политиков – с бизнесменами, замещение их интернет-платформами госуслуг, «виртуального правительства», «электронной демократии» также будут способствовать изживанию коррупционных явлений. Очень важны и регулярное кадровое обновление высшего эшелона власти в политике, в государственном и муниципальном управлении, ротация и императивная сменяемость ответственных лиц на должностях, имеющих высокие коррупционные риски. Эти важные меры в комплексе демократических процедур будут противостоять пробуждению иерархо-клептократических биопрограмм в действиях носителей публичной власти.

Таким образом, базовые, опорные факторы противодействия коррупции – сокращение и устранение коррупциогенных служебных ситуаций, превентивное устрашение за занятие этим преступным промыслом и всемерное поощрение личной честности и добропорядочности служащих уменьшат экспансию и риски коррупционных проявлений в органах власти и управления обществом. В противном случае сплетение дискреционных (расширенных) прав на отправление властных полномочий с инстинктивными программами

их осуществления может дать о себе знать в данных институтах самым неожиданным и губительным для общества образом.

Вместе с тем, нужно еще раз подчеркнуть, что коррупция существует не только из-за несовершенства и особенностей реликтовой природы вида *homo sapiens*, поэтому комплексная антикоррупционная политика, воплощающая в себе объединенные усилия государства и гражданского общества, предполагает множество других полезных мер и процедур.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Вспомним нынешних экс-чиновников Васильеву (Минобороны), Хорошавина (экс-губернатора Сахалина) и Захарченко (полковник МВД), у которых изъятые Следственным комитетом РФ драгоценности и денежные купюры измерялись сотнями килограммов и вывозились из схронов грузовиками.

(2) Ежегодный объем взяток в мире достигает двух триллионов долларов // Новые известия. 18.09.2017 // <https://newizv.ru/news/economy/18-09-2017/ezhegodnyu-ob-yom-vzyatok-v-mire-dostigaet-dvuh-trillionov-dollarov>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аристотель*. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997.
2. *Аристотель*. Политика. М.: Изд-во АСТ, 2016.
3. *Архипова И.В.* Феномен коррупции: ретроспективный дискурс (на основе зарубежных исследований) // Диалектика противодействия коррупции: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, 3 декабря 2014 г. Казань: Изд-во «Познание», 2014.
4. *Артхашастра*, или Наука политики. М., 1993.
5. *Бакунин М.А.* Коррупция – О. Макиавелли – Развитие государственности // Вопросы философии. 1990. № 12.
6. *Вааль де Ф.* Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
7. *Вааль де Ф.* Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
8. *Дольник В.Р.* Естественная история власти // «Знание-сила». 1994. № 10. Ст. 1.
9. *Дольник В.Р.* Естественная история власти // «Знание-сила». 1994. № 11. Ст. 2.
10. *Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гумани-тариев // Природа. 1993. № 1-3.
11. *Ермаков Ю.А.* Коррупция публичной власти: российский вариант. Опыты противоборства. Екат-бург: Изд-во Урал. ун.-та, 2017.
12. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 1. Месопо-

---

тамия / Под ред. И.М. Дьяконова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.

13. *Лобовиков В.О.* Аристотель о коррупции вообще, и проблема коррупции фундаментальных научных исследований в особенности: естественное право и формальная этика // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Второй всерос. научн. конф. с междунар. Участием / Отв. ред. В.Н. Руденко и др. Ин-т философии и права Урал. отд. ния Рос. Акад. Наук. Екатеринбург, 2016.

14. *Марков А.* Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1. Обезьяны, кости и гены. М.: АСТ: CORPUS, 2013.

15. Многоликая коррупция. Выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / Под ред. Э. Кампоса и С. Прадхана; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018.

16. *Моррис Д.* Голая обезьяна: Сборник / Пер. с англ. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2016.

17. *Нисневич Ю.А.* Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса: монография. М.: Издательство Юрайт, 2019.

18. *Розов Н.С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1.

19. *Сапольски Р.* Биология добра и зла: как наука объясняет наши поступки / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

20. *Харари Ю.Н.* Sapiens: Краткая история человечества / Пер. с англ. М.: Синдбад, 2019.

21. *Bratton M. Van de Wall* № 1994. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // World Politics. Vol. 46 No. 4 // <https://doi.org/10.2307/2950715>.

Yu.A. YERMAKOV

Doctor of Sciences (philosophy),

Professor at the Chair of Political Sciences,

Director of the Center for Business and Political Communications

of the Ural Federal University named after the First President

of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORIGIN AND MULTIPLICATION OF CORRUPTION IN SOCIO-POLITICAL HIERARCHIES: THE ROLE OF NATURAL PRINCIPLES

Corruption among those in power today is usually considered as a legal, socio-cultural or economic problem. There are no works in the Russian or foreign

---

social science literature revealing the natural roots of corruption. Such a view of the corruption origin is still considered contrary to the ideas about the social essence of man. Meanwhile, almost 2,500 years ago, Aristotle explicitly called sapiens a “political animal,” emphasizing the key role of human nature in the construction of the collective human life. That is why, according to the author, the group of hierarchical inclinations inherited from the hominid ancestors and fully developed historically is preserved in the specific nature of man. It disposes human individuals to self-serving manipulation of the power and subordination of people in order to form “food chains” between them and kleptocratic extraction of vital resources and benefits. Thus, the management of society and the formation of order in it on the basis of corrupt methods erases the seemingly unshakable socio-cultural line between man and his animal ancestors. The article proves that corruption exists not only because of the manifestations of predatory traits in human nature, but, most importantly, for moral, economic and legal reasons. However, the state anti-corruption policy aimed at the elimination of corruption should also take into account the natural human traits.

Key words: *power, domination and subordination, instinctive programs of behavior, official powers, managerial rent.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.004

УДК 32.323

С.О. АЛЕХНОВИЧ

*кандидат философских наук,
начальник управления планирования и экономического
анализа Федеральной службы по тарифам,*

Россия, г. Москва

С.А. ВОРОНЦОВ

*доктор юридических наук, профессор Южно-Российского ин-
ститута управления-филиала Российской академии народного хо-
зяйства и государственной службы при Президенте России,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

А.В. ПОНЕДЕЛКОВ

*доктор политических наук, профессор Южно-Российского ин-
ститута управления-филиала Российской академии народного хо-
зяйства и государственной службы при Президенте России,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНФОРМИРУЕМ И ОБСУЖДАЕМ

Коррупция, проблемы с ней связанные, – это многофакторный процесс. Среди факторов ее либо распространенности, либо сдерживания можно рассматривать и фактор масштабов и качества информирования научной общественности, гражданского общества, государственных структур относительно того, что здесь последовательно делается. Статья посвящена в основном дополнительному информированию о последних мероприятиях на заданную тему, проведенных дюжиной научных, исследовательских и образовательных организаций. И попытке показать, каких реальных и потенциальных результатов на этом направлении можно достигнуть. Представлена также кратко и сжато палитра мнений, суждения, оценки крупных ученых, специалистов, экспертов о коррупции и способах профилактики и борьбы с ней, показаны характер и специфика полемики на этот счет.

Ключевые слова: *коррупция, коррупция в современной России, меры борьбы с коррупцией.*

1. Актуальность темы. В современной России проблема противодействия коррупции находится в центре внимания государства и общества. Большинство специалистов, экспертов, представителей гражданского обще-

ства, его представительских организаций, и государственной власти склонны рассматривать эту проблему угрожающей социальной и политической стабильности российского государства. Указывая на масштаб этой угрозы, характер ее оценки и восприятия в российском обществе проф. Д.Е. Сливозовский в рецензии на статью Ю.А. Ермакова «Зарождение и умножение коррупции в общественно-политических иерархиях: роль природных начал» [5], опубликованных в этом же номере журнала, считает актуальным и в какой-то мере обескураживающим тот факт, то состояние, что «проблемы, связанные с коррупцией во властных структурах, в судебной, в милиционно-полицейской системе всегда занимали в российском общественном сознании и аналитическом восприятии особое место. ...И буквально в текущем моменте тема коррупции вновь стала активно эксплуатироваться с использованием разнообразных, в том числе и нечистоплотных приемов, по расшатыванию спокойствия и подрыву стабильности в стране, и по введению санкций против тех, кого они назвали коррупционерами» [2].

Можно лишь догадываться о причинах живучести коррупции, ее способности оставаться крупным злом, быть поруганной и осуждаемой. И в тоже время – быть «нетленным» и почти бессмертным явлением и процессом. В чем секрет такого «бессмертия» коррупции? Не все, но многое объясняет и проясняет, по крайней мере делается попытка к тому, чтобы проанализировать и понять, почему, не удастся, если не избавиться, то хотя бы уменьшить негативные последствия этого явления. Об этом пойдет речь, опираясь на многочисленные акции на разных уровнях. Речь идет и о мероприятиях научного и прикладного свойства по изучению природы и влиянию коррупции, по профилактике и предотвращению коррупции и по информированию того, как ведется борьба с коррупционерами [1]. О многом может рассказать и многое можно понять, если обратиться, например, к информационно-аналитическим материалам, представляющим результаты проведенного в феврале – апреле 2020 г. опроса экспертов. Издание адресуется государственным и муниципальным служащим, представителям судебной системы и правоохранительных органов, научным, вузовским специалистам, аспирантам, магистрантам, студентам, всем интересующимся данными проблемами [7]. Есть также массив материалов, опубликованных в рамках подготовки Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России» в Южно-Российском институте управления – филиале ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (17 апреля, 28 мая 2020 г.) [4]. Критики и самокритики ради, скажем, к сожалению, ни одной ссылки на опубликованные материалы мы не обнаружили, хотя материалы стали доступными уже более полугода на платформе научной электронной библиотеки «Elibrary.ru» [8]. О чем это говорит,

следует, по нашему мнению, еще разбираться. И больше всего надо уяснить хотя бы для себя, для исследовательского цеха, не являются ли такого рода материалы мало или слабо интересными. Или есть другие причины непопулярности и неактуальности такого рода материалов.

В нашей статье мы намерены представить информацию о проведенном научно-практическом Круглом столе с конкретной тематикой. И попытаемся обрисовать на материалах этого мероприятия актуальность самых болезненных точек коррупционности, характер восприятия ее разными субъектами и контрагентами, обсудить меры по противодействию коррупции, представить картину успешных, и, напротив, недостаточно эффективных мер по профилактике и противодействию коррупции. Дискуссионный характер и неоднозначность понимания и восприятия этой проблемы, лишь усиливает интерес к ней, делает тематику остроактуальной. Оставляет открытой и дискуссию, и подходы к ее анализу.

2. Палитра мнений и суждений о коррупции. Информационный контекст и его описание дают, конечно, фрагментарно, следующую сюжетно-проблемную новеллу. И показывают характер предпринимаемых в этой плоскости мер, их полезную значимость, и массив еще не решенных задач. Или задач, которые будут и должны решаться лишь при определенных условиях.

Так, например, 9 декабря 2020 года, в Международный день борьбы с коррупцией состоялся Всероссийский Круглый стол с международным участием «Актуальные проблемы противодействия коррупции в современной России». Круглый стол проведен в режиме онлайн, объединившем две дискуссионные площадки в городах Москве на базе Дома общественных организаций (Москва, ул. Покровка д. 5) и в Ростове-на-Дону, на базе коворкинга «Рубин» (Ростов-на-Дону, пр. Театральный 85).

Организаторами дискуссии выступили Институт права и национальной безопасности РАНХиГС, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Общероссийское движение «Сильная Россия», Юридический факультет Южного Федерального университета, Академия права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП), Управление противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области. В работе Круглого стола приняли участие руководители Ставропольского филиала РАНХиГС, Курганского филиала РАНХиГС, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), КЧГУ им. У.Д. Алиева, главные редакторы научных журналов «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» и «Социум и власть», а также научные работники МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского государственного лингвистического университета, ПИУ им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС, Ростовского государственного экономического университета, Пятигорского государственного университета, Ставропольского государственного педагогического института, Астраханского государственного университета, Уральского федерального университета и других учебных заведений.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился председатель Президиума ООО «Офицеров России», Герой России, генерал-майор Сергей Липовой, который охарактеризовал масштабы угроз и вызовов, порождаемых коррупцией, а также наметил основные темы для обсуждения в рамках Круглого стола.

Заместитель директора ЮРИУ – филиала РАНХиГС Алексей Баранов, отметил, что в современной России проблема противодействия коррупции находится в центре внимания государства и общества, что объясняет регулярное обращение к данному вопросу со стороны компетентных представителей науки, руководителей органов власти и сотрудников правоохранительных структур.

Лейтмотивом, рефреном продвигается и внедряется в сознание общества и повседневную работу представителей всех уровней государственной власти идея о том, что качественная борьба с коррупцией – это основа эффективной системы государственного и муниципального управления и здорового общества в целом.

Конечно, важность эффективной работы по организации противодействия коррупции сложно переоценить. Поэтому президентская академия, как системообразующий вуз в своем сегменте, ведет регулярную масштабную работу по содействию этой деятельности. Также Южно-Российский институт управления проводит разноплановую и активную работу по данной тематике. Важнейшие направления этой работы можно представить так:

- обучение по основам противодействия коррупции представителей органов власти и местного самоуправления;
- информационно-просветительская работа со студентами, преподаватели вуза;
- выступления экспертов на заседаниях комиссии по конфликту интересов и соблюдению принципов служебного поведения, которые входят в состав Комиссии по противодействию коррупции при Губернаторе Ростовской области.

Особенностью в этом деле в текущем моменте стало то, что Круглый стол проходил параллельно на двух площадках: это уже становится своего рода традицией и в очередной раз показывает преимущества дистанционных технологий в организации работы, в том числе с научным сообществом.

Подводя своего рода итог своему пониманию и видению проблем и противоречий в коррупционной составляющей, А. Баранов выразил уверенность, что очередная научная дискуссия станет значимым этапом в осмыслении подходов к противодействию коррупции и позволит сформулировать эффективные пути профилактики этого негативного феномена.

Расширил и добавил к оценкам коллег свои представления генерал-полковник милиции в отставке, государственный советник юстиции 1-го класса, доктор юридических наук Владимир Колесников. В своем докладе

он проанализировал общие закономерности развития коррупционных процессов в условиях современной цивилизации и высказал ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия коррупции.

Член Высшего совета движения «Сильная Россия», председатель исполкома Общероссийской общественной организации «Офицеры России», генерал-майор в отставке Александр Михайлов счел нужным оценить уровень коррупции среди представителей исполнительной власти и народных избранников. По его мнению, в последнее время к уголовной ответственности привлекают большое количество чиновников, но надо заметить, что большинство из них, несмотря на многомиллионные хищения, взятки сегодня не отправляются в следственный изолятор, а находятся под домашним арестом. Это, как раз и показывает, как у нас относятся к коррупции», – с долей иронии и самоиронии заявил А. Михайлов. Спикер отметил, что очень часто завышается роль пойманных на коррупции представителей власти, а некоторые до сих пор при должности и формируют политику государства. «Ранее арест конкретного лица за нарушение, преступление рассматривался не только как мера пресечения, но и как мера профилактики», сегодня же арест чиновника уже не воспринимается обществом как какое-то значимое событие. Граждане полагают, что наказание для служащих если будет, то самым минимальным и сразу после срока бывший чиновник получит новую должность. Алексей Михайлов в своем выступлении указал еще на одну актуальную проблему, которая может спровоцировать протестные настроения в обществе. Что это за проблема? Михайлов А. ее формулирует в следующих терминах: это инициатива депутатов Государственной Думы по «закрытию» информации и недопустимости средств массовой информации и обществу «проникать в жизнь депутатов и государственных служащих». Докладчик считает, что данная инициатива «прикрывается законом о конфиденциальности деятельности сотрудников правоохранительных органов, военных и других структур», при том, что публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления является ключевым принципом противодействия коррупции [5].

Заведующий сектором профилактики коррупции Управления противодействия коррупции при Губернаторе Ростовской области Игорь Андронников отметил, что коррупция стоит в одном ряду с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, и не случайно при ее характеристике часто употребляют термин «угроза». Она наносит серьезный ущерб не только развитию государства и общества в целом, но и отдельного гражданина. Коррупция – одна из наиболее острых тем, существующих в российском обществе. Люди теряют веру в законность и справедливость, в обществе начинает формироваться мнение, что все можно решить через коррупционные схемы, обычному человеку ничего не добиться честным трудом, что в конечном счете ведет к росту протестных настроений. Поэтому ключевое

значение приобретает профилактика коррупции, к которой следует активно привлекать молодежь.

Полагаем, уместно указать и объяснить свои авторские позиции по ряду важнейших аспектов затронутой темы. Я, Александр Понеделков представил оценку результатов проведенного в 2020 году Лабораторией социологического исследования в форме опроса экспертов 13 субъектов РФ: в областях – Ростовской, Волгоградской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Смоленской, краях – Краснодарском, Алтайском, Приморском, республиках – Татарстан, Карачаево-Черкессия, Карелия, Коми. Отмечаю также, что несмотря на то, что последние годы в антикоррупционную практику внедрены стандарты, позволяющие своевременно выявлять и предупреждать коррупционные риски, эксперты, характеризуя причины коррупции, на первую ранговую позицию поставили ответ «недостаточно строгий контроль за действиями чиновников, их доходами и расходами». Эксперты обратили внимание на то, что наряду с принципом обеспечения «неотвратимости наказания» в противодействии коррупции в обществе сформирован запрос на обеспечение адекватности наказания, которое во многих случаях, не соответствует тяжести деяния. В качестве значимой причины коррупции эксперты указали на низкий уровень правовой культуры у населения, что говорит о необходимости активизации антикоррупционного и правового просвещения, внедрения прогрессивных форм данной деятельности.

По нашему мнению, основной упор сегодня должен быть сделан не на расширении репрессивных мер по отношению к выявленным коррупционерам, а на работе по противодействию коррупции в молодежной среде, на комплексном воспитании у представителей зарождающейся политико-административной элиты и управленцев устойчивого негативного отношения к коррупции на уровне подсознания, используя для этого весь комплекс средств убеждения и взаимодействия, в том числе и религиозных, устанавливающих моральные запреты и ограничения. Уместно, как я полагаю, отметить, что сегодня как никогда актуально звучат слова выдающегося русского философа и публициста И.А. Ильина: «В современном мире есть множество таких несчастных, безродных, людей, которые не могут любить свою родину, потому что инстинкт их лежит лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены... то, чего они хотят, есть распределение материальных благ, а все духовное им безразлично или враждебно. Духовно мертвый человек не будет любить свою Родину и будет готов предать ее, потому что ему нечем воспринять ее...» [2].

Будет оправленным считать – в высших учебных заведениях молодежь должна принимать участие в работе по профилактике и предупреждению коррупционных нарушений. Реализовывать свои права представители студенчества могут через имеющиеся институты, такие как студенческий совет, аппарат общественных уполномоченных представителей по правам

студентов в конкретных ВУЗах. Считаем, что только совместные усилия общества и государства в идеологическом и морально-нравственном воспитании у представителей российской молодежи нетерпимости к природе коррупционной составляющей могут привести к устранению данной угрозы.

Мне, Сергею Воронцову, хотелось бы сообщить и разъяснить, что в Ростовской области в 2020 году проведено 11 научно-практических конференций и 9 научно-образовательных мероприятий для государственных и муниципальных служащих. В данных мероприятиях приняли участие более 3000 муниципальных служащих, около 2500 студентов и преподавателей шести высших учебных заведений нашего региона. Как следует из приведенных выше цифр, основной упор в предупредительно-профилактической работе сделан:

– во-первых, в сфере государственной и муниципальной службы, где в настоящее время фиксируется основное число правонарушений коррупционного характера, так как служащие в силу своего должностного статуса наиболее уязвимы со стороны искушений коррупционного характера;

– во-вторых, в среде студентов высших учебных заведений, которые в ближайшее время вольются в ряды государственных и муниципальных служащих, соответственно, у молодых специалистов должно быть воспитано отторжение к использованию коррупционных механизмов и схем в будущей практической деятельности, что, в конечном счете, будет способствовать минимизации уровня коррупции в стране; следует также учитывать, что обсуждение в студенческой среде с привлечением квалифицированных экспертов проблем противодействия коррупции, вызывает живой интерес молодежи к данной дискуссии и в конечном счете усиливает профилактический эффект антикоррупционной работы;

– в-третьих, среди населения области, отдельные представители которого при взаимодействии с органами власти могут выступать как в качестве лиц, у которых вымогают взятки чиновники, так и в качестве лиц, провоцирующих чиновников на получение взятки за решение вопросов коррупционными методами.

Обращаю внимание на недостаточную эффективность реализуемого комплекса мер по антикоррупционному просвещению населения. Так, по данным прокуратуры Ростовской области в 2019 году свыше полутора тысяч чиновников понесли дисциплинарную и административную ответственность, в суды были направлены 270 дел и осуждены 243 коррупционера. Однако, при наличии в Ростовской области 15 тысяч государственных и муниципальных служащих, только в 4-х случаях госслужащие сообщили о том, что их склоняют к совершению преступления [3]. Цифры явно несопоставимы с масштабами этого проявления в коррупционных схемах.

В связи с характером и масштабами подлобных проявлений намерены внести коррективы в работу антикоррупционных механизмов. Будем менять стратегию разъяснения антикоррупционной борьбы среди разных групп чи-

новников и молодежных поколений. Основное внимание планируем сосредоточить на молодежной аудитории, формируя в сознании молодых служащих и студентов систему правовых и нравственных запретов и ограничений в целях воспитания внутренней установки личности на исполнение норм антикоррупционного законодательства не под угрозой возможных репрессий за нарушение установленных норм, а в силу личного убеждения.

Индексными для понимания сути явления могут быть мнения представителей бизнес-сообщества. Так, бизнес-омбудсмен в Ростовской области Олег Дереза обратил внимание участников дискуссии на рост коррупционного давления на бизнес. Остановившись на анализе наиболее значимых нарушений коррупционного характера в экономической сфере О. Дереза высказал конкретные предложения о необходимости внесения изменений в Федеральный закон № 44 ФЗ (О закупках) в части критериев определения победителей в конкурсах и аукционах; об изменении определения стоимости товаров и услуг на момент заключения договора, а не по ценам прошедших периодов, умноженным на коэффициенты, неподкрепленные рыночными реалиями; об изменении норм контрольно-надзорных органов, в части исключения из них положений, которые прямо не влияют на жизнь и здоровья граждан и являются зачастую устаревшими и избыточными.

Тему коррупционного давления на бизнес в области уголовной юстиции развивал и дополнял Константин Степанов, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, проф., заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики, заместитель декана факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС Феликс Шарков в своем выступлении сообщил об информационной составляющей коррупционных моделей коммуникации. Директор Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) Андрей Голобородько поделился опытом моделирования ландшафта антикоррупционного просвещения молодежи на муниципальном уровне. Директор Курганского филиала РАНХиГС, кандидат тех. наук, доцент Валерий Яхонтов остановился на анализе уровня коррупции как индекса развития социума.

Доктор политических наук, главный редактор научного журнала «Социум и власть» Сергей Зырянов выступил с докладом «Проблемы противодействия коррупции в современной России: региональная проекция».

Михаил Попов, доктор социологических наук, профессор главный редактор всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» посвятил свое выступление рискогенному потенциалу коррупции в постсоветском трансформирующемся социуме.

3. Заключая, скажем. Коррупция как системное явление, а его по-другому и не следует рассматривать, предполагает, бесспорно, и систем-

ного с ней обращения. Представленный материал показывает, что тема находится в центре внимания. Казалось бы, наконец, можно было заявить – совокупность мер государственных и гражданских усилий, научного сообщества, позволят найти эффективные меры и способы обуздания коррупции. Вот и Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС планируется по результатам дискуссии подготовить издание второго Сборника научных статей по проблемам противодействия коррупции [4]. Но, увы, грустные настроения не покидают, накатывая новые волны отчаянной саморефлексии для всех, кто искренне жаждет побороть коррупцию. Как побороть коррупцию, ответ остается открытым. Неужто, как пишет профессор Д.Е. Слизовский: «И будет оправданным судить – не государство, или негосударство (общество) сами по себе порождают коррупцию. Вынуждает к коррупции, ее масштабированию и тиражированию – система, социально-политическая и экономическая система в купе со сложившейся культурой» [5]. С нее-то, с «системы» надо бы и начинать профилактику и противодействие коррупции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Все о коррупции. Как бороться с коррупцией? Меры по профилактике и уровень коррупции в странах мира // <https://promdevelop.ru/economy/vsechto-nuzhno-znat-o-korrupsii-kak-borotsya-s-korrupsiej/>.
2. Ильин И.А. Путь духовного обновления. М.: Православное изд-во Апостол веры: Альта принт, 2006.
3. Коррупционерами оказались более 1,5 тысяч чиновников Ростовской области // https://www.donnews.ru/Korrupsionerami-okazalis-bolee-15-tysyach-chinovnikov-Rostovskoy-oblasti_102137.
4. Противодействие коррупции на государственном и муниципальном уровне в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 17 апреля – 28 мая 2020 г.
5. Слизовский Д.Е. Умножение коррупции: поиски оснований продолжают (Рецензия на статью Ю.А. Ермакова «Зарождение и умножение коррупции в общественно-политических иерархиях: роль природных начал») // Вопросы политологии. 2021. № 1.
6. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии коррупции», статья 3 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf/.
7. <https://istina.msu.ru/collections/307210264/>.
8. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42774840>.

S.O. ALEHNOVICH

*Candidate of Sciences (philosophy),
Head of the Planning and Economic Analysis
Department of the Federal Tariff Service,
Moscow, Russia*

S.A. VORONTSOV

*Doctor of Sciences (law), Professor at the
South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Rostov-on-Don, Russia*

A.V. PONEDELKOV

*Doctor of Sciences (political sciences),
Professor at the South-Russian Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia*

CURRENT PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: INFORMING AND DISCUSSING

Corruption and problems associated with it is a multi-factorial process. Among the factors assisting its prevalence or deterrence, we can consider the scale and quality of information presented to the scientific community, civil society, and government agencies about what is being consistently done here. The article is mainly devoted to additional information about the latest events on the given topic held by a dozen scientific, research and educational organizations. The article is also an attempt to show what real and potential results can be achieved in this direction. It also presents a brief and concise palette of opinions, judgments, and assessments by major scientists, specialists, and experts on corruption and ways of preventing or combating it, the article shows the nature and specifics of the controversy in this regard.

Key words: *corruption, corruption in modern Russia, measures to combat corruption.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.005

УДК 32.323

Н.М. ВЕЛИКАЯ

*доктор политических наук,
декан социологического факультета
Института социально-политических исследований РАН
(ИСПИ ФНИСЦ РАН), заместитель директора
Российского государственного гуманитарного
университета (РГГУ), Россия, г. Москва*

А.Н. МОИСЕЕВА

*аспирант Института социально-политических
исследований РАН, Россия, г. Москва*

ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Местное самоуправление, обеспечивая участие жителей в решении задач социально-экономического развития города, не только повышает уровень ответственности и прозрачности принятия решений на местном уровне, но и снимает социальную напряженность. Деятельность органов местного самоуправления позволяет аккумулировать мысли и идеи населения в целях преобразования и переустройства общественной жизни. В связи с этим, развитие местного самоуправления и повышение эффективности его деятельности является одним из условий развития демократии в России. Для достижения наивысшей результативности в государстве создаются методы и стандарты оценивания, которые позволяют выявить и исправить проблемы и ошибки в реализации политики управления. Ключевая роль в оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления отводится Указу Президента от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», устанавливающему перечень показателей для определения эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципалитетов. В настоящее время разработанные система показателей и методика оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления постоянно модернизируются, что является свидетельством актуальности и нерешенности данной проблемы. Делается вывод, что действующая система оценки эффективности муниципальной власти не учитывает особенностей развития территорий; существуют структурные недостатки, касающиеся выбранных критериев оценки. Все это приводит к тому, что система оценки эффективно-

---

сти становится лишь инструментом отчетности перед органами власти и населением, а не действенным механизмом повышения эффективности деятельности.

Ключевые слова: *оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления, поиск оптимальной модели управления крупными городами, социальное самочувствие как основной показатель эффективности деятельности органов местного самоуправления, методология и методика оценки эффективности деятельности органов местной власти.*

Современные знания об управлении городскими агломерациями предлагают широкий спектр теоретических и практических разработок с целью повышения результативности управленческого подхода, главной целью которого должно быть повышение уровня и качества жизни жителей.

При этом оптимальная модель управления, способная отвечать на угрозы и вызовы как внешней, так и внутренней среды, предполагает не только организацию взаимодействия между органами местной власти и местным сообществом, но и оценку эффективности органов местной власти. Это позволяет корректировать тактику управленческих усилий и учитывать мнение жителей в разработке стратегии развития города.

Местное самоуправление, являясь важнейшим элементом современных политических систем, считается одним из необходимых элементов демократии. Безусловно, стоит отметить, что в разных странах, в понятие «местное самоуправление» вкладывается разный набор характеристик и юридической обоснованности.

В рамках данной статьи мы понимаем под местным самоуправлением своеобразный социальный институт, систему организации власти на местном уровне, а также принцип осуществления власти в обществе и государстве, который обеспечивает решение вопросов местного значения [1. С. 17].

Учитывая, что местное самоуправление неоднократно подвергалось реформам, когда менялись и территориальные основы, и финансовые, и организационные, считаем необходимым рассмотреть, каким образом в современных условиях осуществляется оценка эффективности органов МСУ, а насколько она релевантна современным аналитическим практикам.

Мы исходим из того, что перспективы развития системы управления определяются не только системой распределения функций, полномочий, ресурсов органов власти, но и готовностью самих граждан к самоорганизации, контролю за деятельностью органов власти и добровольному объединению для решения своих проблем. При этом постоянное информирование населения о работе органов власти, предоставление общественности возможности высказать свое мнение о действиях региональных органов власти и контакт с населением в целях формирования доверия через активное и от-

крытое обсуждение возникающих проблем являются основополагающими факторами для эффективного диалога власти с общественностью.

Помимо этого, одним из ключевых факторов, способствующих повышению удовлетворенности деятельностью власти, является рост общего уровня и качества жизни населения, в т.ч. благодаря решению насущных проблем. Заметим, что термин «качество жизни» ведет свою историю в социальных науках со второй половины XX века, когда встал вопрос о необходимости нового ориентира для общественного развития. Охватывая самые разные стороны жизни человека, показатель «качество жизни» является интегральным и позволяет учитывать не только экономические факторы, которые были определяющими ранее, но и учесть демографические, экологические, политические и иные социальные аспекты функционирования общества, что с успехом применяется и при анализе местных сообществ [2. С. 8-12]. Мы при этом опираемся на субъективную концепцию качества жизни, которую в отечественной традиции представляют И.В. Бестужев-Лада и А.С. Тодоров. Субъективные оценки людей представляется возможным получить в ходе проведения социологических опросов, и на их основе можно создать «объемную картину настроений в обществе» и социального самочувствия, которое оказывает непосредственное влияние на степень удовлетворенности деятельностью власти на различных уровнях: муниципальном, региональном и федеральном. Социальное самочувствие жителей является одним из главных показателей эффективности социального развития территории, проводимой органами власти политики, а также результативности принимаемых ими решений.

Ключевая роль в оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления отводится Указу Президента от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», устанавливающему перечень показателей для определения эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципалитетов.

Основные подходы и критерии оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления. Чтобы оценить эффективность системы управления, необходимо ввести понятие «критерий эффективности», обозначающий признак или совокупность признаков управленческой деятельности, посредством анализа которых можно определить качество управления, его соответствие потребностям общества.

Учеными и практиками, работающими по данной проблематике, предлагаются различные методики формирования системы критериев оценки эффективности работы региональных и местных властей. Каждое из этих направлений характеризуется определенным набором частных показателей, позволяющих проводить диагностику состояния органов власти в динамике. Однако в общем виде можно выделить два критерия оценки эффективности:

1. Объективные критерии оценки: количество на территории муниципальных образований различных специализированных учреждений, экономические и демографические показатели и др.

2. Субъективные критерии: оценки, отражающие отношение и мнения жителей, степень их информированности, удовлетворенности и вовлеченности в процесс управления. Мнение горожан, между тем, является необходимым элементом анализа, но не может быть изучено с помощью объективных показателей.

Большинство представителей экспертного сообщества и специалистов сходятся в том, что введение критериев и показателей – важный шаг в развитии системы оценки работы органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Следует отметить, что изучение субъективных критериев оценки эффективности получило достаточно широкое распространение и в зарубежной практике. В России в настоящее время механизм встраивания удовлетворенности жителей в общую систему оценки недостаточно проработан. Так как оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления осуществляется с использованием большого количества объективных показателей, считаем необходимым в процессе оценки использовать субъективные показатели, позволяющие сделать определенные выводы о необходимости преобразований в системе управления.

Тем не менее, важно помнить не только о преимуществах использования субъективных критериев оценивания, но и об их ограничениях. Оценка мнения граждан зависит от множества факторов, не всегда непосредственно связанных с деятельностью органов власти. Необходимо учитывать, что удовлетворенность жителей включает некоторую субъективность, которую можно объяснить характерным для российской действительности непониманием функций и полномочий ветвей власти, приводящее к низкой социальной активности граждан. Однако, проблема заключается не столько в том, что граждане не доверяют органам власти, а в том, что руководители в органах власти недооценивают мнение горожан.

При анализе теоретического и практического опыта изучения вопросов эффективности местного самоуправления можно выделить следующие четыре подхода:

1. Фактическое равенство эффективности и действенности местного самоуправления.

В этом случае эффективность будет оцениваться на основе результатов, полученных в результате оценки социально-экономического развития, достигнутого муниципалитетом. Следует отметить, что методология данного подхода прописана в Постановлении Правительства РФ № 1317 от 2012 г. «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607». В качестве базового для сравнения обычно выбирается год, предшествующий фактическому за три года.

2. Эффективность управления муниципальным образованием идентична уровню развития самого муниципального образования.

Второй подход заключается в том, что эффективность управления муниципальным образованием идентична уровню развития самого муниципального образования, т.е. эффективность управления муниципальными образованиями прямо пропорциональна оценке социально-экономического развития региона муниципалитета. Следует отметить, что преимущество этого подхода заключается в определенной простоте определения исходной точки для соответствующих оценок, а также в удобстве самих расчетов. В качестве недостатка можно отметить отсутствие учета влияния значительного количества факторов, влияющих на территориальную единицу. Так, например, оценка эффективности в объединенных территориях производится уже на уровне единого образования, его показателей.

3. Затратно-результативный подход.

Он заключается в сравнении результатов развития сообщества и связанных с этим затрат (включая финансы, ресурсы, рабочую силу и т.д.), использованных для достижения этих результатов. Анализируя достоинства и недостатки метода, можно отметить следующее: основное преимущество заключается в соответствии применяемых методов оценки эффективности местного самоуправления исходным задачам, а основной недостаток связан с трудностями, которые объясняются сложностями оценки самих произведенных затрат.

4. Четвертый подход – оценка внутренней эффективности местного управления.

Данный подход заключается в оценке сотрудников государственных органов, анализе эффективности организации их управления и успешности процесса управления в целом. В этом подходе можно использовать широко используемую международную методологию САФ. Данная методика представляет собой технологию определения качества управления на определенных уровнях (состояние, формирование сообщества), также используется русская версия – EPUS («Эффективная государственная служба») – на ее основе разработана данная технология оценки.

В России в настоящее время удовлетворенность жителей, согласно требованиям федерального законодательства, должна стать обязательной составляющей оценки эффективности работы органов власти. Так, в некоторых регионах России происходят попытки совмещения объективных и субъективных показателей, а также подходов оценки эффективности. Однако на практике наблюдается преобладание объективных показателей и неполнота изучения удовлетворенности жителей качеством городского хозяйства и городской среды, а также выбор лишь одного из подходов. Важно отметить, что применение именно субъективных показателей и комбинирование подходов в оценке эффективности являются значимым условием конкурентоспособности современных городов на мировой арене.

Основными индикаторами, которые, могут быть включены в инструментарий таких опросов, являются удовлетворенность качеством дорог, системой медицинского обслуживания, транспортной доступностью, качеством инфраструктуры ухода за детьми, качеством инфраструктуры потребления (доступность магазинов и т.д.) качеством школьного дополнительного образования для детей, наличие и близость культурной инфраструктуры (кинотеатры, музеи, концертные площадки), экологическая обстановка (качество воды, особенности утилизации мусора, и т.д.

К сожалению, в РФ на муниципальном уровне использует лишь малая часть этих индикаторов.

Социологические методы в оценке эффективности деятельности органов власти в рамках реализации Указа Президента № 607 в РФ. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» установил перечень показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления и обозначил приоритетную роль институтов и жителей местного сообщества в оценке эффективности деятельности местного самоуправления. Основное значение института оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления заключается в том, что он должен служить индикатором качества и доступности муниципальных услуг, оказываемых органами местного самоуправления, которые выполняют свою основную социальную функцию, а также привлекать институты местного сообщества с целью эффективного решения вопросов местного значения.

Существует множество разработанных методик оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих. Одни методики оценивают эффективность с точки зрения менеджмента качества (например, «Европейская модель качества»), другие – базируются на определении конкретных результатов и целей деятельности государственных гражданских служащих (например, «управление по целям»). Однако при внедрении этих методик в практику приходится сталкиваться с рядом комплексных вопросов, в частности касающихся сложности подбора показателей, по которым будет оцениваться деятельность государственных гражданских служащих.

Объективно измерить эффект от проводимой внутренней политики, а значит, проводить коррекцию действий власти, принимать новые управленческие решения можно только социологическими методами. В то же время необходимо установить нормативные стандарты и признать важность социологического сопровождения исполнения столь важных актов главы государства.

В качестве примера реализации программы можно обратиться к опыту Московской области. В Московской области основой для оценки деятельности местного самоуправления является составленный администрацией

муниципального образования доклад. В качестве исходных данных при формировании доклада главы используются:

- отчет об исполнении бюджета муниципального образования Московской области;
- официальные статистические данные;
- данные ведомственной отчетности;
- расчеты и оценки органов местного самоуправления (при отсутствии информации из вышеуказанных источников);
- значения показателей прогноза социально-экономического развития городского округа Московской области;
- значения показателей, планируемых в рамках программ комплексного социально-экономического развития городских округов Московской области;
- результаты независимой оценки качества условий оказания услуг муниципальными организациями в сферах культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и иными организациями;
- данные социологических опросов населения об оценке результатов деятельности органов местного самоуправления.

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» и в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», данные социологических опросов населения об оценке результатов деятельности органов местного самоуправления на территории Московской области проводятся с применением IT-технологий.

Среди основных преимуществ формализованного интервью с использованием IT-технологий стоит отметить:

1. Оперативность получения информации: сроки сбора информации при онлайн исследовании, как правило, существенно короче, чем при реализации проекта оффлайн.
2. Большая вариативность для отбора необходимого числа респондентов с учетом заданных квот.
3. Возможность отслеживания результатов в режиме реального времени. В случае необходимости возможно получить ответы на некоторые ключевые вопросы еще до полного завершения этапа сбора информации.
4. Отсутствие «эффекта интервьюера», что стимулирует более высокий уровень откровенности респондента, вызванный анонимностью опроса.

Известно, что интернет-опросы имеют ряд недостатков, которые не позволяют получить не только подробную, но прежде всего репрезентативную информацию. Это связано с смещением выборки. Однако при конструирова-

нии выборочной совокупности использование многоступенчатой стратифицированной схемы с организацией ступеней по территориальному признаку с квотированием по полу и возрасту позволяет в целом избежать возможные смещения в социально-демографических характеристиках.

Для достижения максимального покрытия аудитории на сайте Правительства Московской области, сайтах муниципальных образований Московской области и ряде других популярных и посещаемых региональных сайтах размещаются баннеры, приглашающие жителей Подмоскovie принять участие в опросе и ответить на актуальные вопросы, касающиеся восприятия ими социально-экономической ситуации в регионе, оценки населением деятельности местной администрации, удовлетворенности вопросами жилищно-коммунального хозяйства, организацией транспортного обслуживания и пр.

В Московской области уже не первый год существует рейтинг 50 ключевых показателей развития региона, призванный произвести оценку эффективности работы органов местного самоуправления Московской области.

«Рейтинг-50» Московской области содержит показатель «доверие к власти», который применяется не только к органам местного самоуправления, но и к оценке высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Показатель «Уровень доверия населения органам власти» (УДНОВ) является одним из основных в Рейтинге-50 и его вес составляет 20%. Для расчета данного показателя используются два вопроса – о доверии Президенту РФ В.В. Путину и Губернатору МО А.Ю. Воробьеву.

Более 30 регионов также используют интернет-опросы на порталах региональных властей. Однако инструментарий многих из таких интернет-опросов довольно примитивен, часто это ограничивающийся 1-2 закрытыми вопросами. Основным недостатком при этом является отсутствие единой методики для оценки эффективности деятельности органов власти, существенно ограничивающей возможность проведения сравнительного анализа и, соответственно, выстраивания эффективной стратегии развития регионов с учетом их специфики. При этом онлайн-опросы пока слабо охватывают средние и малые города и сельские районы, и основная аудитория онлайн-опросов сосредоточена в крупных городах.

Несмотря на реализацию Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» регионами, отмечается отсутствие единого подхода к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления. Следующим недостатком является отсутствие у органов местного самоуправления возможности выбора показателей для оценки своей деятельности с учетом специфики управляемой территории и стратегических целей ее развития. Так, муниципальные образования, образующие закрытые административно-терри-

ториальные образования, в силу специфики территорий показывают существенно отличные результаты по сравнению с другими территориальными единицами: более высокий уровень удовлетворенности положением дел, а также оценкой деятельности органов власти. Важно, что позитивное значения конкретного показателя не всегда является следствием положительной динамики изменения положения в исследуемых сферах. Данная специфика обуславливается как небольшими размерами территорий, количеством проживающего местного населения. Так, например, наименьшее количество избирателей зарегистрировано в городском округе Восход (закрытое административно-территориальное образование).

Таким образом, самой результативной является та система оценки эффективности деятельности, которая формируется с учетом особенностей конкретного муниципального образования, тогда как существующая модель регламентируется на государственном уровне и является единой для всех органов местного самоуправления.

Заключение. Местное самоуправление – это система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических, национально-этнических и других особенностей. Местное самоуправление обладает следующими атрибутами: управление на ограниченной локальной территории, местные выборы или отбор, определенная мера автономии, собственная экономическая и финансовая база, конкретные полномочия. В основе определения механизма самоуправления лежит принцип приоритетности уровня решений, который определяет первичность государственных или местных интересов в процессе принятия решения.

Упомянутый нами Указ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», на основе которого в каждом субъекте России был принят указ высшего должностного лица «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления» сыграл позитивную роль для модернизации системы муниципального управления и повышения эффективности управления на местном уровне.

Существующая в России система оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления характеризуется тем, что показатель комплексной оценки эффективности включает объективные данные и субъективную оценку населения деятельности органов местного самоуправления.

Основной чертой формирования российской системы оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления является то, что на практике конечной формой сведения данных является подача доклада по региону. В частности, в Московской области источниками сведений служат официальные статистические данные, результаты социологических исследований, информация из отчетности за предшествующий год, незави-

симые оценки результатов муниципальной деятельности и значение показателей планируемых программ развития региона.

Однако для оценки деятельности местного самоуправления нельзя использовать представления об эффективности исключительно в экономическом смысле, нельзя исключать политических и социокультурных аспектов развития местных сообществ, а главное, ориентации на удовлетворение потребностей жителей муниципальных образований.

Результаты мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления позволяют определить зоны, требующие приоритетного внимания органов местного самоуправления, сформировать перечень мероприятий по повышению результативности их деятельности, а также выявить внутренние ресурсы для повышения качества и объема предоставляемых населению услуг.

Несмотря на постоянные нововведения, существующая система оценки эффективности имеет множество недостатков, среди которых отсутствие единого подхода к оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления, а также отсутствие у органов местного самоуправления возможности выбора показателей для оценки своей деятельности с учетом специфики управляемой территории и стратегических целей ее развития. В сложившихся условиях самой результативной будет являться та система оценки эффективности деятельности, которая формируется с учетом особенностей конкретного муниципального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Великая Н.М., Шишкин В.В. Местное самоуправление. Еще одна попытка реформы // Свободная мысль. 2003. № 6.
2. Местное самоуправление 2016 – Местное самоуправление: качество власти и качество жизни в малых и средних городах России / Авт.: Н.М. Великая, А.А. Голосеева, Н.И. Белова, А.А. Хохлов; Отв. ред. В.И. Шевченко. М.: Ключ-С, 2016.

N.M. VELIKAYA
*Doctor of Sciences (political sciences),
Dean of the Faculty of Sociology of the Institute of Socio-Political
Studies of the Russian Academy of Sciences (ISPI), Deputy Director
of the Russian State University for the Humanities(RSUH),
Moscow, Russia*

A.N. MOISEEVA
*Postgraduate student of the Institute
of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF LOCAL AUTHORITIES: METHODOLOGY AND METHODS

Local self-government not only increases the level of responsibility and transparency of decision-making at the local level, but also relieves social tension by ensuring the participation of residents in solving the problems of socio-economic development of the city. The activity of local self-government bodies makes it possible to accumulate thoughts and ideas of the population in order to transform and reorganize public life. In this regard, the development of local self-government and increasing the effectiveness of its activities are two of the conditions for the development of democracy in Russia. To achieve the highest performance in the state, evaluation methods and standards are created, they allow to identify and correct problems and errors in the implementation of management policies. A key role in evaluating the effectiveness of local self-government bodies is assigned to Presidential Decree No. 607 of 28.04.2008 "On evaluating the effectiveness of local self-government bodies of urban districts and municipal districts", which establishes a list of indicators for determining the effectiveness of local self-government bodies of municipalities. Currently, the developed system of indicators and methodology for assessing the effectiveness of local government bodies are constantly being modernized, which is evidence of the relevance and unsolved nature of this problem. It is concluded that the current system of evaluating the effectiveness of municipal authorities does not take into account the peculiarities of the development of territories; there are structural shortcomings regarding the selected evaluation criteria. All of that lead to the fact that the performance assessment system becomes only a tool for reporting to the authorities and the population, and not an effective mechanism for improving the efficiency of activities.

Key words: *evaluation of the effectiveness of local self-government bodies, search for the optimal model of management of large cities, social well-being as the main indicator of the effectiveness of local self-government bodies, methodology and methodology for evaluating the effectiveness of local government bodies.*

ЛОББИЗМ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье рассматривается роль лоббизма в системе отношений между публичными институтами власти и ассоциированным обществом. Для исследования этой проблемы используются два подхода – плюралистический и корпоративистский, которые, несмотря на противоречия, дополняют друг друга: первый подход ориентирован больше на институты, механизмы, процедуры влияния, а второй сосредоточен на возможностях сотрудничества между государством и ассоциированной общественностью по поводу обмена уступками и услугами в политической сфере. Использование этих методов помогает понять выстраивание системы взаимодействия государства и социума через множества ассоциированных интересов, профессиональных посредников – лобби, общественных и специализированных групп интересов. Изменение структуры посредничества интересов порождает вопрос: насколько оптимальна концепция лоббизма для анализа этих изменений. Изучение лоббизма в различных политических системах помогает осмыслить способы представления множества интересов, независимо от социального статуса и имущественного состояния их носителей; для ограничения теневой стороны лоббизма необходимо систематизировать предмет лоббизма с целью регулирования действия посредников между властными и социальными структурами.

Ключевые слова: лоббирование, группы интересов, ассоциированное общество, корпорация, коммуникационный процесс, легитимация интересов, неоплюрализм.

1. Лобби и группы интересов: понятие и измененные признаки. Лобби можно считать одним из эффективных способов выражения всего общественного спектра интересов как особой группы давления, существование которой обусловлено не наличием социальной базы как у общественных объединений, а предметной релевантной целью, на основе которой складывается организованная деятельность по продвижению конкретных интересов.

Поскольку понятия лобби, лоббистской деятельности имеют неоднозначное значение, а часто и – негативный оттенок, их принято отграничивать от понятий «группы интересов/давления», «публичная деятельность», «политический консалтинг», хотя все это связано с одним видом деятельности – представительство интересов и посредничество в их продвижении в государственных и общественных структурах с целью влияния на принятие политических решений.

Изначально под лоббированием (от латинского *lobium* – вестибюль, холл, зал ожиданий) понималась активность разного рода ассоциаций и предпринимателей, политиков и бюрократии, придающая таким встречам неформальный характер [6. Р. 187].

Стимулом для зарождения политического лоббизма явилось принятие в 1789 году Конгрессом США первого таможенного закона в результате давления множества групп интересов. Классическим этапом лоббирования стало строительство трансконтинентальной железной дороги, когда А. Линкольн подписал закон (1862) об оказании поддержки правительством США этого мероприятия, гарантирующий штатам бесплатное предоставление квоты на частную деятельность в сфере строительства ж/д, а также финансовую помощь для оплаты труда рабочих. Для реализации содействия правительству представители интересов предпринимателей должны были заручиться согласием политиков. Так лоббирование стало использоваться как инструмент решения конкретных вопросов в публичной сфере [5].

В историческом плане практика лоббирования стала появляться более отчетливо в виде информационной деятельности в отношениях крупных владельцев частной собственности (предпринимателей) и управленческой бюрократии англо-американского политического пространства (США, Великобритания). Один из первых эту функцию стал выполнять «Willard Hotel» в Вашингтоне, в кулуарах которого встречались депутаты и видные промышленники с целью решения насущных для того времени вопросов развития промышленности, распределение концессий и т.п. Тогда и появилось первое упоминание слова «лоббист», которым назвал тогдашний президент США Дж.К. Адамс тех, кто пребывал в кулуарах этого отеля для поддержания контактов с депутатами Конгресса [8. Р. 19]. Позднее, лоббирование в полной мере стало проявлять себя в современной политике, являясь выражением действующих групп интересов на профессиональном уровне.

Сегодня лоббирование воспринимается как целенаправленное влияние на акторов процесса принятия политических решений при помощи различных методов и с учетом возможной реализации запросов групп интересов [9. Р. 12]. Лоббированием, как правило, занимаются люди, лично не участвующие в процессе принятия решений, но имеющие возможность устанавливать контакты с лицами, принимающими их. Атрибутом лоббирования является множество интересов, которые стимулируются соответствующими

группами давления/интересов. Несмотря на то, что интересы – основная категория в политике, служащая для объяснения стимулов определенных действий властных структур, политиков, исходным пунктом лоббирования являются не все интересы, а только те, которые имеют прямое отношение к процессу принятия политических решений. Поэтому традиционно частные группы интересов (бизнеса, корпораций и т.п.) имеют преимущество перед общественными группами давления (потребителей, пенсионеров, профсоюзов и т.п.), выражающими, как правило, социальные требования. Между этими двумя формами интересов существует дисбаланс, т.к. традиционно требования основных производителей и экономические интересы имеют преимущества в процессе принятия политических решений.

Лоббирование как коммуникационный процесс, в котором его участники могут общаться в наиболее эффективной форме, определил еще в 1960 году Л.У. Милбрайт, уточнив, что здесь главным является передача информации, основанная на предметной компетенции, которая со временем перерастает в профессиональную. Здесь лоббирование может осуществляться на местном, региональном, национальном, межгосударственном и наднациональном уровнях [10. Р. 35].

Позднее, без малого спустя полвека, это определение стало вновь востребованным, поскольку условия и признаки политического представительства общественных интересов стало меняться в сторону увеличения количества и разнообразия его участников в связи с возрастанием неформализации и медиализации политических интересов. Сегодня влияние лоббирования становится целенаправленным и более «точечным» [2. Р. 427].

Вместе с тем, лоббирование как стратегия коммуникации на новом уровне приобретает новые характерные черты.

1. *Публичность*, которая со временем (даже в случаях конфиденциального лоббирования) стала постулироваться как комплексное политическое управление многочисленными связями организаций. Регулирование лоббирования происходит через профессиональные ассоциации, правительства и парламенты. Добровольное саморегулирование может включать «разработку и продвижение кодекса этики», «обучение этике», «группы исследований» для обеспечения соблюдения этических норм, а также – создание «реестра лоббистов», управляемого ассоциациями, который является открытым [8].

Публичный характер лоббирования предусматривает общественный контроль, обязательное государственное регулирование, включающее в себя «охват» всех лиц, обязательную регистрацию, раскрытие информации о профессиональных лоббистах, их клиентах, об определенной финансовой деятельности, а также – гарантию соблюдения нормативных требований, расширение мер по обеспечению прозрачности и подотчетности.

2. *Увеличение коммуникативных требований к политическому процессу принятия решений* путем лоббирования, вызванное политикой дерегулирования экономики, которая парадоксальным образом, не только не ограничила вмешательство государства в общественные дела, но способствовала переплетению государственных и общественных интересов посредством «переговорной демократии» (публичные слушания, консультации, «круглые столы», смежные комиссии, советы, совещания экспертов и т.д.) [3. Р. 12-14]. Так, в последние несколько десятков лет наблюдается неуклонный рост числа публично ориентированных коммуникационных мероприятий в контексте стратегии лоббирования – социальные движения, общественные акции, гражданские инициативы, деятельность неправительственных организаций, общественных союзов и т.п., которые с учетом «медиализации» политики дополняют лоббирование, получившего название «внешнее» («outside lobbying»), например, использование политиками мобилизации общественности для влияния на политические решения парламента и др. [4. Р. 8-9; 17]. Такое расширение толкования лоббистской деятельности, где сочетаются общественные и публичные стратегии коммуникации больше относятся к содержанию понятия «общественная работа» (public affairs), проявляющейся по-разному: а) массмедийный, экстравертный стиль – связь с общественностью (PR), б) «тихий»: завуалированный и сдержанный стиль – прямое представительство интересов в политике и консультирование политиков [1. Р. 251; 7. Р. 99-102].

3. *Неоплюрализм*, вновь бросивший вызов корпоративизму переходом на новый уровень сетевых отношений, где коммуникации определяют структуру общественных отношений, в то время как в корпоративной системе структура продолжает довлеть над коммуникациями [13. Р. 10-11]. Именно эти изменения и вызывают бум лоббирования. Поскольку лоббирование как стратегия политической коммуникации направлено не только на политические институты, но и на ассоциации предпринимателей, то лоббистские агентства представляют интерес и для них: последние консультируют компании и организации по вопросам создания структур по связям с общественностью, которые, например, впоследствии могут взять на себя мониторинг различных компаний, фирм или, например, наблюдение за политикой соответствующей отрасли, или могут предложить особые коммуникационные услуги (проведение форумов, рекламных кампаний и др.).

2. Функции политического лоббирования. Лобби, помимо формализации интересов, присущей любой общественной организации, осуществляет ряд функций, прямо или косвенно влияющих на принятие решений властными структурами.

– *агрегирование интересов* – обобщение множества гетерогенных запросов для единства политико-общественных целей и программных постулатов. Этот процесс не ограничивается только общественными союзами

и ассоциациями. В него включаются и партии, и гражданские инициативы, и другие, т.е. все те организации, в которых различные позиции способны преобразовываться в публичный консенсус. Это одна из самых сложных функций, особенно для крупных объединений, поскольку, чем разнообразнее интересы, тем сложнее их агрегировать [16. Р. 143];

– *селекция интересов* означает воздействие ассоциаций, отобранных в результате агрегирования, на политическую систему: здесь речь идет только о реально осуществимых интересах. Отбор означает, прежде всего, проблему внутреннего волеобразования, без разрешения которой гетерогенные интересы невозможно привести хотя бы к минимальному консенсусу. В данном случае селекция – это нахождение компромиссов в собственном спектре интересов на фоне возможно расходящихся требований [14];

– *артикуляция интересов* – преобразование латентных интересов в манифестационные через обращение ассоциаций к политическим институтам, принимающим решения с требованием реализации интересов своих членов. Здесь индивидуальные требования переформулируются в конкретные коллективные запросы посредством либо публичного обсуждения, либо прямых контактов с соответствующими структурами государственного аппарата или избранными представителями публичной власти. Эта функция приобретает все большую значимость на фоне быстро развивающихся медийных технологий, а действия групп давления или лобби говорят о том, что общественность, прежде всего, апеллирует к ним, справедливо ожидая профессиональную артикуляцию своих требований [10. С. 15-16];

– *легитимация интересов* – основная функция как для лобби, так и всех других групп давлений, поскольку легитимность политических и социальных действий в демократических государствах обуславливается прозрачностью принятия решений. Обе стороны – лобби, представляющие массив интересов и государство (в лице учреждений, госаппарата), удовлетворяющее эти интересы – обязаны строго соблюдать правила игры. Собственно, легитимными могут считаться только те мероприятия и меры (законы, в том числе), которые принимаются и разрабатываются законно избранными носителями мандата. Решающую поддержку главным образом получают государственные институты благодаря тому, что они являются основным механизмом обеспечения средств к существованию для всех граждан (образование, здравоохранение, внутренняя и внешняя безопасность, условия экономического роста и др.). В случае если государство не в состоянии выполнять эту функцию, то и в дальнейшем оно не сможет полагаться на признание своих действий легитимными, независимо от того, идет ли речь о военной или гражданской службе, сборах налогов и т.д. В этом смысле легитимность государства заключается как в эффективности принятых мер и решений, так и в одновременном соблюдении демократических правил на основе принципа общей ответственности, применяемого к государственным решениям [15. Р. 15-16].

Усиливают значение функции легитимации многочисленные общественные объединения как представители конкретных групп населения тем, что они позволяют индивидууму влиять на формулирование политики даже вне электората. До тех пор, пока социальные группы видят реальный шанс успешного продвижения своих собственных интересов, они не ставят под сомнение легитимность политической системы. Перечень публичных претензий к государственным органам власти показывает тесную связь с реалиями политической системы. Посредническая работа ассоциаций по реализации этих требований является выражением признания демократических правил и отражением доверия к эффективности их исполнения;

– функция *интегрирования интересов*: если в результате положительных действий вышеназванных функций запросы граждан удовлетворяются, то включается функция интегрирования общества с государством: на «входе» общественные интересы и запросы, обеспеченные агрегированием, селекцией, артикуляцией посредством множества общественных союзов, групп интересов, партий, СМИ и т.д., транслируются в соответствующие структуры власти, а на «выходе» политической системы часть требований граждан находит свое удовлетворение через законы, правительственные решения, программы и т.п. [10]. Эта функция является результатом взаимодействия предыдущих функций: если все они будут выполняться в требуемом направлении, то политическая интеграция множества интересов реально может быть обеспечена.

С усилением глобализации, диверсифицировались и функции лоббизма: он стал разнообразнее, конкретнее и профессиональнее. Сегодня лоббизм – нечто большее, чем прямое влияние на лиц, принимающих политические решения: наука, СМИ и широкая общественность уже давно находятся в центре внимания лоббистских и PR-кампаний. Государство, партии, группы интересов гораздо активнее привлекают частных субъектов и лоббистов в процессы принятия решений.

Эффективность государственной политики зависит от многих факторов, но, возможно, самым важным из них является качество информации и аргументов. Все законы в конечном итоге пишутся людьми, принимающими решения, в основе которых лежит понимание того, как устроена публичная политика, как она должна работать и какими легитимными способами можно преодолевать ее пробелы и просчеты. В этом смысле большое значение имеют источники информации, одним из которых является легальное лоббирование, польза от которого возможна только в случае, если такая информация будет сбалансированной, прозрачной и доступной как для органов власти, так и для любого избирателя. Не секрет, что с каждым годом количество лоббистов и количество денег, затрачиваемых на лоббирование, увеличивается во всем мире. Однако учесть суммы средств, расходуемых на легальное и нелегальное лоббирование в большинстве стран, в том числе

и в РФ, не представляется возможным из-за слабого законодательства о лобби или его отсутствии. В то время нельзя не признать то, что лоббирование в мире является неизбежным побочным продуктом того простого факта, что современные национальные правительства принимают решения, влияющие на широчайший спектр общественных интересов, и что сложности управления в XXI веке требуют высокого уровня компетентности и квалификации субъектов публичного управления. И поскольку «продавливать» свои интересы будут продолжать многообразные группы давления, то лоббисты в любом случае будут ими востребованы. Поэтому лоббирование надо сделать максимально доступным и подотчетным ассоциированному обществу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Althaus M.* Public Affairs // Marco Althaus, Michael Geffken, Sven Rawe (ed.) "Handlexikon Public Affairs". Münster, Germany, 2005 // https://www.academia.edu/4377555/Public_Affairs.

2. *Hoffmann J., Steiner A., Vogel M.* Moderne Public Affairs versus traditionelle Interessenvertretung? Agenturen, Unternehmen und Verbände in der politischen Kommunikation // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 2007. No 36 (4) // <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-211441>.

3. *Holtmann E.* Zwischen Wettbewerbs- und Verhandlungsdemokratie. Analysen zum Regierungssystem der Bundesrepublik Deutschland. Springer-Verlag: Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2000 // <https://books.google.com.pa/books?id=M1kmBgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=it#v=onepage&q&f=false>.

4. *Kollman K.* Outside Lobbying. Public Opinion and Interest Group Strategies. Princeton NJ, USA, 1998.

5. *Köppl P.* Power Lobbying: das Praxishandbuch der Public Affairs. Wie Unternehmenserfolge durch Lobbying, Stakeholdermanagement und Corporate Citizenship abgesichert und gesteigert werden. Wien: Linde Verlag, 2003.

6. *Köppl P.* Bedeutung von Lobbying und Public Affairs // Schmid B., Lyczek B. (ed.) Unternehmenskommunikation: Kommunikationsmanagement aus Sicht der Unternehmensführung. Wiesbaden, Germany, 2006.

7. *Köppl P.* Advanced Power Lobbying: Erfolgreiche Public Affairs in Zeiten der Digitalisierung. Linde Verlag GmbH, Wien, 2017 // https://lindeverlag.cian.do.com/img/books/extract/3709408105_lp.pdf.

8. Legal Regulation of Lobbying Activities in the Context of Public Decision Making // Recommendation CM/Rec 2 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 22 March 2017 and explanatory memorandum. Council of Europe, July 2017 // <https://rm.coe.int/legal-regulation-of-lobbying-activities/168073ed69>.

9. *Leif Th., Speth R.* Die fünfte Gewalt: Lobbyismus in Deutschland / Thomas Leif, Rudolf Speth (ed.), Springer-Verlag, Wiesbaden, 2006 // https://books.google.ru/books?id=MEcq10NkiOgC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gs_book_similarbooks#v=onepage&q&f=false.

---

10. *Leif Th., Speth R.* Die stille Macht: Lobbyismus in Deutschland. Springer-Verlag, Wiesbaden, 2013 // <https://books.google.ru/books?id=AMiC0FoD77gC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

11. *Milbrath L.W.* Lobbying as a communication process / Lester Milbrath's The Washington Lobbyists, 50 Years On: An Enduring Legacy // *Political Studies*. 2018. Vol. 16. Issue 3 // <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1478929917699415>.

12. *Sebaldt M.* Die «Stille Revolution» organisierter Interessenvertretung: Entwicklungs- und Transformationismuster westlicher Verbandssysteme in komparativer Perspektive // *Zeitschrift für Politik. Organ der Hochschule für Politik München*. März 2004. Jahrgang 51. Heft 1 // http://www.zfp.nomos.de/fileadmin/zfp/doc/ZfP_04_01.pdf.

13. *Speth R.* Das Bezugssystem Politik – Lobby – Öffentlichkeit // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2010. No. 19 // <https://www.bpb.de/apuz/32769/das-bezugssystem-politik-lobby-oeffentlichkeit>.

14. *Strassner A.* Zwischen Eigennutz und Gemeinwohl: Verbandsfunktionen in Theorie und Praxis // *Gesellschaft-Wirtschaft-Politik*. Band 2. Germany, 2005.

15. *Strassner A.* Funktionen von Verbänden in der modernen Gesellschaft // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Online-Ausgabe. 2006. No 15-16 // <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/29791/verbaende-und-lobbyismus>.

16. *Traxler F.* Gewerkschaften und Arbeitgeberverbände: Probleme der Verbandsbildung und Interessenvereinheitlichung // *Walther Müller-Jentsch (ed.), Konfliktpartnerschaft: Akteure und Institutionen der industriellen Beziehungen*, Band 1. München: Hampp, 1993 // <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/32409>.

17. *Weiler Fl. and Brändli M.* Determinants of inside and outside lobbying strategies among Swiss and German interest groups. 7th ECPR General Conference, Bordeaux, 4 September 2013 – 7 September 2013 // https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/94493/1/Weiler%2C_Brändli_-Determinants_of_inside_and_outside_lobbying_strategies.pdf.

I.B. GOPTAREVA

*Doctor of Political Science, Associate Professor,
Professor at the Institute of Social and Humanitarian
Innovations and Mass Media of the Orenburg State University,
Orenburg, Russia*

LOBBYISM IN PUBLIC POLITICS

The article examines the role of lobbyism in the system of relations between public institutions of power and civil society. To study this problem, two approaches are used – pluralistic and corporatist, which, despite the contradictions, complement each other: the first approach is focused more on institutions,

---

mechanisms, procedures of influence, and the second is focused on the possibilities of cooperation between the state and civil society on the exchange of concessions and services in the political sphere. The use of these methods helps to understand the construction of a system of interaction between the state and society through a multitude of associated interests, professional mediators – lobbies, public and specialized interest groups. Changing the structure of mediation of interests raises the question: how optimal is the concept of lobbying for analyzing these changes. The study of lobbyism in various political systems helps to comprehend the ways of representing a variety of interests, regardless of the social status and property status of their carriers; to limit the shadow side of lobbying, it is necessary to systematize the subject of lobbying in order to regulate the action of intermediaries between the power and social structures.

Key words: *lobbying, interest groups, civil society, corporation, communication process, legitimation of interests, neopluralism.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.007

УДК 32.323; 327

Г.Б. ПРОНЧЕВ

*кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры методологии социологических исследований
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

Е.В. ШИШАРИНА

*кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
прикладной информатики и вычислительной математики
Московского педагогического государственного университета,
Россия, г. Москва*

Н.Г. ПРОНЧЕВА

*кандидат физико-математических наук, доцент,
старший научный сотрудник Института прикладной
математики им. М.В. Келдыша РАН,
Россия, г. Москва*

КИБЕРУГРОЗЫ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с информационной безопасностью виртуальных социальных сред в России в период пандемии коронавируса SARS-CoV-2. Обсуждаются существующие для населения страны киберугрозы, анализируются последствия кибератак. Обсуждаются угрозы со стороны иностранных государств, прежде всего США и стран НАТО, проблемы национальной безопасности в самих этих странах. Обсуждаются международные усилия по обеспечению кибербезопасности, политика Российской Федерации по данному вопросу. Показано, что в период пандемии коронавируса усиливается глобализация медиапространства, количество киберугроз для граждан нашей страны возрастает. Статья представляет интерес для специалистов, занимающихся проблемами политики в области кибербезопасности и развития современных виртуальных социальных сред.

Ключевые слова: кибербезопасность, политика по обеспечению кибербезопасности, виртуальные социальные среды, коронавирусная пандемия SARS-CoV-2, киберпреступность.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 19-01-00089-а «Сравнительный анализ эффективности стратегий ограничения несовершенств властных иерархий»).

Согласно опубликованным Deloitte результатам исследований [24] средний уровень медиаохвата россиян в 2019 г., еще до начала распространения пандемии коронавируса SARS-CoV-2, составил 52%. Для получения новостей 78% потребителей предпочитают использовать Интернет (новостные и аналитические сайты), 58% потребителей узнают новости при помощи телевидения, а 37% потребителей предпочитают социальные сети и блоги Интернета [24].

Во время пандемии коронавируса SARS-CoV-2 и связанным с ней режимом самоизоляции средства массовой информации (СМИ) являются практически единственным и основным источником получения информации [2]. Как следствие, у населения значительно усиливается медиазависимость, которая заключается в том, что «чем больше человек зависит от того, что его потребности удовлетворяются в результате использования СМИ, тем значимее их роль в его жизни, следовательно, тем сильнее востребованы эти СМИ» [4].

Как мы отмечали ранее, «главным «менеджером» современного медиапространства, определяющим структуру, содержание и развитие являются процессы глобализации [11]. Очевидно, что в 2020 году из-за пандемии коронавируса процессы глобализации в мире, в целом, замедлились. Так, практически все страны «закрылись» на карантин, ограничили или полностью запретили въезд иностранцев [12; 13], развитие глобальной (и локальной) экономики и экономических связей между странами замедлилось [22]. В то же время получили бурное развитие виртуальные социальные среды на базе цифровых технологий [8].

Причем, медиапространство, подверженное глобализации, само является инструментом глобализации. В.В. Фокина констатирует, что «современные СМИ не ограничиваются локальным или национальным пространством и аудиториями, выступая в качестве акторов современного мира. CNN, BBC, Al-Jazeera, Russia Today, Euronews являются не только инструментами влияния ведущих стран мира, но и оказывают существенное влияние на мировое общественное мнение, национальную политику и мировую политику» [20].

Развитие медиаглобализации несет для суверенных государств значительные риски безопасности [11]. Таким образом, информационные угрозы для России в период пандемии коронавируса SARS-CoV-2 не только не исчезают, но и усиливаются. Помимо медиаглобализации и роста информационного потока это связано с ослаблением экономических систем, сокращением бюджетных ассигнований на различные социальные цели, ослаблением социального взаимодействия в реальной, а не виртуальной социальной среде.

Осенью 2020 года Президент России В.В. Путин обратился к США и призвал к восстановлению сотрудничества в сфере международной ин-

формационной безопасности [15]. По словам В.В. Путина, «одним из основных стратегических вызовов современности является риск возникновения масштабной конфронтации в цифровой сфере. Особая ответственность за ее предотвращение лежит на ключевых игроках в сфере международной информационной безопасности (МИБ) ... Призываем США дать ход российско-американскому профессиональному экспертному диалогу по вопросам МИБ, не делая его заложником наших политических разногласий» [15]. В.В. Путин предложил американской стороне [15]:

- восстановить полномасштабный двусторонний регулярный межведомственный диалог по ключевым вопросам обеспечения МИБ на высоком уровне;
- поддерживать непрерывную и эффективную работу каналов связи между компетентными ведомствами наших стран;
- совместно разработать и заключить двустороннее межправительственное соглашение о предотвращении инцидентов в информационном пространстве;
- во взаимоприемлемой форме обмениваться гарантиями невмешательства во внутренние дела друг друга.

Комментируя это заявление, глава комитета ГД ФС РФ по международным делам Л.Э. Слуцкий отметил, что «это сильная и своевременная инициатива ... может полностью свести на нет саму возможность обвинений, политизированных расследований, а также нездоровой активности относительно санкций за вмешательство в избирательные процессы, прежде всего в США ... взаимоприемлемые гарантии в этой сфере могли бы снять серьезный раздражитель в российско-американских отношениях» [16].

На самом же деле, работы для отечественных спецслужб оказалось более, чем достаточно, и она связана не с атаками на западные правительства и парламенты, а с обороной отечественного киберпространства. Заместитель секретаря СБ России О.В. Храмов отметил, что «США и их союзники стремятся обеспечить мировое доминирование, поэтому, с одной стороны, наращивают усилия для осуществления разведывательных и деструктивных действий в информационном пространстве других стран, а с другой – объявляют Россию, Китай, Северную Корею и Иран основными источниками киберугроз ... вместо кропотливой работы по поиску настоящих источников компьютерных атак и их нейтрализации Вашингтон навязывает странам мира свою точку зрения» [17]. О.В. Храмов отметил также, что «большая часть хакерских атак идет с американской территории» [17].

Таким образом, западными странами формируется «медийная картина», которая в наибольшей мере в глазах мирового сообщества призвана оправдать действия силового характера в отношении своих информационных конкурентов и регулярно вводит те или иные политические, экономические и информационные санкции. За государственный суверенитет в меди-

апространстве приходится вести настоящую политическую борьбу. Традиционно виновной этом противоборстве оказывается Россия. Дошло до того, что «российским хакерам приписываются попытки получить доступ к сетям разработчиков вакцины от COVID-19 от США, Великобритании и Канады» [9]. При этом, первой в мире была разработана и зарегистрирована именно российская вакцина «Спутник-V», получившая подтверждение и признание мировым медицинским сообществом и ВОЗ. Многие страны уже проявили активную заинтересованность в приобретении этой вакцины и заключили с Россией соответствующие соглашения.

Другой фейк, заключается в том, что Россия с использованием современных цифровых технологий активно вмешивается в выборные кампании по всему миру, в том числе и в США, хотя корни этой проблемы следовало бы искать в политической борьбе элит в самих США [24].

Сами же США провели плохо скрываемую кибератаку на российское Агентство интернет-исследований. Этот факт был признан президентом США Д. Трампом в интервью газете «Вашингтон пост». Он наделил ЦРУ расширенными полномочиями при осуществлении наступательных операций в киберпространстве, включая проведение операций по выведению из строя инфраструктуры противника. Разумеется, Россия устанавливает все возможные барьеры для этого проникновения в соответствии с собственной Доктриной информационной безопасности [9].

Позиция США и западных стран в кибератаках основывается на т.н. «компетентном мнении», а не на фактах. Последние же говорят о другом. Заместитель секретаря СБ России О.В. Храмов отмечает, что «американцы со значительным отрывом лидируют в статистике по вредоносной активности за 2016-2019 гг.: их доля – от 40 до 75% в зависимости от типа воздействия ... России отводится в этом от 2 до 7%» [3]. Эти данные наглядно демонстрируют несостоятельность вбрасываемых США и их союзниками утверждения о тотальной российской угрозе в киберпространстве. По данным ФБР США, в самих США «ежегодно фиксируется более 300 тыс. киберпреступлений, которые наносят ущерб американской экономике в размере от \$57 млрд. до \$109 млрд.» [3]. Для сравнения, глава МВД России В.А. Колокольцев сообщил, что в России за январь-сентябрь 2020 года количество киберпреступлений выросло и составило 363 тыс. [5].

Наша страна готова на межгосударственные соглашения в борьбе с киберпреступлениями и оказание помощи любым странам по этому вопросу. Частично эта работа уже ведется Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам. Следует заметить, что количество государств, с которыми уже организовано взаимодействие, за 2019 год выросло со 116 до 146. Растет и информационный обмен. Россия отправила 12 тыс. запросов о вредоносной активности в отношении российских информационных ресурсов и получила 8 тыс. аналогичных запросов от дру-

гих стран [3]. Все это свидетельствует об активной позиции нашей страны в сфере обеспечения информационной безопасности.

Заместитель секретаря СБ России О.В. Храмов отмечает, что в «состав критической инфраструктуры РФ все еще входит 50 тыс. значимых систем, число которых продолжает расти. Свыше 70% таких систем – в здравоохранении, энергетике и связи. Количество безопасных предприятий с информационной точки зрения увеличилось на 10%. Эти предприятия обеспечиваются самыми современными средствами правовой и информационной защиты. В результате на этих объектах количество компьютерных атак уменьшилось на 15%» [3].

Человечеству сегодня помимо вирусных пандемий серьезно угрожает т.н. киберпандемия, связанная с развитием информационно-коммуникационных технологий и ориентированная на преступные цели, которая может привести к реальному военному противостоянию. Директор Департамента международной информационной безопасности МИДа России А.В. Крутских отмечает: «По существу мы имеем дело с двумя пандемиями. Одна – это биопандемия, связанная с распространением коронавируса, гибнут люди, сейчас это приоритетная тема. Но параллельно с ней усугубляется, и другая глобальная проблема и она наверняка рукотворная – это то, что я бы назвал киберпандемией. Под киберпандемией я понимаю возможность втягивания человечества в киберконфронтацию и даже кибервойну ... Это все следствие развития негативных тенденций при совершенствовании кибертехнологий. Сюда же я отношу и то, что ряд государств провозглашают доктрины права на нанесение так называемых упреждающих киберударов даже по потенциальному противнику, когда ничья вина еще не доказана» [7].

Вынужденный перевод многих сфер жизни человека в дистанционный формат (по причине «биопандемии») наглядно показывает необходимость обеспечения международной и личной информационной безопасности. В связи с этим, можно дополнить А.В. Крутских тезисом, что киберпандемия затрагивает и внутригосударственные, и межличностные, и бытовые отношения не меньше, чем международные.

Эта сфера насыщена всякого рода фейками, обманом людей в их повседневной жизни. Такие ложные «вбросы», конечно, впоследствии могут вырастать и в глобальные проблемы кибербезопасности для населения, отучившегося отличать правду от лжи, его неспособность анализировать складывающуюся ситуацию.

На наш взгляд, последствия киберпандемии могут быть опаснее самой пандемии коронавируса. Так, в своей недавней программной статье министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечал: «мировое сообщество в условиях пандемии столкнулось с киберпандемией (отметим, что министр несколько лукавит, поскольку киберпандемия появилась раньше биопандемии), которая с начала самоизоляции и карантинных мероприятий наиболее ощутимо бьет по интересам и имущественным правам граждан» [18].

По данным МВД России за январь-август 2020 г. при общей стабильности с преступностью (рост составил 0,9%) киберпреступность в России в сравнении с аналогичным периодом прошлого года выросла на 77% (зарегистрировано 318,4 тыс. таких преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких (с большим ущербом) – на 86% (162 тысячи преступлений) [6].

В 6 раз выросло количество преступлений, совершаемых с использованием пластиковых карт. В 2 раза выросли преступления с использованием средств мобильной связи. Рост произошел в результате увеличения всех форм кибермошенничества [6].

Очень часто жертвами киберпреступности становятся малоимущие слои населения, которые наиболее слабо адаптированы к жизни в цифровом обществе. Специалисты в сфере компьютерной безопасности прогнозировали в период пандемии рост числа кибератак на слабозащищенные домашние компьютеры и компьютеры сотрудников коммерческих компаний. Советник министра внутренних дел РФ В.С. Овчинский отмечает, что «с момента начала пандемии возросла необходимость во всевозможных виртуальных сервисах ... официальные статистические данные не совсем отражают реальную картину по правонарушениям в киберпространстве» [21]. Еще в середине апреля 2020 г. Microsoft сообщало о 76 вариантах угроз с использованием приманок на тему COVID-19 [23].

Количество таких угроз постоянно растет. Реагируя на это, в качестве первичной меры ГД ФС РФ в первом чтении приняла законопроект, вводящий процедуру блокировки сотовой связи, отключать которую будет оператор сотовой связи по запросу начальника территориального органа ФСИН [1].

Открывая заседание Совета Безопасности, посвященное вопросам противодействия угрозам национальной безопасности в информационной сфере [14], Президент России В.В. Путин выделил 4 важных направления:

«Во-первых, следует качественно повысить защищенность отечественных сетей связи и информационных ресурсов, в первую очередь тех, что используют государственные структуры. Нужно исключить незаконное вмешательство в их работу, а также утечку конфиденциальной и персональной информации;

Во-вторых, важно обеспечить устойчивость и безопасность российского сегмента интернета. Здесь хотел бы подчеркнуть: мы не намерены ограничивать доступ в сеть, ставить ее под тотальный контроль, огосударствливать Интернет, ограничивать законные интересы и возможности людей, общественных организаций, бизнеса в информационной сфере.

Свобода СМИ, право граждан на получение и распространение информации – это базовые принципы любой демократической власти. Но мы обязаны защищать наших граждан от рисков... Мы не можем закрывать глаза на то, что на отдельных сайтах ведется пропаганда терроризма и экстремизма, ксенофобии и религиозной вражды, что в глобальной сети размещается

детская порнография, подробно рассказывается, как приготовить наркотическую отраву или совершить акт суицида.

Следует впредь оперативно пресекать попытки нарушить устойчивую работу российского сегмента Интернета. В июле 2020 года были проведены межведомственные тренировки по предотвращению подобных попыток. По итогам правительством разрабатываются соответствующие меры, которые должны помочь нам надежно обеспечить суверенитет в этой сфере.

Третье направление работы – это развитие отечественных технологий, техники и информационных продуктов. При этом нужно эффективно стимулировать их использование госструктурами и нашими компаниями;

И, наконец, четвертое – это расширение сотрудничества в сфере обеспечения международной информационной безопасности с глобальными и региональными организациями. Считаю, что одной из площадок для оценки рисков и выработки совместных мер в сфере международной безопасности, для анализа правовых последствий принимаемых решений должна стать ООН, ее профильные группы и специальные структуры» [14].

В.В. Путин отметил также, что «мы активно взаимодействуем с партнерами в области обеспечения информационной безопасности, в том числе и в рамках ООН, БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества. Так, на прошедшем саммите БРИКС лидеры наших стран решительно осудили массовые электронные слежки и сборе данных о частных лицах, которые осуществляются некоторыми специальными службами известных стран. Считаю это прямым нарушением суверенитета государств и прав человека, прежде всего – право на неприкосновенность частной жизни. Вместе с тем очевидно, что сегодня нам необходимо выработать и реализовать комплекс дополнительных мер в области информационной безопасности» [24].

Таким образом, обобщая, можно констатировать, что в период пандемии коронавируса в 2020 г. в противовес замедлению экономической глобализации во всем мире усиливается глобализация медиапространства. Как следствие, количество киберугроз для России, вовлеченной в этот процесс, в целом, и для граждан страны, в частности, увеличивается. Часть международного сообщества, включая Россию, предпринимает усилия по обеспечению глобальной кибербезопасности во всем мире. В то же время США и страны НАТО используют сложности коронавирусной эпохи для проведения информационных войн против своих политических противников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Воронцова К.* Законопроект о блокировке сотовой связи в тюрьмах принят в первом чтении // Российская Газета // <https://rg.ru/2020/09/30/zakonoproekt-o-blokirovke-sotovoj-sviasi-v-tiurmah-priniat-v-pervom-chtenii.html>.

2. *Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Кричевер Е.И.* Влияние медиаконтента на социальное поведение во время пандемии и режима самоизоляции //

Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России: Всероссийская научная конференция с международным участием // Сборник материалов / Под общ. ред. Ю.П. Аверина. М.: МАКС Пресс, 2020. DOI: 10.29003/m1980.978-5-317-06547-8.

3. Киберпреступления гегемона // Сетевое издание Сегодня.ру // <http://www.segodnia.ru/content/231674>.

4. *Киришин Б.Н.* Региональная пресса: практические аспекты теории медиазависимости // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 13 (151).

5. Колокольцев: В России зафиксировано 363 тыс. киберпреступлений // Рамблер // <https://news.rambler.ru/other/44971998-kolokoltsev-v-rossii-zafiksirovano-363-tys-kiberprestupleniy>.

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2020 года // МВД России // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698>.

7. *Мальгавко А.* МИД предупредил об угрозе киберпандемии для человечества // РИА Новости // <https://ria.ru/20200407/1569696674.html>.

8. *Монахов Д.Н., Прончев Г.Б.* От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58). DOI: 10.35775/PSI.2020.58.6.008.

9. На страже киберграниц. Замсекретаря Совбеза – о защите интересов страны // Аргументы и Факты // https://aif.ru/politics/world/na_strazhe_kibergranic_zamglavy_sovbeza_-_o_zashchite_interesov_strany.

10. *Овчинский В.* Защитить наших граждан от киберпандемии! // Zavtra.ru. Блоги и сообщества // https://zavtra.ru/blogs/zashchitit_nashih_grazhdan_ot_kiberpandemii.

11. *Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Гончарова И.В., Прончев К.Г.* Медиаглобализация: информационные угрозы // Образование и право. 2019. № 7.

12. *Прончева Н.Г., Прончев Г.Б., Калинин В.С.* Об особенностях миграционных процессов и миграционной политики в России в 2020 году // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68). DOI: 10.35775/PSI.2020.68.11.016.

13. *Прончева Н.Г., Прончев Г.Б., Калинин В.С.* Особенности миграционных процессов в России в 2020 году // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: Сборник тезисов: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, 1 декабря 2020 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет / Под общ. ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. DOI: 10.29003/m1766.978-5-317-06520-1.

14. *Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Совета Безопасности // Президент России // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46709>.

15. *Путин В.В.* Заявление Владимира Путина о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности // Президент России // <http://kremlin.ru/events/president/news/64086>.

16. Слуцкий: инициатива Путина может свести на нет возможность обвинений в адрес РФ в США // ТАСС // <https://tass.ru/politika/9552869>.

17. Совбез: США навязывают странам свою точку зрения «с позиции консенсуса» // Аргументы и Факты // <https://dnr-hotline.ru/20200826-v-sovbeze-zajavili-o-destruktivnyh-dejstvijah-ssha-v-kiberprostranstve.html>.

18. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «Глобальные проблемы кибербезопасности и международные инициативы России по борьбе с киберпреступностью» для журнала «Внешнеэкономические связи». Москва, 28 сентября 2020 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации // https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxFJnKuD1W/content/id/4350978.

19. Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России – 2019 // Исследовательский центр «Делойт» // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2019.pdf>.

20. Фокина В.В. СМИ как факторы мировой политики // Вестник МГИМО. Мировая политика. 2013. № 1 (28).

21. Цепляев В. Жутьем поросло. Какие способы мошенничества появились в период пандемии? // Аргументы и факты // https://aif.ru/society/safety/zhulyom_poroslo_kakie_sposoby_moshennichestva_poyavilis_v_period_pandemii.

22. Kolomak E.A. Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity // R-economy. 2020. No 6 (3). DOI: 10.15826/recon.2020.6.3.013.

23. Microsoft делится сведениями о новых угрозах и советах по безопасности // Microsoft // <https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-intelligence-security-guidance>.

24. Travkina N. American Greatness: Past or Future? (Platforms of Democratic and Republican parties in 2020) // Russia and America in the 21st Century. 2020. No 3. DOI: 10.18254/S207054760011708-5.

G.B. PRONCHEV

*Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Sociological Research Methodology
at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

E.V. SHISHARINA

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Associate Professor
of the Department of Applied Informatics and Computational Mathematics
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia*

N.G. PRONCHEVA

*Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor,
Senior Research Scientist of Keldysh Institute of Applied Mathematics
of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

CYBER THREATS FOR MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE CORONAVIRUS PANDEMIC

The article deals with issues related to the information security of virtual social environments in Russia during the SARS-CoV-2 coronavirus pandemic. The article discusses the existing cyber threats for the population of the country, analyzes the consequences of cyber attacks. They discuss threats from foreign countries, primarily the United States and NATO countries, and national security problems in these countries themselves. International efforts to ensure cybersecurity and the policy of the Russian Federation on this issue are discussed. It is shown that during the coronavirus pandemic, the globalization of the media space is increasing, and the number of cyber threats to the citizens of our country is increasing. The article is of interest to specialists dealing with the problems of cybersecurity policy and the development of modern virtual social environments.

Key words: *cybersecurity, cybersecurity policy, virtual social environments, SARS-CoV-2 coronavirus pandemic, cybercrime.*

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой государственного управления
во внешнеполитической деятельности Дипломатической
академии МИД РФ, член-корреспондент РАЕН,
Россия, г. Москва

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКСПАНСИЯ ЗАПАДА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Современная информационно-коммуникационная экспансия является инструментом геополитического влияния, который применяется наряду с военной и экономической экспансией для достижения доминирования в целевом регионе. В статье рассматривается вопрос об эволюции информационно-коммуникационной экспансии Запада на центрально-азиатской арене, где его коллективная стратегия ориентирована на максимальный отрыв этих стран от Российской Федерации с целью затруднить российское влияние и ее интегрирующее воздействие. Анализируются трансформация стратегий отношений США и ЕС с центрально-азиатскими странами в современных условиях. Представлены основные структуры западного информационного влияния в Центральной Азии (Академия ОБСЕ, Internews Network International, Институт по освящению войны и мира (IWPR) в Центральной Азии, Центрально-азиатское бюро аналитической отчетности (CABAR – Central Asian Bureau for Analytical Reporting), EurasiaNet и др.). В статье делается вывод о том, что создание западной, в первую очередь, американской, инфраструктуры информационного воздействия в центрально-азиатском регионе – это закономерный процесс, на который можно ответить только созданием российской инфраструктуры подобного рода. Автор, тем не менее, подчеркивает, что лучшим способом информационного влияния могла бы быть не агрессивная пропаганда, а совместная практическая деятельность сначала в гуманитарной сфере, а затем и в других направлениях, представляющих взаимный интерес для всех участвующих сторон.

Ключевые слова: ЕС, информационная экспансия, Центральная Азия, США, СМИ, Россия, Институты влияния.

Роль информационных триггеров в развитии социально-политических процессов в современном обществе чрезвычайно высока. В настоящее время

даже страны с давней демократической традицией страдают от манипулирования информацией, особенно в моменты ключевых событий, например, таких, как выборы. Избирательная кампания не завершается подведением итогов голосования, а переходит в упорную информационную войну, которая ведет к подрыву доверия избирателей к результатам выборов и к деструкции основных устоев демократического общества. Те же страны, которые не имеют глубоких демократических традиций, из-за изолированных попыток манипулирования избирателем вообще рискуют перейти от принципов народной демократии к демократии площадной (перед нами примеры президентских выборов 2016 и 2020 годов в Соединенных Штатах и, например, Киргизии с ее последними парламентскими выборами).

Поэтому, говоря об информационной экспансии Запада в Центральной Азии, необходимо понимать, что это инструмент геополитического влияния, применяемый наряду с военной и экономической экспансией для достижения доминирования в целевом регионе. Главное, что в настоящий момент обуславливает внимание западных политиков, особенно американских, к центрально-азиатскому региону, – это близость его с одной стороны к Афганистану, а с другой стороны – к России. Это дает возможность использовать эту площадку для разнонаправленного влияния. Общая стратегия коллективного Запада сосредоточена на стимулирование максимального отрыва этих стран от России с целью затруднить российское интегрирующее воздействие. Все это предопределяло информационную экспансию Запада в регионе, которая шла под лозунгом «транзита от диктатуры к демократии» и породила целую серию цветных революций или попыток их совершения в центрально-азиатских странах.

В Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Туркменистане и Таджикистане информационное поле достаточно сильно контролировалось и контролируется государственными структурами. В этих странах, несмотря на повсеместный рост националистических настроений и, как следствие, отторжение советского, а в современных реалиях, российского культурного влияния, до сих пор роль русского языка, российского информационного потока и российской культуры достаточно велика. Поэтому Запад обращает пристальное внимание на формирование выгодного ему информационно-аналитического пространства в Центральной Азии. Своей задачей он видит выращивание нового поколения экспертов и аналитиков, в том числе инфлюенсеров (5), которые отстаивали бы позиции западных стран и международных организаций, объясняли населению их преимущества, давали выгодные для Запада прогнозы. Объединением таких экспертов, формированием из них некоего пула были призваны заниматься различные структуры – центры, академии, институты и т.п., специально созданные для этих целей, а также прочие западные фонды и неправительственных организаций (НПО). Однако деятельности различного вида, спонсируемых Западом НПО недостаточно

для достижения стратегических целей, для создания плацдарма региональной интервенции гуманитарного (и не только) характера. Для эффективного управления этим процессом активировано выращивание местной прозападной «интеллектуальной элиты», поскольку, во-первых, суждения местных медийных личностей всегда вызывает у населения больше доверия, чем выступления иностранцев, а во-вторых, деятельность западных эмиссаров по-прежнему остается достаточно затруднительной в странах Центральной Азии в силу специфики местного политического строя.

В 2004 году, незадолго до «тюльпановой революции», появились сообщения о том, что Киргизия не дала добро на размещение на авиабазе Манас американских самолетов-разведчиков AWACS. Утверждалось, что тогдашние власти заявили: это выходит за рамки полномочий и задач американской операции в Афганистане и не соответствует обязательствам Киргизии в рамках ОДКБ. Кроме того, президент Аскар Акаев тогда же заявлял, что авиабазу следовало бы свернуть, поскольку основные террористические центры в Афганистане уже уничтожены. В том же 2004 году Государственный департамент США выделил 53 гранта киргизским неправительственным организациям на поддержку независимых СМИ, распространение информации, обучение журналистов, обеспечение прав человека, а также для получения правового образования. Поддержка шла по линии NED и Национального демократического института (NDI).

В марте 2005 г. *The New York Times* писала, что оппозиционная газета опубликовала фотографии роскошного особняка крайне непопулярного среди населения президента страны Аскара Акаева, что спровоцировало волну народного возмущения и массовые протесты. Это же издание, по данным *NYT*, получило грант правительства Соединенных Штатов и печаталось в типографии, финансируемой американским правительством, под руководством Freedom House, американской организации, занимающейся продвижением демократии. Лондонская *The Times* сообщила, что американские деньги финансируют центры гражданского общества, где граждане могут встретиться с активистами, пройти обучение, почитать независимые газеты. *The Wall Street Journal* также указывала на помощь НПО и «независимым СМИ» со стороны Freedom House и правительственного Агентства США по международному развитию (USAID) [8].

Новую договоренность по Манасу Вашингтон подписывал уже с другими, послереволюционными, властями. Это пример довольно красноречиво показывает причины, цели и средства западного, прежде всего американского, информационного воздействия в регионе, в особенности в Киргизии, где в силу слабости политических институтов, медийное пространство оказалось особенно уязвимым.

Запад, прежде всего США, в периоды правлений первого и второго президентов Киргизии имели очень хорошие позиции в информационном про-

странстве этой страны. Американцам удалось фактически создать некие небольшие медиахолдинги, состоявших из местных СМИ, которые имели своих владельцев-граждан Киргизии, но в идеологическом плане отражали прозападные идеи. Добиться этого удавалось, прежде всего, за счет того, что там работал персонал, прошедший подготовку в западных медиа-организациях, и часто таким СМИ оказывалась помощь в виде поставок оборудования или выделения грантов на производство контента «нужного» содержания. То есть фактически американцам удалось тогда сформировать свое медиапространство, через которое они активно влияли на настроения в обществе, подавали свое видение политических процессов, что, в свою очередь, сыграло важную роль в революциях 2005 и 2010 годов.

После 2010-го у американцев пошла полоса неудач. Им не удалось сформировать и поддержать новую оппозицию вместо дискредитировавшей себя, был утрачен контроль над некоторыми СМИ. Соответственно стояла задача вернуть былые позиции. Этим они сейчас и занимаются, уделяя более пристальное внимание на экспертное сообщество, на создание своей команды аналитиков, которые будут интерпретировать происходящее в странах региона в «нужном» ракурсе.

В свою очередь в середине июня 2019 года Европейский совет одобрил новую стратегию взаимоотношений Европейского союза с Центральной Азией. Одно из основных направлений обновленного документа – укрепление безопасности в регионе. В частности, это подразумевает развитие сотрудничества стран региона с Афганистаном, а также совместное участие в программах и проектах Евросоюза [1].

В решении глав МИД стран Евросоюза подчеркивается, что рамки отношений ЕС с регионом зависят от готовности отдельных стран Центральной Азии проводить реформы, укреплять демократию, права человека, верховенство права и независимость судов, а также модернизировать и диверсифицировать экономику. Проект стратегии представила Еврокомиссия 15 мая 2019 года. С ее помощью Брюссель планировал выстроить более сильное, современное и неэксклюзивное партнерство с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией и Узбекистаном. Формулировка подразумевала, что ЕС не собирается ставить эти страны перед выбором «или – или». В проекте стратегии отмечалось, что новые соглашения о партнерстве и сотрудничестве ЕС со странами Центральной Азии совместимы и с другими интеграционными инициативами, такими как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), куда входят Казахстан и Киргизия. Предыдущая стратегия отношений ЕС с центрально-азиатским регионом была принята в 2007 году. Официальный представитель Еврокомиссии Майя Косьянчич пояснила, что с тех пор ситуация существенно изменилась, так что потребность в новой стратегии соответствует нынешней ситуации, вызовам и состоянию отношений при том, что желание углубить сотрудничество звучало и со стороны самих стран Центральной Азии.

Несмотря на территориальную отдаленность региона от Европы, у Брюсселя в этом вопросе геополитический интерес связан с урегулированием ситуации в Афганистане. Сотрудничество со странами Центральной Азии может помочь урегулировать ситуацию в Афганистане и остановить поток беженцев в Европу. ЕС поддерживает двусторонние и региональные образовательные программы, и исследования в Центральной Азии с самого начала взаимного сотрудничества в 1991 году. Образование играет важную роль в соглашениях о двустороннем партнерстве, а также в Стратегии ЕС-Центральная Азия. На региональном уровне ЕС способствует образованию через Центрально-Азиатскую Платформу Образования (*link is external*), включая поддержку реализации еще Астанинской декларации 2017 года и Сети исследований и образования в Центральной Азии (*link is external*).

ЕС также является крупнейшим донором в Глобальное партнерство в области образования (*link is external*) (GPE), единственное глобальное партнерство в котором участвуют представители всех групп заинтересованных сторон сферы образования, включая стран-партнеров, доноров, международных организаций, представителей гражданского общества и частного сектора. GPE играет активную роль в поддержке систем образования в Центральной Азии с финансированием, превышающим 100 миллионов евро.

Отдельно необходимо сказать о все возрастающей направленности западного медийного мейнстрима на борьбу с российским влиянием. Еще в 2016 году во время событий в Актобе, западные масс-медиа (в том числе Reuters и казахстанская редакция «Радио Свобода») и вслед за ними украинские СМИ стали муссировать тему «русского сепаратизма» в Казахстане. Начиная с 2017-го финансового года Госдепартамент США ежегодно запрашивает средства на продолжение сотрудничества со СМИ в странах Центральной Азии, где, как утверждается, активно работает «российская пропагандистская машина», о чем тогда было заявлено заместителем помощника госсекретаря Дэниелом Розенблумом, курирующим данный регион [6]. Отметим, что в понятие «Центральная Азия» в США традиционно включают и Казахстан, положение в котором после событий в Актобе вызывало беспокойство политических кругов Запада. Дэниел Розенблум, помимо прочего, подчеркнул: «Важно, чтобы СМИ Центральной Азии и люди, для которых они работают, имели доступ к различным источникам объективной информации, а не полагались друг на друга» [6]. По мнению дипломата, в таком случае новости могут подаваться «однобоко» или неверно. Поэтому в новом бюджетном запросе было предусмотрено финансирование с целью продолжения сотрудничества с изданиями стран Центральной Азии. Розенблум признал, что государства данного региона имеют прочные исторические, политические, экономические и культурные связи с Россией, что хорошо финансируемая пропагандистская машина России оказала значительное влияние на общественное мнение жителей Центральной Азии. В то же вре-

мя, полагает он, эти государства понимают, что им также нужны отношения с другими странами, которые будут приносить взаимную выгоду.

Несколько слов об основных структурах западного информационного влияния в Центральной Азии. *Академия ОБСЕ в Бишкеке* была создана в 2002 году на основе соглашения между Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и правительством Киргизской Республики. Сторонами был подписан Меморандум о Взаимопонимании, который придал официальный статус созданию Академии как регионального центра последипломного образования и форума для регионального диалога по вопросам безопасности и научных исследований. В 2004 году Академия запустила свою основную Магистерскую программу в области Политологии с акцентом на Центральной Азии. В 2011 году была запущена вторая дипломированная программа, Магистерская программа в области Экономического управления и развития [7] (2).

Internews Network International – Международная организация, созданная для поддержки развития СМИ по всему миру, в состав которой входит 21 филиал с офисами в 34 странах мира (в основном в странах, т.н. развивающейся демократии) (7). Штаб-квартира организации находится в г. Арката, штат Калифорния, США. Своей миссией *Internews Network International* считает целенаправленную работу по защите свободы прессы, по повышению профессионального уровня журналистики в разных странах мира, по реализации различных гуманитарных проектов в области электронных СМИ. В центрально азиатском регионе *Internews Network International* работает в Киргизии, Казахстане и Таджикистане, реализуя различные программы, направленные на совершенствование работы местных СМИ. В частности, в 2012 году стартовала Центрально-Азиатская программа по улучшению законодательства в сфере СМИ, призванная, как указано на сайте организации, «в течение трех лет способствовать изменению законодательства в странах Центральной Азии; усилению потенциала СМИ по их функционированию в условиях действующего законодательства; и расширению обсуждения законодательства в сфере СМИ и связанных с ним вопросов. В рамках проекта был проведен анализ законодательства о СМИ во всех пяти странах региона. По мере возможности, проект постарается найти не только недостатки в законодательстве, но и проблемы, которые являются приоритетными для медиа сообщества в целом» [3].

Интерньюс активно занимается проведением различных мероприятий для студентов и практикующих журналистов. В частности, в Киргизии Интерньюс проводил конкурс «Стремление», организованный в рамках долгосрочного проекта по развитию независимых медиа в Киргизии, который реализуется Интерньюс в партнерстве с FHI360 (1) и финансируется Агентством США по международному развитию (USAID).

В 2019 году Интерньюс в Киргизии презентовал проект TRACK (Transparency through Reporting & Advocacy Campaigns in Kyrgyzstan), представ-

ленный следующим образом: TRACK (Transparency through Reporting & Advocacy Campaigns in Kyrgyzstan) – это многокомпонентный проект, цели которого – поддержка отечественной расследовательской журналистики для ее качественного развития, вовлечение общества в борьбу против коррупции и усиление его контрольных функций для достижения большей ответственности и подотчетности власти [4]. Как известно, подобные «расследования» с помощью западной финансовой помощи проводятся и в других странах. Основная цель этих инициатив – дискредитация власти (8).

В Казахстане в рамках Интерньюс работает Международный центр журналистики MediaNet, запустивший проект ONLINE MediaSchool для всех регионов Казахстана с целью сформировать новое поколение независимых журналистов: разносторонних, социально активных, профессиональных и независимых. Обучение проводится в формате вебинаров на казахском и русском языках [12].

Другим важным направлением деятельности Интерньюс считается поддержка в регионе «гражданской журналистики», когда каждый человек со смартфоном «может стать репортером и рассказывать о важных происшествиях в своих социальных сетях раньше, чем самые продвинутые медиа», – как сказано в одном из рекламных проспектов проекта Школы гражданской журналистики, созданной в Таджикистане и Казахстане в 2018 году [11] (3).

Институт по освещению войны и мира (IWPR) в Центральной Азии – был организован в 1991 году как благотворительная просветительская организация, содействующая проблемам развития, обеспечивающая мировую общественность большим доступом к информации о событиях в регионах СНГ и других стран мира. Основные представительства Института расположены в США и Нидерландах, а штаб-квартира находится в Лондоне [13]. IWPR работает на местах в более чем 30 странах мира и осуществляет свои программы в Афганистане, на Кавказе, в Центральной Азии, в Ираке, на Балканах, в Судане, Уганде и в других странах. IWPR был основан в 1991 году под названием Yugofax, и первоначально представлял собой бюллетень, который сообщил о тревожных событиях на Балканах, освещая их с прозападной точки зрения. Когда балканский конфликт превратился в полномасштабную войну, бюллетень Yugofax изменил свое название на Balkan War Report. В конце 1995 года, после того, как было подписано Дейтонское мирное соглашение об окончании войны в Боснии, бюллетень распространил свои интересы на другие глобальные проблемные регионы (изначально ориентируясь в основном на бывшие советские республики) и скорректировал название – War Report. В 1998 году бюллетень снова изменил свое название, на этот раз он стал называться Institute for War and Peace Reporting (IWPR – Институт по освещению войны и мира) и был зарегистрирован в качестве неправительственной организации. IWPR имеет попечительский совет, состоящих из ведущих журналистов и экспертов по пра-

вам человека, политологов, а также бизнес-консультантов и специалистов в области НПО. Председателем Международного попечительского совета директоров является сэр Дэвид Белл – экс-председатель совета директоров газеты *Financial Times*. Как сказано на сайте организации: «Институт по освещению войны и мира (IWPR) способствует развитию демократии в странах, охваченных конфликтами и изменениями, используя возможности профессиональной журналистики. Программы IWPR обеспечивают интенсивную практическую подготовку для репортеров, всестороннее освещение и обнародование соответствующей информации, а также инициирует проекты, направленные на повышение компетентности местных средств массовой информации. Поддерживая процессы укрепления мира, развития и верховенства права, IWPR дает возможность компетентным местным СМИ сказать свое слово» [13].

В конце февраля 2018 года IWPR и Академия ОБСЕ в Бишкеке объявили о том, что начинают трехлетний проект по повышению потенциала нового поколения аналитиков и журналистов в Центрально-Азиатском регионе. В течение предстоящих трех лет представительство IWPR по Центральной Азии, и Академия ОБСЕ планировали реализовать серию интенсивных теоретических и практических программ с целью формирования нового пула молодых экспертов и журналистов-аналитиков (как сказано в их официальные бюллетени) способных предоставлять качественную аналитику для государственных органов и широкой общественности. Кроме теоретической части обучения, есть и практическая, которую участники должны проходить в странах Восточной Европы и, естественно, в странах своего региона. В настоящий момент IWPR по Центральной Азии интенсивно набирает сотрудников из местных кадров, в частности открыты вакансии на должность СММ-специалиста для ведения аккаунтов в социальных сетях и продвижения продуктов организации онлайн; на позицию внештатный редактор-координатор журналистских расследований, а также подбирается команда из журналиста и оператора-монтажера для создания видеоматериалов [9].

Одним из полноценно действующих проектов Института по освещению войны и мира является *SABAR Central Asian Bureau for Analytical Reporting* [5], коллектив которого состоит в основном из представителей Киргизии и Таджикистана, прошедших стажировку на Западе. В рамках SABAR действует *Медиашкола SABAR*, проводящая онлайн и офлайн обучение для журналистов и всех желающих инструментам аналитики, репортажной журналистики, новым медиа и цифровой журналистики. На портале SABAR есть раздел **Аналитики**, где публикуются статьи, содержащие критическую оценку интеграционных проектов России и стран ЦА [2] (6). SABAR организует **Тренинги по конфликтно-чувствительной журналистике** (в казахском Терезе, в киргизском Бишкеке). Цель тренингов (как указано в объявлении на сайте организации) – подготовить пул журналистов

ЦА, способных писать качественные аналитические материалы по религиозному разнообразию, соблюдению религиозных свобод граждан и противодействию насильственному экстремизму. Программа тренинга акцентирована на получении практического опыта по написанию аналитических статей и журналистских расследований для местных и зарубежных СМИ.

Евразиянет [www.eurasianet.org]. Редакция EurasiaNet находится в Нью-Йорке. EurasiaNet выступает за открытое и информационно-насыщенное обсуждение проблем региона. Одной из целей EurasiaNet является донесение информации до лиц, принимающих решения, а также пробуждение интереса к региону в широких кругах общества. EurasiaNet публикует информационно-аналитические материалы о событиях в политической, экономической и общественной жизни и состоянии окружающей среды в Центральной Азии и на Кавказе, а также в России, на Украине и в Молдавии. Деятельность EurasiaNet разворачивается в рамках Евразийской Программы, поддерживаемой сетью фондов «Открытое общество» (4). EurasiaNet – одно из наиболее популярных и влиятельных медиаресурсов, посвященных странам центрально-азиатского региона. Благодаря развитой корреспондентской сети, которой EurasiaNet располагает как на Западе, так и в странах Евразии, издание предоставляет своим читателям оперативную информацию, а также возможность ознакомиться с различными точками зрения на современную ситуацию. Материалы на интернет-портале публикуются на английском и русском языках [10].

Таким образом, создание западной, в первую очередь, американской, инфраструктуры информационного воздействия в центрально-азиатском регионе – это закономерный процесс, на который можно ответить только созданием собственной инфраструктуры. К сожалению, наша информационно-аналитическая работа в указанных регионах ведется спорадически и в ней участвует недостаточное количество специалистов и соответствующих структур по сравнению с аналогичными структурами Соединенных Штатов и Евросоюза. И там они гораздо больше востребованы государством. Необходимо наладить системную работу экспертных центров разного профиля, которые бы постоянно держали руку на пульсе по ситуации в регионах. Более того, постправда, которая насаждается западным медийным мейнстримом, все-таки не может конкурировать с реальностью. Поэтому лучшим способом информационного воздействия является не агрессивная пропаганда, а совместная практическая деятельность в гуманитарной сфере, и в других направлениях, представляющих взаимный интерес для участвующих сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Американская неправительственная организация в сфере экологии, здравоохранения и образования.

(2) В Академии ОБСЕ активно работают с молодыми журналистами, студентами факультетов журналистики из пяти республик региона, орга-

низуют для них летние лагеря, проводят трех-четырехдневные семинары и конференции. Туда приглашают в качестве модераторов медиатренеров с явно прозападными настроениями, а иногда и явных русофобов, в том числе оппозиционных политиков и журналистов из самой РФ. Соответственно, у молодых людей формируют резко отрицательное отношение к России.

(3) В Узбекистане представительство Интерньюс проработало с 1995 по 2005 год, когда оно было закрыто по решению суда в связи с незаконным производством телевизионных программ и издательской деятельности.

(4) Институт «Открытое общество» (англ. Open Society Institute, OSI), Фонд Сороса – международная благотворительная организация, учрежденная финансистом и филантропом Джорджем Соросом. Представительства Фонда работают более чем в 30 странах. Штаб-квартира расположена в Нью-Йорке.

(5) Инфлюенсер (от англ. influence – влияние) в социальных сетях – пользователь, имеющий обширную и лояльную аудиторию. Важны оба свойства: инфлюенсером называют именно такого блогера, публикации которого оказывают заметное влияние на подписчиков.

(6) Например, «Последствия российско-китайского сближения для Центральной Азии». «Политика кнута и пряника может стать началом совместного китайско-российского правления, когда страны Центральной Азии не будут иметь права голоса в процессах принятия решений, касающихся их или их будущего развития», – отмечает в своей статье сербская (Сербия sic!) исследовательница Нина Михольчич, написанной специально для CABAR.asia // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-rossijsko-kitajskogo-sblizheniya-dlya-tsentralnoj-azii/>.

(7) Российское представительство Internews Network International было закрыто в 2007 году в связи с делом о валютной контрабанде, главным фигурантом которого была генеральный директор российской филиала Манана Асламазян, задержанная при ввозе в Россию из Европы крупной суммы наличной валюты. Скрылась от следствия и покинула Россию, выехав на постоянное место жительства в Париж.

(8) Фонд по борьбе с коррупцией А. Навального практически теми же словами презентует свою деятельность: «Фонд борьбы с коррупцией – единственная в России некоммерческая организация, которая занимается расследованием, раскрытием и пресечением коррупционных правонарушений в высших органах власти».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. ЕС одобрил новую стратегию развития отношений с Центральной Азией // <https://ria.ru/20190617/1555625021.html>.

2. Последствия российско-китайского сближения для Центральной Азии // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-rossijsko-kitajskogo-sblizheniya-dlya-tsentralnoj-azii/>.

3. Право и СМИ в Центральной Азии // <http://medialaw.asia/node/2090>.

---

4. Проект Интерньюс в Кыргызстане TRACK (Transparency through Reporting & Advocacy Campaigns in Kyrgyzstan) // <http://internews.kg/video/otkryt-priem-zayavok-dlya-uchastiya-v-proekte-po-rassledovatelskoj-zhurnalistike/>.

5. События IWPR в Центральной Азии. События бюро. Узбекистан // <https://cabar.asia/ru/category/ru-ru/events/events-uz-ru/>.

6. США объявили о намерении бороться с «российской пропагандой» в Центральной Азии // <https://vz.ru/news/2016/6/10/815387.html>.

7. Судьба академии ОБСЕ в Бишкеке остается неясной // <https://www.trend.az/casia/kyrgyzstan/1612112.html>.

8. Усиление пропаганды США в Центральной Азии готовит почву для новых «цветных» революций // <https://vz.ru/politics/2016/6/10/815402.html>.

9. CABAR.ASIA развивая аналитику в Центральной Азии // <https://www.facebook.com/pg/IWPR.Kyrgyz/posts/>.

10. EurasiaNet // https://inosmi.ru/eurasianet_org/.

11. Internews объявляет прием заявок в онлайн-медиашколу // <https://newreporter.org/2018/01/08/internews-obyavlyat-priem-zayavok-v-onlajn-mediashkolu>.

12. ONLINE MediaSchool для всех регионов Казахстана // <https://newreporter.org/2019/10/22/online-mediaschool-dlya-vsex-regionov-kazaxstana>.

13. The Institute for War & Peace Reporting // <https://iwpr.net/>.

I.V. SURMA

*PhD in Economics, Head of the Department
of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Member of the Russian Academy of Natural Sciences,
Moscow, Russia*

INFORMATION EXPANSION OF THE WEST IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

Modern information and communication expansion is a tool of geopolitical influence, which is used along with military and economic expansion to achieve dominance in the target region. The article deals with the question of the West's information and communication expansion in the Central Asian arena, where its collective strategy is focused on the maximum separation of these countries from the Russian Federation in order to hinder Russian influence and its integrating influence. The article analyzes the transformation of the strategies of relations between the US and the EU with the Central Asian countries in modern conditions. The main structures of Western information influence in Central

---

Asia (the OSCE Academy, Internews Network International, the Institute for War and Peace Reporting (IWPR) in Central Asia, the Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR-Central Asian Bureau for Analytical Reporting), EurasiaNet, etc.) are presented. The article concludes that the creation of a Western, primarily American, information impact infrastructure in the Central Asian region is a natural process, which can only be answered by the creation of a Russian infrastructure of this kind. The author, however, emphasizes that the best way to influence information could be not aggressive propaganda, but joint practical activities, first in the humanitarian sphere, and then in other areas of mutual interest for all parties involved.

Key words: *EU, information expansion, Central Asian, USA, mass-media, Russia, Institutions of influence.*

*доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

Д.А. ФОМЕНКО

*бакалавр кафедры международных отношений и
права Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток*

ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРАН СРЕДИ ДВУХ КОНКУРИРУЮЩИХ «ЕВРАЗИЙСКИХ ПРОЕКТОВ»

Данная статья посвящена актуальной теме: поиска баланса интересов глобальных стран среди двух конкурирующих «евразийских проектов». Сегодня мы не только являемся свидетелями, но и непосредственными участниками уже начавшегося глобального перестроения, когда глобальные игроки приступили к выстраиванию крупных политических и военных блоков, в основе которых геостратегические цели. В этом отношении Азия являет собой яркий пример формирования блокового мышления и начавшихся глобальных политических процессов. Предстоит понять, что стоит в основе азиатских политических процессов? Какую из предложенных концепций – китайского проекта «Сообщество общей судьбы человечества» (СОИЧ) или японо-американской стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» или «Индо-Пацифика» (СОИТР), предпочтет формируемый азиатский мир?

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанский регион, АТР, КНР, США, «евразийские проекты», поствестфальский миропорядок.*

Надо признать, что Соединенные Штаты в начале наступившего тысячелетия столкнулись с самым динамичным и весомым конкурентом в современной политической истории – Китаем. Обстоятельства таковы, что постепенно избавляется от неисполненных планов и надежд ищет новые подходы к своему доминированию в Азии. Один из таких подходов всемерное участие в Четырехстороннем диалоге (Quad) по разработке стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Тренды последнего времени, которые характеризуют происходящие политические

процессы в регионе, такие как территориальные споры, торговые войны, возрождение Четырехстороннего диалога и другие, неуклонно указывают на фундаментальные изменения в расстановке и балансировке глобальных сил. Сегодня мы являемся свидетелями рождения глобальных проблем, стоящих у основания нового поствестфальского миропорядка. В этих условиях Китай становится все более упорным в продвижении и достижения своих интересов, а во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов все заметнее уклон в сторону нового зарождающегося региона – Индо-Тихоокеанского [2. С. 2744]. Все явственнее видно евроазиатское направление политики Вашингтона как в отношениях с азиатскими партнерами, так и в расстановке в регионе центров силы. Суть этого в том, что США стремится не только сдержать своего стратегического конкурента, но и выстроить «пространство открытости», основой которого будут рыночная экономика, непрерываемость норм международного права и взаимодействие с союзниками, прежде всего Японией, Индией и Австралией. Вокруг этих вопросов уже началась ожесточенная борьба. Ставки в этой борьбе исключительно высоки. Как для отдельных государств, целых регионов, а также для всей мировой системы. И здесь ясно, что центром борьбы будет евразийский континент. По признанию А. Картунова [3], именно евразийский континент остается главным историческим ядром и экономическим пружиной современного мира. Он не без оснований рассматривается как основная цель в предстоящем переделе мира. Стремительно усиливающийся региональный политический процесс все более четко вырисовывает два конкурирующих друг с другом долгосрочных «евразийских проекта». Если проанализировать, то за каждым из них стоят национальные интересы глобальных игроков мировой арены. В основе каждого из предлагаемых проектов лежат комплексы разработанных региональных военно-политических, экономических и геостратегических концепций, а также двусторонних и многосторонних международных механизмов. Все эти «евразийские проекты» имеют соответствующие целям и задачам идеологическое и теоретико-методологическое обоснование. Что важно: под каждый из проектов выстраиваются крупные политические и военные блоки, мобилизуются союзники и формируются коалиции. Но самое главное, накапливаются ресурсы. Человечество ждет глобальные схватки за переустройство поствестфальского (постбиполярного) миропорядка. В центре этого лежит Азиатско-Тихоокеанский регион. В ближнесрочной перспективе компромиссы между двумя проектами возможны и неизбежны. Но по целям и задачам как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе два евразийских проекта совместимы быть не могут по определению. Одну из проектов предстоит роль победителя. Другому, альтернативному варианту, предстоит участь тупикового направления политического и исторического эволюционного развития Азии. Термин «Индо-Тихоокеанский регион» или «Индо-Паци-

фика», вошел в дискурс научной общественности и политиков-практиков относительно недавно. Введя в оборот данную терминологию, индийские и японские политики поставили идею переформатирования АТР в Индо-Тихоокеанский регион в основу своего внешнеполитического курса. Но после избрания президентом США Дональда Трампа, идея строительства Индо-Пацифики, претерпев существенное переоформление, приобрела вид американской стратегии за доминирование в АТР [9]. Но фактически в основе лежит концепция о долгосрочном конструировании региона по ее внешнему контуру, т.е. за счет выстраивания новых геостратегических отношений со странами восточной и южной периферии евразийского континента, а также островными тихоокеанскими государствами. Главная цель этой глобальной международной политики является политическое и военно-стратегическое сдерживание Китая. Другими словами – создание такого жесткого «каркаса», который бы не позволил официальному Пекину занять доминирующие стратегические позиции в Евразии в целом [1]. Сегодня экспертному сообществу ясно, что концепция новой структуры «Индо-Тихоокеанский регион» реализуется Соединенными Штатами в двух направлениях: по линии создания многосторонних форматов внешнеполитического сотрудничества, включая военно-политический, а также по линии укрепления многоаспектных двусторонних отношений со странами региона. В первом направлении стратегия осуществится в рамках консультативного механизма «Quad», объединяющий четыре государства (США, Япония, Австралия и Индия). Некоторые успехи в этом есть. И это несмотря на общее пренебрежительное отношение администрации Трампа к международным институтам и многосторонним межгосударственным форматам. Но тем не менее, вектор стратегического проектирования новой Евразии США в конструкции СО-ИТР направлен на военно-политическое сдерживание геостратегических устремлений Пекина. Что важно: проблема заключается не с введением новой терминологии. С принятием концепта «Индо-Пацифика» и уходом с политической арены уже устоявшегося термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» сформирует крупнейшую геополитическую проблему. Экспертному сообществу понятно, что японо-американский концепт предполагает раскол евразийского континента, поскольку в эту геополитическую конструкцию не предполагается введение ни Китая, ни России, а также других континентальных государств АТР, как наиболее конкурирующие с выстраиваемым в регионе внешнеполитическим курсом США, с целью создания жесткого «каркаса» по внешнему, восточному периметру такого глобального континента, как АТР.

Но такая альтернативная стратегия Китая, как «Сообщества единой судьбы человечества», Инициатива пояса и пути [4. С. 28], направлена на выстраивание новой Азии. Она предполагает конструкт, где произойдет консолидация континента не извне, а изнутри. Не от периферии к центру,

а от центра к периферии. Китайская концепция предполагает, что в роли основного «каркаса» континента должна выступить не внешняя граница, а целая система дополняющих друг друга транспортно-логистических коридоров. Именно они смогли бы стянуть в единое целое неоднородное евразийское пространство. Примером тому служит такой проект, как Инициатива пояса и пути. Китайский подход, как общая философия евразийского развития, получил свое начало в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК, когда была предложена Си Цзиньпином [4. С. 29-30]. Политический лидер Китая придавал своей инициативе, прежде всего, универсальное значение как глобальной идее, которая распространяется на все международные отношения. Хотя надо понимать, что фактически речь идет, главным образом, о будущем такого континента, как Евразии. Она и затрагивает развитие всего геополитического региона. Естественно, что инициатива Си Цзиньпина не осталась вне внимания ни международного экспертного сообщества, ни политиков, получивший в последующем название «периферийная дипломатия» Китая. Оценка экспертов и политиков сошлись в единой оценке целей и задач официального Пекина в отношении евразийских государств. Но главное то, что концепция, предложенная Си Цзиньпином нашла свое подтверждение в выдвигании различных многосторонних инициатив континентального масштаба. В частности, Инициативы пояса и пути, а также подписания 15 ноября 2020 г. в Ханое проекта «Всестороннего регионального экономического партнерства». Последний проект уникален тем, что сделку о свободной торговле кроме КНР подписали 14 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которая затрагивает сразу треть населения планеты и треть мировой экономики. В результате сделки снижаются таможенные барьеры, на территории, охватывающей треть мирового населения (2,2 млрд потребителей) и треть мирового ВВП (28 трлн долларов) [10]. Важно, что экономический союз с Китаем создают такие союзники США, как Япония и Австралия. Данная сделка является первым торговым соглашением, которое объединяет крупнейшие экономики региона, такие как Китай, Японию и Южную Корею. Характерно и то, что участниками «Всестороннего регионального экономического партнерства» стали, помимо стран АСЕАН, и традиционные «морские» союзники США в АТР – Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия. По оценкам экономистов, эта сделка может добавить почти 200 млрд долларов в мировую экономику к 2030 г. [6]. В сделку вошли страны, которые ранее входили в Транстихоокеанское партнерство. Это может говорить о переходе мирового экономического лидерства от Вашингтона к Пекину. Важно и то, что согласившись присоединиться к ВРЭП, Япония показала США, что намерена в регионе строить самостоятельную политику. Для Японии это важнейшее решение, которое переориентирует свой внешнеполитический и экономический курс, чтобы со временем перестать полностью подчинять свою политику и экономику интересам США.

Единственное, что не удалось, как подчеркивают эксперты, это присоединить к ВРЭП Индию. Она конкурирует с Китаем по многим направлениям производств, но не желая проиграть более конкурентным китайским товарам отказалась от новой сделки. Возможно в дальнейшем Индия и присоединится к данной сделке. Главным отличием от американской Индо-Пацифики, «Сообщество единой судьбы человечества» не предполагает жестких союзнических обязательств со стороны стран-участников. При этом и сам Китай не меняет своего внеблокового статуса. Но, полагая полностью уйти от измерения безопасности при проектировании будущего Евразии, Китай делает упор на экономическое и социальное развитие всех регионов, составляющих евразийский континент. Предполагая при этом преодолеть существующие ныне диспропорции в их уровне жизни и степени вовлеченности в континентальную и мировую экономику [4. С. 29]. Но при этом необходимо признать то, чем энергичнее Вашингтон будет выстраивать внешнюю военно-политический каркас вокруг Китая, тем больше военно-политических элементов Пекин будет закладывать в активно продвигаемый внутриевразийский проект. Если проецировать предложенный китайский проект как схему на карту современной Евразии, можно предположить, что в идеале в основе каркаса должен стать треугольник следующих государств: «Китай-Индия-Россия» (РИК). Хотя выстраиваемый механизм сотрудничества здесь работает уже несколько лет, в последние годы он был частично поглощен более широкими форматами международных организаций БРИКС и ШОС. Но важно то, что рассматриваемый базовый треугольник РИК мог бы дополняться более сложными, но гораздо эффективными многосторонними конструкциями, охватывающими три важнейших евразийских региона: Северо-Восточную; Юго-Восточную и Центральную Азию, а в перспективе и Западную Азию, т.е. Ближний Восток. Более масштабные задачи в практической плоскости могли бы быть решены и в долгосрочной перспективе не ранее середины настоящего века. Это интеграция в новую архитектуру самой западной периферии евразийского континента Западной и Центральной Европы, а также равно и самой восточной периферии. Имеется ввиду островные государства Тихоокеанского бассейна. В борьбе за Евразию сделаны первые шаги. Главным решением при этом является мобилизация ресурсов и занятие самых выгодных геополитических позиций, что должно помещать развитию инициатив противника. Но сегодня ясно одно, что ни один из двух альтернативных проектов строительства новой Евразии пока еще не приобрел вид детально прописанной, так называемой «дорожной карты». Каждый из предлагаемых проектов имеет свои сильные и слабые стороны, свои преимущества и недостатки.

Сильные стороны концепта японо-американской стратегии «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»: существующая и проверенная временем система двусторонних соглашений США с их многочисленными

союзниками и партнерами в акваториях Индийского и Тихого океанов; несомненным преимуществом Вашингтона остается и его преобладающая военная мощь, в первую очередь потенциал военно-морских и военно-воздушных сил; третьим аспектом этого является то, что современная американская гегемония на периферии евразийского континента представляется многим из них менее обременительной и более приемлемой, чем потенциальное господство Китая. Главные недостатки японо-американского проекта – слабый экономический базис концепта. Выход Соединенных Штатов из Транстихоокеанского партнерства (ТТП) объективно сузил американские возможности по реализации проекта «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Кроме того, сделал невозможным стратегическое сдерживание Китая. Если иметь в виду, то обстоятельство, что для большинства стран АТР задачи экономического развития наиболее приоритетные, можно констатировать следующее. Без экономического и инвестиционного измерения японо-американский проект будет иметь лишь ограниченные возможности. Сегодня, когда встал вопрос о стратегическом сдерживании Китая, США начали последовательно ужесточать свои позиции со своими ближайшими азиатскими союзниками и партнерами, вводя новые формы дипломатии — экономическую войну; второй фактор, характеризующие недостатки американского проекта – это то, что без участия Индии, тем более при противодействии со стороны индийского политического руководства не может быть реализован в полной мере [7]. Но при всех недостатках и сильных сторонах двух концептуальных проектов, китайский концепт выглядит более предпочтительным. Сравнительное преимущество проекта «сообщество общей судьбы» по сравнению с американским концептом СОИТР: китайская концепция имеет под собой прочную экономическую основу. Именно экономика, а не безопасность составляет его основное содержание. Хотя китайский проект также не предполагает и масштабной экономической благотворительности. Однако при этом важно понимать то, что Китай, в отличие от США, может позволить себе долгосрочное стратегическое планирование, обладая «стратегической глубиной» [8], позволяющей мыслиться масштабами десятилетий, а не текущего четырехлетнего американского политического президентского цикла; за последние два года китайская дипломатия добилась ощутимых успехов во взаимодействии со своими соседями как на северо-востоке, соглашения с Северной и Южной Корей, так и на юго-востоке с Вьетнамом и странами АСЕАН. Включая сделку Всестороннего регионального экономического партнерства; «Индо-Пацифика» предполагает раскол АТР, поскольку в этот конструкт не вписывается ни Китай, ни Россия, ни другие «континентальные» государства региона. А если ограничить проект только «морскими демократиями», то из него придется исключить еще многие страны – от Вьетнама до арабских монархий Персидского залива. В этом отношении «сообщество общей судьбы» способно объединить в себе всю Евразию без каких-либо исключений.

Слабой стороной китайского проекта является то, что он вызывает опасения, которые довлеют над соседними державами относительно экономической, политической и военно-стратегической китайской гегемонии в Евразии. Здесь необходимо понять простую истину, что японская инициатива СОИТР и Четырехсторонний диалог (Quad) по вопросам безопасности стали реакцией на усиление влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе в Юго-Восточной Азии, за счет воплощения в жизнь масштабного геэкономического проекта «Пояс и путь». Однако здесь интересный поворот трактовки администрацией США или стремление превратить Quad в будущем в официальную организацию, которая стала бы азиатским аналогом НАТО. Об этом, к примеру, заявил заместитель государственного секретаря США Стивен Биган. Кроме того, государственный секретарь США Майк Помпео, который был с визитом в Японию 6 сентября 2020 г. для участия во встрече министров иностранных дел Японии, США, Австралии и Индии, заявил, что если организационно закрепить сотрудничество между четырьмя странами, то можно начать создание полноценной структуры безопасности [5]. В рамках развязанной торговой войны с Китаем и борьбы за достижение гегемонии в высокотехнологичных областях, это вписывается в общий стратегический курс Соединенных Штатов в Индо-Пацифике. Заявления, высокопоставленных американских правительственных чиновников об азиатском аналоге НАТО следует понимать в контексте именно этой тенденции. Однако инициатива США не нашла поддержку в японской администрации. В этих условиях современная Россия сталкивается с феноменом, который был присущ многим великим державам. У страны огромное географическое пространство, чтобы она могла вступать в другие военно-политические альянсы. Но ее потенциала недостаточно, чтобы иметь безусловное доминирование в собственном блоке. Отсюда следует, что российская внешняя политика должна быть более гибкой, ситуативной и направленной на участие в многостороннем балансировании как на региональном, прежде всего евразийском, так и на глобальном уровне. При реализации проекта «Индо-Пацифика» Россия выиграет. Геополитический выигрыш Москвы в том, что в результате партнерство с Пекином объективно возрастает. В этом смысле для России очевидно предпочтительнее варианта тесного американо-китайского сотрудничества по формуле «G2», которое заведомо снизило бы ценность Москвы как партнера не только у Вашингтона, но и у Пекина. Но если официальная Москва примет стратегию «евразийской биполярности», то издержки для России перевесят возможные положительные стороны: во-первых, российская внешняя политика в Евразии утратит гибкость. Многие традиционные партнерские связи, такие как отношения с Вьетнамом, Лаосом или Индией, будут поставлены под угрозу; во-вторых, снизится общее стабильность в АТР. Она станет неизбежным побочным эффектом реализации проекта Индо-Пацифики и соз-

даст дополнительные проблемы для Москвы, как в военно-политическом, так и экономическом плане; в-третьих, Россия окончательно утратит даже те минимальные позиции в Евразии, которые были завоеваны после распада вестфальской системы миропорядка. Поэтому китайская концепция «сообщество единой судьбы» выглядит явно более перспективным проектом для России. Участие России в этом проекте предполагает ей роль одного из главных действующих лиц. Возникает закономерный вопрос, способна ли Москва сыграть эту роль. Чтобы Россия выступала в этой роли, она должна войти в «сообщество единой судьбы» не с пустыми руками, а со своим собственным евразийскими интеграционным проектом (ЕАЭС), который был анонсирован президентом Российской Федерации В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. Активная политическая и экономическая поддержка КНР как стратегического партнера, даст Пекину серьезный аргумент против становления Индо-Пацифики. Для России это является не только политической, сколько стратегической социально-экономической задачей собственного развития. Но проблема заключается в том, что ее решение невозможно без перехода России на новую, более эффективную и привлекательную для азиатских соседей модель экономического развития. Будет стратегической ошибкой считать вхождение нашей страны в «сообщество единой судьбы» как в работающую альтернативную модель исправления давно назревшим структурным преобразованиям в российской экономике и избежать вызовов глобализации. Но надо понимать и другое, что вхождение в «сообщество» будет предъявлять дополнительные требования к эффективности российской экономической модели. В этом серьезная проблема существованию китайской концепции, так как именно российская модель экономики будет излишне обременительна и потребует ее демонтажа, что не входит в долгосрочные планы российско-китайских двусторонних взаимоотношений. Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе побуждает Россию и Китай к дальнейшему укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства для координации двусторонних отношений. Россия совместно с Китаем всегда отмечали деструктивный характер действий Вашингтона, подрывающих глобальную стратегическую стабильность, а также то, что «Индо-Тихоокеанская стратегия» ведет лишь к разобщению государств региона. Поэтому данная концепция чревата серьезными последствиями для безопасности и стабильности в АТР. Для того, чтобы понять, является ли концептуальный проект «сообщество общей судьбы» антиамериканским, необходимо понять основное направление стратегического курса США в Азии. Мы можем предположить и тот факт, что реализация проекта «Сообщества общей судьбы человечества» означает стратегическое поражение США. Все эти вопросы большинство международных экспертов дают утвердительные ответы. Но, на взгляд авторов, эти ответы не очевидны и требуют своего предметного исследования.

Во-первых, проект «Сообщество общей судьбы человечества» не должен быть зеркальным отражением стратегии СОИТР – «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Китайский проект может быть успешным только в одном: если он будет опираться на базовые внутренние потребности стран Евразии, а не на их коллективное стремление противостоять США. Контур китайского проекта предполагает собой такой конструкт, в котором консолидация всех стран континента должна пойти не извне, а изнутри. То есть не от периферии к центру (как в американском проекте), а, напротив, от центра к периферии. Кроме того, она предполагает такую конфигурацию, что в роли основного, стержневого «каркаса» должна выступить не внешняя граница как в Индо-Пацифике, а целая система дополняющих друг друга транспортно-логистических коридоров. То есть осей и линий, стягивающих в единое целое огромный и неоднородный евразийский континент.

Во-вторых, в конечном счете, американским интересам отвечает стабильная, предсказуемая, экономически состоявшаяся Азия. На это и направлена стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В противовес американскому проекту, реализация концепции «единой судьбы» не исключает сохранения свободного мореплавания на коммуникациях в Тихом и Индийском океанах, в том числе свободу передвижения для военно-морских и военно-воздушных сил стран, не относящихся к Евразии. В вопросах торговли, инвестиций и миграций реализация китайского проекта не исключает сохранения открытости для остальных игроков политического пространства. Реализация китайского концепта ни в коей мере не означает, что в целях общего противостояния американскому «однополюсному миру» необходимо вновь обратиться к идее трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии, который не состоялся и уже не состоится. В результате глобальных изменений произошла трансформация не только в расстановке политических сил в мире, изменились и ранее установленные правила на игровом поле мировой политике.

Стратегической ошибкой была бы попытка России вновь сделать содержательной свою внешнюю политику, в основе которой лежит старый геополитический курс. Вашингтон при любом раскладе политических событий не будет вытеснен из региона. Причины ясны. Это достаточно большой уровень экономической и политической взаимозависимости США и стран Азии, а также высокий уровень в Америке влияния многочисленных азиатских диаспор. Для стран Азии достаточно важны американские технологии и инвестиции. Но при этом важно то, что новую Евразию должны строить сами евразийцы. Но ни в коем случае не их партнеры за океаном. При реализации проекта «Индо-Пацифика» США гарантированно остаются единственной глобальной империей в мире. При осуществлении проекта «общей судьбы» Соединенные Штаты постепенно утрачивают свой имперский статус и превращаются просто в могущественную в ряду таких же могущественных государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васильев В.С., Чудинова К.О.* Сводный и открытый Индо-Тихоокеанский регион как новая основа японской торговой политики АТР // Международная торговля и торговая политика. 2018. № 4 // <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2018-4-21-30>.
2. *Журавлев О.В., Тушков А.А.* Индо-Тихоокеанский регион: готова ли Россия к морскому присутствию в этой отдаленной морской зоне? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).
3. *Кортунов А.* Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indo-patsifika-ili-soobshchestvo-edinoj-sudby/>.
4. *Печерица В.Ф.* Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения: монография / В.Ф. Печерица, А.В. Бояркина. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020.
5. Помпео обсудил с руководством Японии вопросы обеспечения безопасности в регионе // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9641823>.
6. *Самофалова О.* Китай нанес экономике США удар в спину // <https://vz.ru/economy/2020/11/17/1070847.html>.
7. *Самофалова О.* Крупнейшая в истории сделка о свободной торговле поможет Китаю окончательно оставить позади себя США // <https://news-front.info/2020/11/17/krupnejshaya-v-istorii-sdelka-o-svobodnoj-torgovle-pomozhet-kitayu-okonchatelno-ostavit-pozadi-sebya-ssha/>.
8. США, Япония и Индонезия разрабатывают концепции развития Индо-Тихоокеанского региона // <https://www.vestifinance.ru/articles/109918>.
9. *Филатов С.* Индия: особенности национальной внешней политики // <https://interaffairs.ru/news/show/20657>.
10. *Kai Jin.* Can China build a community of common destiny? // The Diplomat. 2013. November, 28 // <https://thediplomat.com/2013/11/can-china-build-a-community-of-common-destiny/>.

A.A. TUSHKOV
*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of International Relations and Law,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

D.A. FOMENKO
*Bachelor of International Relations,
Vladivostok State University of Economics and Service,
Vladivostok, Russia*

SEARCH FOR A BALANCE OF INTERESTS OF GLOBAL COUNTRIES AMONG TWO COMPETING “EURASIAN PROJECTS”

This article is devoted to a topical topic: finding a balance of the interests of global countries among two competing “Eurasian projects.” Today, we are not only witnesses, but also direct participants in the global restructuring that has already begun, when global players have begun to build large political and military blocs based on geostrategic goals. In this regard, Asia is a prime example of the formation of bloc thinking and the global political processes that have begun. Need to understand what is at the heart of Asian political processes? Which of the proposed concepts is the Chinese project “Community of common destiny of humanity” (SOIC) or the Japanese-American strategy “Free and Open Indo-Pacific” or “Indo-Pacifica” (SOITR), prefer the Asian world?

Key words: *Indo-Pacific, Asia-Pacific, China, USA, Eurasian projects, post-Westphalian world order.*

кандидат политических наук,
доцент кафедры политических и правовых учений
Московской высшей школы социальных и экономических наук
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва

НЕГАТИВ В ПОЛИТИКЕ: 10 ТЕХНОЛОГИЙ «ЧЕРНОГО» PR В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В современном мире решающее значение приобретает умение работать со средствами массовой информации. СМИ – это возможность обратиться сразу к большой аудитории с минимальными затратами. С развитием электронных технологий прослеживается усложнение и большая вариативность методов PR, включая PR негативного толка. В статье анализируется феномен «черного» PR в России и зарубежных странах. Автор выделяет 10 технологий негативизации политиков и их политических кампаний, опираясь на примеры из опыта российских выборов, электоральных процессов в США, Великобритании, Франции и других стран. Исследование может быть полезно для политиков, специалистов по политическому консультированию, юристов, специалистов по политической этике и представителей шоу-бизнеса.

Ключевые слова: «черный» PR, негативизация, политическая реклама, выборы, политический маркетинг.

Избирательные технологии представляют собой сложный комплекс методов и приемов, использующихся на выборах всех уровней, основная цель которых – создание определенного образа кандидата, политической кампании или оппонента.

Современные приемы настолько разнообразны, что структурировать их непросто, однако наиболее известны два блока – это «белый» и «черный» пиар.

«Белым» пиаром называют кампанию, главной задачей которой является формирование образа кандидата, наиболее соответствующего идеалу избирателя. «Черным» пиаром (negative campaigning, mudslinging, dark/black PR) называют технологии, направленные на разрушение имиджа конкурента, технологии, допускающие нарушение моральных и этических норм.

В основе успешных технологий, как «белых», так и «черных», лежит глубокий анализ деятельности и личностей политических конкурентов, а также понимание запросов электората. Практическая реализация зачастую ограничена только фантазией, моральными барьерами и финансовыми возможностями заказчика.

Инструментами «черного» пиара могут выступать любые виды агитационных материалов – плакаты, листовки, растяжки, письма избирателям, публикации в печатных СМИ и сети Интернет, теле- и радиосюжеты, ролики, вывески, граффити и т.п., а также ряд других приемов, которые можно, в частности, классифицировать на:

- основанные на реальных и на выдуманных событиях;
- запрещенные и не запрещенные законом (морально-этические);
- базирующиеся на физическом и психологическом воздействии;
- внутри- и внешнеполитические;
- анонимные, от имени конкурента, от собственного имени, от имени третьего лица – «независимого» журналиста, политолога и т.д.

В современных условиях используются следующие технологии «черного» PR:

1. Критика, связанная с политической деятельностью оппонента.

США. Критика действий Дональда Трампа в части борьбы с коронавирусом в ходе президентской кампании 2020 г.

Италия. Оппоненты обвиняли Сильвио Берлускони в миграционном кризисе в стране в ходе кампании 2018 г. [13]. Партия Берлускони потерпела поражение на выборах.

Франция. В ходе президентской дебатов 2017 г. Жан-Люк Меланшон, политик левого толка, критиковал оппонентов по традиционным темам – образование, здравоохранение, безработица, экология; Франсуа Фийон критиковал оппонентов в части расходов бюджета, налогообложения, а также обороны и международной безопасности. Эммануэль Макрон – по ключевым вопросам собственной политической программы, а также занятости и безработицы [10].

2. Критика и компромат, не связанные с политической деятельностью (сбор или фабрикация информации о личной жизни оппонента: обзвон реабилитационных центров, полиции, бывших жен, коллег и друзей и т.д.).

Франция. Эммануэль Макрон в ходе президентских выборов 2017 г. обвинялся в том, что он «является частью тайного заговора», «антисемит» и «гей» [8].

США. Дональд Трамп во время президентской кампании в 2015-2016 г. против Хиллари Клинтон напомнил об отношениях Билла Клинтона с Моникой Левински [7], а также привел на дебаты жертв сексуальных домогательств Билла [17].

3. Ассоциация негативных событий с личностью оппонента.

США. В 2016 г. Дональд Трамп делал акцент на плохом здоровье Хиллари Клинтон, давая понять, что она не сможет стать эффективным президентом [16]. Консервативные медиа стали распространять конспиративные теории и предположения об имеющихся у Клинтон серьезных заболеваниях [18].

Политический ролик «Дейзи», снятый в 1964 г. во время президентских выборов, эксплуатирует страх перед ядерной войной (маленькая девочка берет в руки цветок и произносит считалочку, отрывая лепестки; ее прерывает мужской голос и ведет обратный отсчет, который заканчивается ядерным взрывом). Ролик заказала и использовала команда Линдона Джонсона против Барри Голдуотера, который высказывался за применение ядерного оружия [11].

Германия. В 2013 г. перед выборами в Бундестаг партия социал-демократов связывала имя Ангелы Меркель с рисками проводимой политики в отношении евро, подчеркивая, что Германия «будет платить за стабильность Европы и еврозоны» [9].

4. Психологические манипуляции.

США. Во время губернаторской кампании 2014 г. во Флориде против Чарли Криста (демократ) распространялся ТВ-ролик со слоганом «slick politician, but a lousy governor» (хитрый политик, но паршивый губернатор), что в итоге негативно повлияло на его рейтинг и привело к поражению. Штаб Криста тоже запускал манипулятивную ТВ-кампанию против оппонента Рика Скотта со слоганом «too shady for the Sunshine State» [2. С. 92].

Во время предвыборной гонки Буша и Клинтона в 1992 г. по телевидению крутили ролик, в котором демонстрировалась группа людей, обсуждающая успехи дебатов Буша в заведении International House of Pancakes, при этом видеокамеры слегка трясли, чтобы создать ощущение непрофессиональности такого обсуждения [12]. Билл Клинтон одержал победу в 1993 г.

Великобритания. Рекламная кампания «New Labour, New Danger» 1997 года, направленная против лейбористской партии и изображавшая лидера партии Тони Блэра на черном фоне с демоническими красными глазами [6]. Кампания, тем не менее, не смогла повлиять на результаты выборов: лейбористы победили.

Россия. Лозунг «Голосуй или проиграешь!» предвыборной кампании Б.Н. Ельцина в 1996 г., вызывающий к психологическому страху поражения.

В манипулятивном русле выстроены неэтичные рассуждения Сергея Доренко о здоровье лидера оппозиционного блока «Отечество – Вся Россия» Евгения Примакова в эфире ОРТ в 1999 г., сопровождавшиеся открытыми кадрами хирургической операции.

5. Заказные социальные опросы, публикации и материалы.

США. Анализ 487 новостных публикаций в ходе президентской кампании 2000 г. (Джордж Буш и Альберт Гор) показал, что почти три четверти содержали выпад в сторону оппонента [19]. Другие исследователи отмечают,

что в 1980 г. около 30% всех телевизионных политических роликов содержали негатив в отношении оппонентов, во время выборов в Сенат 1982 г. – 46%, к 1988 г. более половины роликов характеризовались как негативные [14].

Россия. Действия так называемых «фабрик троллей», которые по заказу публикуют множество комментариев за или против определенного политика, темы или позиции, а также используются для скоординированных информационных вбросов в сети Интернет.

В ходе президентской избирательной кампании 2018 г. от имени Павла Грудинина была организована спам-рассылка с угрозами в адрес торговых центров, в которой кандидат вымогал деньги [4]. Прием оказался не слишком эффективным, поскольку рассылка проходила не через социальные сети.

На выборах депутата городской Думы в одном из крупных городов инструментами «черного» PR стали фальшивые бланки квитанций об оплате дополнительных услуг по благоустройству дворов. Этим благоустройством на территории округа, от своего имени и от имени своей фирмы в преддверии кампании занимался один из кандидатов, широко рекламируя такую деятельность как благотворительную [3].

6. Действия от имени оппонента, которые могут вызвать раздражение избирателей.

Россия. На выборах в городе Химки в 2012 г. штаб одного из кандидатов на асфальте, балконах, гаражах по всему городу оставил надписи «Мы за Шахова», «Голосуй за Шахова» (Шахов был оппонентом). Такая «мусорная» агитация испортила облик города и вызвала раздражение у избирателей.

К этой же категории можно отнести ночные звонки от имени другого кандидата, оклеивание стен подъездов, окон и квартирных дверей листовками оппонента.

7. Создание «двойника» партии, оппонента или участие третьего кандидата, оттягивающего на себя голоса избирателей.

Украина. В 2019 г. в выборах участвовал Юрий Тимошенко – технический кандидат, появившийся «в пару» Юлии Тимошенко. Этот кандидат, ничем не примечательный для украинских избирателей, попал в десятку лидеров президентской гонки по результатам первого тура (хотя он не набрал даже 1% голосов). О том, что люди ошиблись, отдав голос не Юлии Владимировне, говорит тот факт, что многие бюллетени содержали «галочки» напротив двух Тимошенко: та же, что напротив Юрия Владимировича, была зачеркнута. Такие бюллетени автоматически были признаны недействительными. Количество голосов невнимательных избирателей, не заметивших, что они проголосовали против своего желания не за Юлию Владимировну, а за кандидата, чьи инициалы также Ю.В., не подлежит подсчету и колеблется в пределах 117 693 голосов, отданных за Юрия Тимошенко [1].

США. Выдвижение в 1992 г. миллиардера Росса Перо, который отнял голоса у Буша-старшего и обеспечил победу Билла Клинтона [2. С. 16].

8. «Информационное замусоривание»: опубликование личных или рабочих контактов кандидата, или его штаба, приводящая к парализации работы.

Россия. В конце 1990-х противники одного из кандидатов на выборах депутатов представительного органа крупного города опубликовали номер его телефона в газете бесплатных объявлений под текстом «Продам однокомнатную квартиру в центре города. Срочно, дешево». Шквал звонков, обрушившихся на кандидата в последние дни избирательной кампании, в очень серьезной мере вывел его из нервного равновесия, что сказалось на работе всего избирательного штаба. В аналогичных случаях от имени других кандидатов давались объявления о продаже по низким ценам сахара, приеме на работу и т.д. [3].

9. Карикатуры, рисунки и мемы, другие художественные образы.

США. В ходе губернаторских выборов в Иллинойсе 2014 г. о кандидате от республиканской партии Брюсе Раунере записали песню под названием «Плутократ», где перечислили все компрометирующие его факты [15].

10. Формирование негативного образа оппонента за счет неблагондежной аудиторией.

США. На выборах в Сенат 2014 г. республиканец Дэвид Пердью обвинил демократа Мишель Нанн в том, что она давала деньги организациям, связанным с террористами. Речь шла об общественной инициативе по волонтерской помощи малоимущим в США и других странах мира под названием «Лучи света», которую создали еще во времена Джорджа Буша-старшего в 1990 г. Команда Пердью, обнаружив, что одна из благотворительных организаций, с которой сотрудничала Нанн, имела в названии прилагательное «исламское», обвинила кандидатку в помощи террористам [5].

Заключение. Из анализа полученных случаев, – не говоря о тех многих примерах, которые незримо присутствуют в данной статье, но по этическим и юридическим соображениям остались за рамками, – можно сделать следующие выводы:

Применение «черного» пиара не является характерной особенностью отдельной страны или политической системы. Хотя некоторые исследователи считают, что его использование более выражено в двухпартийных системах, таких как США, подобные политические технологии в известной степени универсальны. Специфичные технологии могут возникать в связи с законодательными изменениями или некими экстраординарными условиями.

Приемы «черного» пиара эффективны тем, что эксплуатируют особенность человеческой психики лучше фокусироваться на негативной информации. Основной ресурс таких кампаний направлен не на продвижение своего кандидата и создание его благоприятного имиджа, а на «заваливание» других кандидатов, создание их негативного имиджа.

И «белый», и «черный» пиар могут в равной степени вводить электорат в заблуждение.

«Черные» технологии направлены на отнятие у оппонента времени или дополнительного ресурса на устранение негативных последствий для его репутации; создание помех в проведении кампании.

Не всегда в качестве цели ставится победа на выборах, иногда это просто желание стать популярным на фоне негативного образца, приобрести большую узнаваемость для использования в целях, лежащих вне избирательных процессов. Иногда целью участия того или иного кандидата может быть размывание электората оппонента.

В современных условиях решающее значение приобретает умение работать со средствами массовой информации – это возможность обратиться сразу к большой аудитории с минимальными затратами. С развитием электронных технологий прослеживается усложнение и большая вариативность методов пиара.

Требования к профессиональному уровню политиков в условиях новой информационной реальности резко возрастают – любое неосторожное действие или высказывание может обернуться серьезными последствиями для политической карьеры. При этом сложно оценить, сказывается ли это существенным образом на повышении уровня культуры поведения представителей власти?

Использование тех или иных методов и приемов полностью зависит от возможностей кандидата, а также его морально-этических ценностных установок, что заставляет задуматься о том, насколько это влияет на свободу и честность избирательных кампаний даже при равном и справедливом доступе к ресурсам?

Основное противоречие возникает при попытке определения границ между двумя фундаментальными правами: свободой слова и защитой чести, достоинства и репутации. Наше исследование показывает, что свобода слова имеет преимущество в североамериканской традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абакумова В.И., Слинченко Л.В. Анализ манипулятивных технологий президентской избирательной кампании на Украине 2019 г. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449.
2. Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе: Анализ политических технологий. М.: ООО «Паблицс», 2015.
3. Подвинцев О.Б. «Черный PR» на выборах. Методическое пособие // <http://www.vibory.ru/analyt/Podvintsev.pdf>.
4. Полиция проверяет информацию о рассылке писем с угрозами от «Грудинина» // РИА Новости // <https://ria.ru/20180218/1514874619.html>.
5. Bush Family Member Condemns David Perdue For Linking Michelle Nunn To 'Terrorists' // HuffPost // https://www.huffpost.com/entry/bush-perdue-nunn_n_5838320?gucounter=1.

6. Classic campaign posters // The Guardian // <https://www.theguardian.com/politics/election2001/images/0,9350,449562,00.html>.

7. Donald Trump Invokes Monica Lewinsky Scandal In Clinton Attacks. NBC Nightly News // https://www.youtube.com/watch?v=PhZquIGMwSs&t=0s&list=PL5dKu19BxG1_SbwD4FOCOdfpUN7hG1xd1&index=11&app=desktop.

8. France's future depends on one question – and one man // Washington Post // https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/frances-future-depends-on-one-question--and-one-man/2017/03/03/cd155a92-ffa2-11e6-8f41-ea6ed597e4ca_story.html.

9. Germany's new anti-euro AfD party causes political stir // BBC News // <https://www.bbc.com/news/world-europe-23847838>.

10. Gerstle J., Nai A. Negativity, emotionality and populist rhetoric in election campaigns worldwide, and their effects on media attention and electoral success // European Journal of Communication. 2019. Vol. 34.

11. History's Most Infamous Political Ads // Time // <https://time.com/3259576/daisy-ad-1964/>.

12. McKinnon L., Kaid L., Murphy J., Acree C. Policing Political Ads: An Analysis of Five Leading Newspapers' Responses to 1992 Political Advertisements // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1996. Vol. 73.

13. Opponents say Berlusconi to blame for Italy's migrant crisis // Reuters // <https://www.reuters.com/article/us-italy-election-idUSKBN1FP2OV>.

14. O'Sullivan P., Geiger S. Does the watchdog bite? Newspaper ad watch articles and political attack ads // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1995. Vol. 72.

15. Plutocrat (The Ballad of Bruce Rauner) // <https://www.youtube.com/watch?v=GD32bfYKTRM&spfreload=10>.

16. Trump imitates Clinton stumbling while ill with pneumonia // Washington Post // https://www.washingtonpost.com/video/politics/trump-imitates-clinton-stumbling-while-ill-with-pneumonia/2016/10/02/e5dce8d4-8887-11e6-8cdc-4fbb1973b506_video.html.

17. Trump Planned Debate 'Stunt', Invited Bill Clinton Accusers to Rattle Hillary. NBC News // <https://www.nbcnews.com/storyline/2016-presidential-debates/trump-planned-debate-stunt-invited-bill-clinton-accusers-rattle-hillary-n663481>.

18. Why Hillary Clinton Can't Escape Health Conspiracy Theories // The Atlantic // <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/10/hillary-clinton-health-stamina-trump-ad/503792/>.

19. Wicks R. Boubacar Souley. Going negative: candidate usage of internet web sites during the 2000 presidential campaign // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2003. Vol. 80.

A.M. VAFIN
*Master of Arts in Counselling,
PhD in Political Science, associate professor
Moscow School of Social and Economic Sciences,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Moscow, Russia*

NEGATIVE IN POLITICS: 10 TECHNOLOGIES OF “BLACK” PR IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

In the modern era the ability to work with the media is of decisive importance. Mass media is an opportunity to address a large audience immediately with minimal costs. The article analyzes the phenomenon of black PR in Russia and foreign countries. The author identifies 10 technologies of negativization of politicians, relying on examples from the experience of the Russian elections, electoral processes in the USA, Great Britain, France and other countries. The study can be useful for politicians and policy makers, political consultants, lawyers, political moralists and show business managers.

Key words: *“black” PR, negative campaigning, political advertising, elections, political marketing.*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТ-КАНАЛОВ ИНФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКОЙ¹

В статье рассмотрены основные каналы распространения информации о работе органов по делам молодежи, некоммерческих организаций и органов молодежного самоуправления в рамках взаимодействия с целевой аудиторией (молодежь в возрасте от 14 до 30 лет). Приведены данные о сообществах, группах, пабликах в самых популярных в России социальных сетях у молодежи: Instagram, Вконтакте, YouTube, TikTok, мессенджерах, а также влияние их контента на настроение аудитории. По итогам анализа представлен набор тенденций и факторов, влияющих на развитие информационного пространства молодежной политики в части трансформации политических настроений молодежи. Установлена низкая эффективность работы в этом направлении всех рассмотренных акторов с тенденцией расширения инструментов, вызванного в том числе пандемией коронавируса.

Ключевые слова: *социальные сети, молодежь, некоммерческие организации, политическое участие, молодежное самоуправление.*

Цифровые технологии стремительно захватывают различные направления жизнедеятельности человечества, и конечно не могли обойти стороной вопросы организации системы информирования молодежи о проведении мероприятий и деятельности органов по работе с молодежью, некоммерческих организаций, форматов самих мероприятий, подходов организации молодежных сообществ. Информационные технологии в настоящее время перешли из разряда технических, вспомогательных элементов и осуществ-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32066/20.

влияют образовательную, педагогическую, адаптивную и ряд других функций, воздействуя на общество, а особенно на его молодежные кагорты параллельно с традиционными институтами [7. С. 124].

Невозможно представить эффективное вовлечение молодежи в политическую деятельность без тематической информации и каналов ее донесения. Традиционные каналы такие как телевидение, радио, печатные СМИ все еще охватывают определенную часть молодежи [3], но в настоящее время на первое место вышли социальные сети и другие средства быстрого общения. По данным ВЦИОМ, уже в 2012 году существенную роль в мобилизации участников митинга играли интернет-ресурсы (преимущественно новостные сайты и порталы). Отмечено постепенное повышение и значение роли социальных сетей [8. С. 36]. За последние 8 лет ситуация значительно изменилась в пользу виртуализации политического участия.

От охвата цифровых каналов информирования во многом зависит степень политической активности молодежи. Анализ использования органами власти, общественными институтами современных каналов донесения информации и, соответственно, возможности влияния через них на настроения молодежи представляется в высокой степени значимым. В данном аспекте необходимо учитывать, как сам инструментарий, так и контентную составляющую, адресность и адекватность представляемой информации.

Аудитория социальных сетей в России, по данным аналитических агентств, постоянно растет. На первом месте по численности активных пользователей Instagram – 42,8 млн. пользователей, ВКонтакте – 28,6 млн., YouTube – 7,7 млн., Одноклассники – 6,6 млн., TikTok – 5,3 млн., Facebook 1,6 – млн. пользователей [4]. При этом наиболее популярными среди молодежи являются ВКонтакте и Instagram, и именно в этих социальных сетях самое широкое представительство молодежи. В последние несколько лет активно набирает аудиторию и TikTok с большим количеством молодых блогеров, у которых широкая аудитория подписчиков.

Не только социальные сети, но и мессенджеры являются источником получения самой различной информации в рамках локальных диалогов либо глобальных каналов распространения информации. Самый популярный мессенджер России WhatsApp представлен аудиторией 70,6 млн. человек. При этом широкое использование его возможностей для информирования, как и Viber (с аудиторией 36,2 млн. человек) возможно лишь в рамках сетевого взаимодействия через пользователей, которые включены в конкретные диалоги по направлениям. Эта особенность значительно ограничивает потенциал использования и усложняет процесс коммуникации, с одной стороны, однако создает более доверительное отношение к размещенной информации, с другой. Более направленно можно использовать Telegram-каналы с аудиторией 26,7 млн. человек [5], где широко представлены каналы, в том числе с молодежной проблематикой.

Отдельным блоком стоит рассмотреть те возможности по использованию каналов донесения информации, которые имеются у органов по работе с молодежью на различном уровне. Численность уникальных пользователей, посетивших официальный сайт регионального органа исполнительной власти, реализующего государственную молодежную политику за последние 3 года, выросла практически в два раза. Так, в 2017 году – 8,8 млн. человек, в 2019 – уже 11,7 млн. человек, в 2019 – 16,7 млн. человек [9]. В 2020 году рост ожидается еще более значительный ввиду проведения большого количества дистанционных мероприятий. При этом финансирование этого направления не входит в прямо пропорциональную зависимость от охвата пользователей (2017 – 71,7 млн. рублей, 2018 – 81,7 млн. рублей, 2019 – 80,7 млн. рублей), что говорит об усилении нефинансовых ресурсов для привлечения аудитории, в том числе посредством социальных сетей и в целом повышения степени информированности молодежи о реализации молодежной политики. Этот вывод подтверждается аудиторией социальных сетей, которая тоже значительно выросла с 1,2 млн. человек в 2017 году до 2,7 млн. в 2019 году. Все эти данные говорят о возрастающей активности органов по работе с молодежью на различных цифровых платформах, в том числе в социальных сетях, однако, учитывая в целом аудиторию социальных сетей и аудиторию популярных у молодежи блогеров, которая доходит до нескольких миллионов человек, говорить о масштабной и эффективной работе пока не представляется возможным.

Рассмотрим представительство акторов работы с молодежью в различных социальных сетях.

«ВКонтакте» – самая популярная в России социальная сеть у молодежи, которая дает возможность не просто размещать определенный контент (как Instagram), но и вступать в сообщества по интересам. Более 41,2 миллиона молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет имеют аккаунты в этой социальной сети, причем 60% из них ежедневно проводят в приложении в среднем 33 минуты [5]. Молодежное представительство в этой сети достаточно широкое и следует выделить несколько категорий:

- 1) сообщества, группы органов по работе с молодежью;
- 2) сообщества, группы НКО и органов молодежного самоуправления;
- 3) сообщества участников отдельных проектов, событий, мероприятий;
- 4) сообщества образовательных учреждений;
- 5) группы по интересам (футбол, кино и сериалы, спорт и т.п.);
- 6) юмор, развлечения и т.п.

В рамках данного исследования наибольший интерес представляют первые три категории, которые далее более подробно рассмотрены. Все данные получены из открытых источников по средствам поисковых запросов.

В первой категории социальных сетей в типе сообщества «государственные организации» определяется 361 сообщество на молодежную тематику.

При этом по количеству участников на первом месте «Донмолодой» (Ростовская область) с 27,1 тысячами подписчиков, затем идут «Комитет по молодежной политике» (г. Санкт-Петербург) с 23 тысячами участников, «Центр содействия занятости молодежи г. Уфы» – 21 тысяча подписчиков, «Дом молодежи АО» (Архангельская область) – 14,5 тысяч подписчиков и другие.

Во второй категории социальных сетей широко представлены такие молодежные организации, как: «Российский союз молодежи» с охватом 62,1 тысяча пользователей; «Молодая Гвардия» – 57,1 тысяча участников; «Ростовский штаб студенческих отрядов» с 30,3 тысячами подписчиков; «Российское движение школьников» (сообщества созданы в каждом регионе, а также в ряде отдельных территорий и учреждений с численностью подписчиков до 37 тысяч человек, а количество сообществ с таким наименованием более 5 тысяч); «Юнармия» (меньшее представительство и охват, чем у «РДШ»), но создано с таким наименованием более 2000 сообществ); «Национальный совет молодежных объединений России» – 4,7 тысяч подписчиков и другие с меньшим количеством подписчиков. Всего в категории «общественные организации» по запросу «молодежь» определяется 1119 сообществ.

Молодежное самоуправление представлено более широко в направлении количества сообществ, но каждое из них включает меньшее количество участников. Наиболее многочисленной группой является сообщество «Молодежное правительство Свердловской области» с 12,7 тысячами подписчиков, при этом у сообщества «Ассоциация молодежных правительств России» всего 8,1 тысяча подписчиков, столько же у сообщества «Молодежный парламент при Государственной Думе» – 8,1 тысяча пользователей, а количество подписчиков сообщества «Палата молодых законодателей при Совете Федерации» составляет 1,9 тысяч человек. Среди студенческого самоуправления самое многочисленное сообщество – НГУЭУ (Новосибирская область) с 29 тысячами подписчиков, далее «Студенческий совет МГУ» с почти 11 тысячами участников и «Студенческий совет МГТУ им. Н.Э. Баумана» с 10,9 тысяч подписчиков.

В целом по запросу «молодежный парламент» количество сообществ составляет 1283, «молодежное правительство» – 989, «молодежная избирательная комиссия» – 390, «студенческий совет» – 8344 (такая цифра связана с созданием сообществ отдельных факультетов и направлений подготовки, помимо общеуниверситетских групп).

В третьей группе абсолютное лидерство за «Арт-кластер «Таврида» с 85,6 тысяч подписчиков, «Российской студенческой весной» с более чем 74 тысячами подписчиками, большое количество сообществ федеральных и региональных форумов и мероприятий с количеством подписчиков 3-10 тысяч человек, местных мероприятий с количеством подписчиков до 1 тысячи человек.

Instagram работает по кардинально отличающемуся от остальных социальных сетей принципу. Информация, как и сами аккаунты в большинстве

своим дублируются с другими социальными сетями, однако активность аудитории значительно выше, как и количество подписчиков. Учитывая особенности социальной сети такие как: неограниченное количество подписчиков, ограничения по репостам информации, копирования текстов и фото, ограничение по объему материалов, необходимость сопровождения текста фото в обязательном порядке, отсутствие возможности публикации сообщений с компьютера – усложняют работу в этой социальной сети. Учитывая особенности поиска и представления информации, в целом проанализировать количество аккаунтов и их пользователей в этой сети не представляется возможным.

YouTube – видеохостинг, который занимает первое место среди всех социальных сетей по времени, которое пользователи в нем проводят, (49 минут в день) [5] в высокой степени популярен у молодежи – доля пользователей среди россиян 18-24 лет (88%) и 25-34 лет (90%) [2]. Однако особенности его работы через создание видеороликов затрудняют оперативную коммуникацию и формируют необходимость дополнительных расходов на создание качественного контента. Свой YouTube-канал есть у Федерального агентства по делам молодежи с 1,2 тысячами подписчиков. В нем размещено 12 видео, а максимальное количество просмотров – 1,5 тысяч. По отдельным мероприятиям размещены видео на популярных каналах, в том числе «Россия-1», «Первый канал», как например фестиваль «Таврида-АРТ 2020», но количество просмотров все равно очень скромно и составляет около 10,8 тысяч (при том, что в других социальных сетях охват в сотни раз выше). В целом с вариациями слова «молодежь» в поисковике практически отсутствует контент органов по работе с молодежью (то есть он не является популярными), а имеющиеся материалы зачастую носят деструктивный либо юмористический (развлекательный) характер [1. С. 97].

Похожая ситуация в TikTok. В данном случае создание аккаунтов НКО и органов молодежного самоуправления представляется излишним, ведь данная социальная сеть предполагает практически ежедневное обновление контента. Основным направлением ее использования может стать донесение информации через популярных у молодежи блогеров с большим количеством подписчиков: приглашение их на мероприятия, продвижение определенной информации, контекстная реклама отдельных молодежных проектов и т.п. На федеральном уровне и в отдельных регионах такая форма работы набирает популярность, однако ее возможности ограничивает небольшое число блогеров, готовых размещать подобную информацию, так как в целом это не соответствует их контенту либо стоимость такого размещения слишком высока.

Молодежные Telegram-каналы не являются многочисленными. Среди наиболее популярных каналов, которые связаны с политикой, можно выделить: «НОП – Молодежь и Система» с более 4,7 тысяч подписчиков (экс-

пертиза, аналитика и инсайды о молодежной политике, социальных лифтах и ключевых трендах системы); «Молодежь России» с 1,8 тысяч подписчиков (не анонимно о молодежи и молодежной политике); «АИС Молодежь России» с 930 подписчиками (канал для того, чтобы молодежь могла заявить о себе и продвинуть свой проект на международной арене). Каналы Росмолодежи и региональных органов по работе с молодежью, молодежных НКО и органов молодежного самоуправления еще более малочисленны и не представляют особого интереса для анализа.

Столь слабая активность использования этого средства коммуникации можно объяснить небольшой прослойкой молодежи, активно пользующейся данной социальной сетью как каналом получения информации, и наличием большого количества каналов с политической тематикой в целом. В данном случае вопросы молодежной политики как самостоятельного направления не представляют большого интереса для аудитории. Перспективы развития и расширения охвата Telegram-каналов молодежи представляются в большей степени со стороны транслируемого контента в популярные каналы, нежели создания своих собственных узко молодежных. Высокой популярностью молодежные каналы вряд ли будут пользоваться без контента привлекательной для молодежи тематики, а политизированная молодежь аккумулируется в каналах с более широким кругом вопросов и аудиторией.

Что касается групповых чатов в WhatsApp и Viber, то количество их участников ограничено самими сетями и в первом случае это 256 человек, во втором 249. При этом нет системы поиска чатов и вступить в них возможно лишь посредством ссылки либо приглашения. В 2020 году в Viber появилась возможность создания сообщества (аналог Telegram-канала), однако они не пользуются популярностью. Данные мессенджеры можно рассматривать в первую очередь как средство коммуникации между пользователями, у которых есть контакты друг друга, для решения личных, либо рабочих задач, подготовки отдельных событий и т.п.

Анализ контента размещаемых материалов в самых популярных молодежных группах, каналах и пабликах за ноябрь-декабрь 2020 года показал, что абсолютное большинство материалов касаются отдельных конкурсов, программ, проектов или реализуемых на различном уровне мероприятий, а также информации о работе органов по работе с молодежью. В единичных случаях информация касается вопросов политического участия молодежи, размещенная НКО, работающими в данном пространстве (молодежные «крылья» политических партий) и органов молодежного самоуправления, особенно молодежных правительств, парламентов и избирательных комиссий.

В рамках рассмотрения и систематизации приведенных данных можно установить несколько тенденций:

1. Слабая политическая составляющая популярных пабликов в социальных сетях среди рассматриваемых категорий. Уровень политизированности

вступает в зависимость лишь от мотивации самих пользователей, которые участвуют в обсуждениях либо создают контент.

2. Отсутствие единой концепции создания аккаунтов и размещения материалов, что растягивает аудиторию и размывает информационные потоки.

3. Не прослеживается взаимосвязь между масштабом работы организации, органа власти и количеством подписчиков в социальных сетях, из чего можно сделать вывод, что подписка происходит не на основании узнаваемости организации или даже участия в ее деятельности, а по совершенно другим основаниям, которые необходимо изучать отдельно.

4. Неактуальность размещенной информации (особенно в части отдельных мероприятий), низкая оперативность обновления. Аккаунты сохраняются после проведения мероприятия, однако активности в них никакой не происходит, и они просто «засоряют» пространство с постепенным уменьшением количества подписчиков. Некоторые организации создают по различным причинам (несанкционированный доступ, смена владельца группы и т.п.) дополнительные страницы, что создает неудобства при их поиске и анализе, а также путаницу среди потенциальной аудитории.

5. Культура создания и ведения аккаунтов находится на крайне низком уровне, а отсутствие общих подходов снижает совокупную эффективность развития такой формы коммуникации с молодежным сообществом через социальные сети.

6. Практически полное отсутствие продвижения материалов через рекламные возможности либо распространение самими пользователями, что ограничивает информирование аудитории, которая не включена в конкретные сообщества и не знает об их существовании.

Очевидна необходимость расширения информационного присутствия и качества контента, механизмов информирования молодежи о реализации молодежной политики в социальных сетях органов по работе с молодежью. Эта необходимость нашла свое отражение в проекте федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» [6], принятого Государственной Думой на момент подготовки статьи в третьем чтении. Отдельной 11 статьей в данном документе выделено информационное обеспечение реализации молодежной политики. Положения статьи устанавливают необходимость обеспечения открытости и доступности информации о реализации молодежной политики, причем определен объем и содержание данной информации, а также порядок и обязательность ее представления. Впервые в документе такого уровня устанавливаются требования к объему размещаемой информации в сфере молодежной политики, что безусловно кардинальным образом изменит информационный ландшафт в данной области.

Пандемия коронавируса значительно ускорила тенденции цифровизации в работе с молодежью и сделала такое взаимодействие единственно возможной формой работы. Далеко не все оказались готовы к таким рез-

ким изменениям, однако очевидно, что и после пандемии цифровая, онлайн направленность многих процессов сохранится, особенно в вопросах работы с молодежью. Органы по работе с молодежью в современных условиях должны максимально использовать каналы распространения информации, так как не столько качественное проведение мероприятия, его результаты, как качественное освещение его проведения значительно влияют на восприятие события целевой аудиторией. В настоящее время можно констатировать лишь начало такой работы с тенденцией ее интенсификации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Агапова Е.А., Деточенко Л.С., Лепин А.П., Лунец Е.Ю., Отроков О.Ю., Пупыкин Р.А., Тарадина М.В. Молодежь и молодежная политика в обществе цифровизации и пандемии: монография. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2020.

2. Аналитический обзор ВЦИОМ «YouTube – «телевидение» XXI века». 2019 год // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka>.

3. Данные исследования ФОМ «Интерес молодежи к политике», апрель 2017 года // <https://fom.ru/Politika/13285>.

4. Данные системы мониторинга и анализа социальных медиа и СМИ Brand Analytics за 2020 год // <https://br-analytics.ru>.

5. Данные исследовательской компании Mediascope за 2020 год // <https://mediascope.net>.

6. Проект федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993419-7>.

7. Сидоркина В.М., Полутина Н.С. Трансформация ценности образования в виртуальном социуме // Интеграция образования. 2014. № 4 (77).

8. Ушкин С.Г. «Народ против»: протесты и протестующие в виртуальных социальных сетях: монография. М.: ИНФРА-М, 2019.

9. Федеральное статистическое наблюдение в сфере государственной молодежной политики за 2017-2019 годы // <https://fadm.gov.ru/activity/statistic>.

O.YU. OTROKOV
*Candidate of Political Science,
Associate Professor of the Department of Economic
Theory of the Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia*

CURRENT TRENDS, PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNET CHANNELS FOR INFORMING YOUNG PEOPLE WITH A POLITICAL AGENDA¹

The article discusses the main channels of dissemination of information about the work of youth affairs bodies, non-profit organizations and youth self-government bodies in the framework of interaction with the target audience (young people aged 14 to 30 years). The article presents data on communities, groups, and public posts in the most popular social networks in Russia among young people: Instagram, Vkontakte, YouTube, TikTok, and messengers, as well as the impact of their content on the mood of the audience. Based on the results of the analysis, a set of trends and factors affecting the development of the information space of youth policy in terms of the transformation of political moods of young people is presented. Low efficiency of work in this direction of all considered actors with a tendency of expansion of tools caused, among other things, by the coronavirus pandemic is established.

Key words: *social networks, youth, non-profit organizations, political participation, youth self-government.*

---

¹ The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-32066/20.

*студент бакалавриата по направлению подготовки
Политология Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток*

*научный руководитель, кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Восточного института – Шко-
лы региональных и международных исследований Дальневосточ-
ного федерального университета, Россия, г. Владивосток*

КЛЮЧЕВЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

В работе сделана попытка выделить основные барьеры на пути трансформации социально-политической системы России в контексте влияния ключевых факторов: цифровизации, урбанизации и поколенческих изменений. Среди факторов, мешающих развитию социума автор выдел следующие: бюрократизация политической системы, низкий уровень социальных связей, высокие показатели недоверия в обществе, пессимизм, недостаточная прозрачность органов власти. На взгляд автора, для реализации своих запросов гражданам и заинтересованным группам внутри системы придется преодолеть названные выше негативные факторы и стать самостоятельными акторами политического процесса (обрести политическую субъектность). Преодоление негативных факторов, увеличение роли социального капитала, и ликвидация ловушки недоверия позволит российскому социуму развиваться дальше, став серьезной политической силой и равноправным актором на политическом поле.

Ключевые слова: трансформации социально-политической системы, цифровизация, урбанизация, бюрократизация, ловушка недоверия.

Современное российское общество – динамичная структура, которая, как и любая другая социальная система, постоянно трансформируется. Она отражает решения политические акторов, влияние внешней среды, а также культуры и общественных отношений. В наших предыдущих работах мы разбирали качественно новые векторы общественного развития в России, которые могут повлиять на трансформацию действительности, которая сложилась в стране на данный момент [2]. Среди ключевых факторов,

которые можно отметить: цифровизация, то есть повсеместное внедрение новых технологий во все сферы жизни общества, влияющие на транспарентность политической системы, прозрачность взаимодействия граждан внутри социума, а также размывание в жизни индивидов границ личного и публичного.

Вторая ключевая тенденция, которую необходимо назвать – урбанизация, то есть перманентный процесс роста крупных городов и городских агломераций, как следствие превращение больших пространств в единые экономико-логистические центры (процесс конурбации). В результате этого процесса происходит формирование множества локальных сообществ со своими специфическими интересами, растет политическая конкуренция, а также продолжается сосредоточение в крупных городских центрах и мегаполисах экономических, творческих и инновационных ресурсов, креативного класса, как нового двигателя прогресса.

И, в-третьих, поколенческие изменения, которые также качественно влияют на социальные отношения и становятся новой тенденцией изменения общества. Стоит отметить, что в России теория поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау актуально сильнее чем в Европе или в США, в следствие государственных трансформаций, смены идеологии и политической культуры, которые произошли в период распада СССР [7. Р. 552]. Поколение «миллениалов» и «зумеров», как показывают социологические исследования, более открытое и свободнее, у них высокий уровень социальной мобильности, свои моральные установки, а также специфические запросы и ценности [3]. Этот фактор также способствует трансформации российской социально-политической системы.

В рамках данной работы мы хотели бы рассмотреть ряд факторов, тормозящих развитие российской социально-политической системы. Среди главных таких барьеров можно отметить следующие: бюрократизация политической системы, низкий уровень социальных связей, высокие показатели недоверия в обществе, пессимизм, недостаточная прозрачность органов власти. Безусловно, все это влияет на современный социум, ведет к искаженному пониманию действительности. Для реализации своих запросов и трансляции ценностей гражданам и заинтересованным группам придется обрести политическую субъектность, стать самостоятельными акторами политического процесса.

Для этого, на наш взгляд, необходимо преодолеть те барьеры, о которых сказано выше и выполнить три пункта, которые помогут усилить заметность в российском политическом поле. Во-первых, необходимо серьезно увеличить уровень доверия граждан друг к другу, установить стабильные социальные связи и поднять значимость социального капитала в социуме. Исследователи считают, что именно тотальное недоверие граждан в обществе ведет к усилению негативных факторов, в том числе, порождает недоверие

к децентрализованной рыночной системе и увеличивает уровень одобрения вмешательства государства в экономику. Влияние недоверия на социально-политическую реальность исследовали в своей статье «Регулирование и недоверие» ученые Филипп Агийон, Янн Алган, Пьер Каю и Андрей Шлейфер [4. Р. 1015-1049]. Их главный тезис заключается в следующем: «Чем меньше уровень доверия в социуме, тем выше потребность в регулировании экономической сферы, даже если у граждан есть понимание, что государственное вмешательство – неэффективно» [4. Р. 1015-1049]. Более того, они считают, что «доверие» – это тот социальный институт, который формирует семья. Именно первичная социализация в семье закладывает нормы и правила поведения, которые влияют на всю социально-политическую систему и доверие к ней в будущем (то есть, если в семьях считается, что брать или давать взятки – это нормальное явление, то их дети с большей долей вероятностью будут поддерживать такое явление, как коррупция в обществе).

Отсюда можно вывести тезис о, так называемой, ловушке недоверия, которая выглядит следующим образом: так как общество коррумпировано – нет смысла вкладываться в человеческий капитал, ведь успех достигается не трудом и талантом, а благодаря привилегиям, взяткам и nepотизму. Из этого следует, что, для того, чтобы решить эту проблему, необходимо вмешательство государства, которое возвращает нас в начальную точку порочного круга. Такая спираль может раскручиваться бесконечно, пока уровень доверия в обществе не поднимется до «нормальных» значений.

Об этой проблеме также писал американский политолог Роберт Патнэм [5. Р. 286]. В его работах «социальный капитал» – это абстрактная метафора, обозначающая уровень доверия в обществе, который позволяет создавать честные правила игры. Он, например, в своей книге «Чтобы демократия работала», анализируя уровень чистоты улиц и количество мусора в разных регионах Италии, пишет, что поддержка демократических институтов во многом зависит от горизонтальных связей, которые составляют социальный капитал. Поэтому в северных провинциях, где люди долгое время жили в торговых республиках без централизованной власти он выше, чем в южных районах – это сформировало норму доверия и высокий уровень социального капитала, поэтому и улицы на севере страны намного чище, чем на юге.

Во-вторых, после того, как был достигнут необходимый уровень доверия в обществе, необходимо преодолеть еще один негативный фактор, который тормозит развитие общества – «выученную беспомощность». Это такое поведение, при котором субъект, после того, как он столкнулся с повторяющимися противодействующими ему стимулами, более не предпринимает попыток к улучшению своего положения. Исследовать данный феномен начал американский психолог Мартин Селигман, позже его работами воспользовались психологи и социология для обоснования своих

концепций [6. Р. 407-412]. Хорошо заметен этот эффект в начальной школе. Если ребенок несколько раз терпит поражение в попытке улучшить свою успеваемость, он теряет желание и перестает предпринимать усилия для улучшения своего текущего положения. Существует и другая проблема, при которой человек или группа могут объяснять свою неудачу «внешним локусом контроля». Это психологическая установка, при которой субъект или группа индивидов верят, что не они сами, а «внешние силы» стоят за исходом событий в их жизни.

Именно преодоление «выученной беспомощности» станет ключевым шагом в обретении политической субъектности и готовности действовать коллективно, отстаивая свои интересы и ценности. Но преодолеть этот барьер можно только благодаря третьему шагу – увеличению гражданской активности и политического участия. Необходимо предпринимать все потенциальные усилия в развитии гражданского общества на местном уровне. Именно формирование местных сообществ, определение общей проблематики – это главный шаг на пути к становлению политической идентичности.

Формирование сообщества, как отмечали в своих работах «Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community» К. Белл и Х. Ньюби, то есть, во-первых, наличие сообщества в топографическом смысле, близость индивидов, их соприсутствие, во-вторых, локальные социальные отношения, объединенные одним объектом или же проблемой и, в-третьих, та самая причастность (community), как специфические отношения внутри локального сообщества [1. С. 27-59].

Выполнение всех этих трех шагов, то есть, увеличение уровня доверия в обществе, формирование социального капитала и преодоление ловушки недоверия, внешнего локуса контроля и выученной беспомощности, а также формирование местных сообществ и усиления их влияния, позволит российскому социуму развиваться дальше, став серьезной политической силой и равноправным актором на политическом поле.

Таким образом подытожим: российскому обществу предстоит преодолеть несколько ключевых проблем, которые мешают гражданам участвовать в политической жизни страны. Среди них как проблемы психологического характера – ловушка недоверия, внешний локус контроля и выученная беспомощность, так и задачи социально-политического плана – создание единых сообществ и увеличение роли социального капитала в обществе. После этого, несомненно, российский социум обретет политическую субъектность и станет способен отстаивать свои интересы в политическом пространстве. Более того, ключевые факторы трансформации общества, то есть урбанизация, технологизация и поколенческие изменения уже меняют нашу реальность и главной иллюстрацией этого является появление нескольких важных запросов в обществе, в том числе запрос на все большее непосредственное участие в политической жизни, запрос на справедливость внутри

общества и снижение уровня насилия, расширение популярности нетрадиционных средств получения и распространения информации, а также запрос на всеобщую прозрачность, которая наступила вместе с приходом новых технологий. Все эти запросы и дальше, на наш взгляд, будут определять векторы трансформации российского социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Добрякова М.С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4м). 2001. № 13.
2. *Нечай Е.Е., Овчинников П.С.* Новые векторы развития российского социума, как следствие влияния поколенческих особенностей, цифровизации и урбанизации // Теория и практика общественного развития. 2020. № 2.
3. Старый конфликт на новый лад? Социолог о будущем молодежи // Еженедельник «Аргументы и Факты» // https://spb.aif.ru/society/people/staryu_konflikt_na_novyy_lad_sociolog_o_budushchem_molodezhi.
4. *Aghion Ph., Algan Y., Cahuc P., Shleifer A.* Regulation and Distrust // The Quarterly Journal of Economics. August 2010. Volume 125. Issue 3 // <https://doi.org/10.1162/qjec.2010.125.3.1015>.
5. *Putnam D.R.* Making democracy work. New Jersey: Princeton University Press, 1993.
6. *Seligman M.E.P.* Learned Helplessness. Annual Review of Medicine. 1972. No 23 (1) // <https://doi.org/10.1146/annurev.me.23.020172.002203>.
7. *Strauss W.* Generations: the history of America's future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Company, 1991.

P.S. OVCHINNIKOV

*student of a bachelor's degree
of the department of Political Science,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia*

E.E. NECHAY

*Academic Advisor, Candidate of Political Science,
Assistant Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

BARRIERS TO THE TRANSFORMATION OF THE SOCIO-POLITICAL SYSTEM OF RUSSIA

The article attempts to identify the main barriers to the transformation of the socio-political system of Russia in the context of the influence of key factors: dig-

---

italization, urbanization and generational changes. Among the factors hindering the development of society, the author identifies the following: bureaucratization of the political system, low level of social ties, high rates of distrust in society, pessimism, insufficient transparency of government bodies. In the author's opinion, in order to fulfill their requests, citizens and interested groups within the system will have to overcome the above-mentioned negative factors and become independent actors in the political process (to gain political subjectivity). Overcoming negative factors, increasing the role of social capital and eliminating the trap of distrust will allow Russian society to develop further, becoming a serious political force and an equal actor in the political field.

Key words: *transformations of the socio-political system, digitalization, urbanization, bureaucratization, trap of distrust.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.013

УДК 32.323

Ю.А. ЕРЕМЕНКО

кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга, торгового и
таможенного дела Института экономики и управления (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Россия,
Республика Крым, г. Симферополь

З.А. ЖАВОРОНКОВА

студентка Института экономики и
управления (структурное подразделение) Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского, Россия,
Республика Крым, г. Симферополь

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ТРИГГЕРЫ ВНИМАНИЯ И ЗАПОМИНАЕМОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕНТА¹

В статье показана значимость визуализации как эффективной технологии современной цифровой эпохи в выстраивании диалога между властью и молодежью. Рассматриваются особенности восприятия визуального политического контента с различным эмоциональным контекстом (радость, печаль, гнев, нейтральные эмоции) и его влияние на такие важнейшие когнитивные процессы как внимание и память.

В работе проведен эксперимент с использованием метода «Игра на запоминание», предложенного Isola P. Результаты описательной статистики показывают, что наиболее запоминающимся для молодежи является политический контент с наличием эмоции «грусть». Наименее запоминаемые изображения – содержащие нейтральные эмоции, а самое высокое количество ложных тревог наблюдается в отношении изображений с эмоциональным контекстом – гнев. Критерий Манна-Уитни показал различия в запоминаемости изображений при сравнении групп 2 (грусть) и 3 (гнев) $p=0,04$, а также 2 (грусть) и 4 (нейтральные эмоции) $p=0,006$, что дает нам возможность говорить о существовании статистически значимых различий между ними. Результаты эксперимента могут быть полезны в разработке эффективной стратегии политической коммуникации.

Ключевые слова: политический контент, визуальная коммуникация, эмоции, молодежь, когнитивные процессы.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-33033.

Большинство современных коммуникативных стратегий основаны на использовании сильных и запоминающихся визуальных образов, например, логотипа, комбинации цветовых решений или фотографий. Проведение многочисленных экспериментов по изучению особенностей восприятия человеком коммуникативных сообщений позволило выявить эффект «превосходства изображения», которое запоминается с большей вероятностью, чем слова [11. Р. 1247-1262; 27. Р. 156-163; 21. Р. 423-460; 12. Р. 265-273]. Как отмечает John C. Yuille [18], эффект основан на том, что человеческая память чувствительна к символической модальности представления информации о событиях. Схожие идеи можно встретить в теории «двойного кодирования» Paivio A. [9. Р. 149-170], в которой утверждается, что изображения имеют преимущества перед словами, так как первые легко кодируются, в то время как процесс двойного кодирования с использованием слов более сложен как для извлечения из сохраненной памяти, так и для декодирования информации.

Тотальная цифровизация общества стала еще одним этапом в развитии визуальной коммуникации. Благодаря информационным технологиям стало возможным быстрое создание качественного контента и его распространение. Сообщения стали более эмоциональными, привлекающими внимание и индивидуализированными для конкретной целевой аудитории.

Безусловно, данные тенденции оказали существенное влияние на общую стратегию коммуникативного взаимодействия политики и общества. Сегодня становится все актуальнее исследование и использование новых форм и каналов коммуникации, принципов разработки эффективных сообщений. Родькин П. также отмечает, что с ростом информационного общества значение визуальных коммуникаций все активнее используется в культуре и политике, что многократно расширяет их социальные функции [1. С. 69]. Кроме того, они являются мощнейшим инструментом формирования репутации и проведения коммуникационных стратегий в условиях развитой и агрессивной информационной среды [1. С. 6-7]. Именно поэтому в практике коммуникаций наблюдается такое внимание к различным аспектам использования визуализации как одной из центральных элементов стратегии.

Наиболее восприимчивой к восприятию и участию в цифровой коммуникации является молодежь, для которой она является естественной средой общения и получения информации. Следовательно, можно назвать целесообразным использование акторами политической власти виртуальной среды для вовлечения молодежи в социально-политические процессы общества, ее социализации, а также передачи существующих ценностей и идеологии государства.

Таким образом, понимание визуализации как эффективной технологии политической коммуникации диктует необходимость тщательного исследования различных аспектов ее восприятия и влияния на когнитивные процессы и эмоциональные состояния реципиентов.

Подходы к исследованию различных аспектов восприятия визуальной коммуникации. Анализ научной литературы в данной области показал ряд работ, направленных на изучение влияния цвета на внимание и запоминаемость изображений [25. Р. 635-648; 28. Р. 25-32; 30. Р. 509-520] человеческих лиц и эмоций [22. Р. 345-347], уникальности изображений [7. Р. 2306-2315], наличия/отсутствия отвлекающих факторов [13; 29; 10. Р. 531-554; 6. Р. 2759-2768], тип графики и эстетика изображений [15. Р. 2213-2222; 24. Р. 2739-2748]. По многим вопросам до сих пор не достигнут консенсус, ведутся споры и дискуссии о важности тех или иных аспектов визуализации для эффективной коммуникации. Наиболее согласованные результаты научных исследований можно наблюдать в изучении влияния эмоций на внимание и запоминаемость визуальных сообщений. Так, исследование группы нейробиологов [3. Р. 1599-1604] показало, что от события к событию повышенная интенсивность эмоционального переживания улучшало память, что авторы называют «ретроградным улучшением памяти». Эмоциональное возбуждение может влиять на кодирование информации [2. Р. 305-309; 4. Р. 258-281], а также на внимание к последующим событиям [5. Р. 291-299].

Таким образом, можно предположить, что эмоциональные визуализации могут выступать своеобразным триггером запуска эффективного коммуникативного процесса.

К интересному выводу пришли ученые Isola P., Parikh D., Torralba A., и Oliva A., которые в своем исследовании показали, что запоминаемость некоторых изображений природных сцен одинакова для разных людей независимо от контекста или личных предубеждений [16. Р. 2429-2437]. Такой вывод привел к возможности создания прогностических моделей запоминаемости изображений на основе технологии машинного обучения. В работах [17. Р. 145-152; 26; 19. Р. 2390-2398] можно видеть практическую реализацию таких предиктивных моделей.

В предложенной работе предлагается использовать методику «Игра на запоминание» («Memory Game»), предложенную Izola P. [17] для исследования влияния различных эмоций (радость, грусть, гнев, нейтральность), присущих визуальному контенту, на внимание испытуемых и его запоминаемость.

Целью работы было выявление у молодежи эмоциональных триггеров внимания и запоминаемости визуального политического контента, представленного в социальных сетях.

Материалы и методы исследования. Суть метода «Игра на запоминание» заключается в том, что испытуемым последовательно предъявляются визуальные стимулы, каждый по два раза. В случае идентичного повтора участники эксперимента должны нажать кнопку. Последовательность изображений случайным образом выбирается из набора данных, что обеспечивает большую объективизацию полученных данных. Полученные результаты эксперимента позволяют рассчитать:

Рисунок 1. Примеры стимульного материала
в эксперименте «Игра на запоминание»

1. HR – частота попаданий (запоминаемость) изображений:
 $HR = HITS / (HITS + MISSES)$, где HITS – ответ на повторное (второе изображение), MISSES – пропущенный ответ на повторное (второе изображение).

2. FAR – частота ложных тревог:

$FAR = FA / (FA + CR)$, где FA – ложные тревоги, CR – верные отклонения.

Дизайн и стимулы. Для исследования на запоминаемость визуального политического контента с разным эмоциональным контекстом был подготовлен набор данных из 120 изображений: 40 – фотографии, выражающие радость, 40 – печаль, 40 – гнев и 40 – нейтральные. Пример стимульного материала показан на рисунке 1.

Было подготовлено специальное приложение при помощи межплатформенной среды разработки компьютерных игр Unity для реализации эксперимента, обеспечивающее интерфейс взаимодействия с испытуемыми и записи ответов реакции просмотра стимульного материала. Благодаря языку C# приложение позволило получить статистическую информацию по всем изображениям для каждого участника эксперимента. Возможные варианты ответов представлены в таблице 1.

Общая процедура. Перед началом эксперимента испытуемым объяснили цели и задачи. Участникам необходимо было просмотреть слайды визуальных изображений и в случае повторного предъявления стимула нажать

Возможные варианты ответов на предъявленный визуальный стимул

	Первый раз видит изображение	Второй раз видит изображение
Нажал пробел	«ложные тревоги» – FA	«ответ на повторное (второе изображение)» – HITS
Не нажал пробел	«верные отклонения» – CR	«пропущенный ответ на повторное (второе изображение)» – MISSES

на пробел. Всего было предъявлено 240 изображений. Общая процедура эксперимента представлена на рисунке 2.

С применением правил биоэтики была тестирована молодежь обоего пола (n=32), возраст 16-22 года.

Оборудование. Мини игра была разработана при помощи межплатформенной среды разработки компьютерных игр Unit. За «логику» игры отвечал C# – объектно-ориентированный язык, благодаря которому была выстроена необходимая логическая последовательность со всеми возможными исходами. Стимульный материал разработан с использованием графической программы Adobe Photoshop CS3, где были откорректированы размеры и расширение изображений 250 пикс/дюйм. Обработка полученных данных велась с использованием методов экономико-статистического анализа, реализованного в пакете программ SPSS 23.0.

Результаты исследования. В результате проведенного эксперимента были получены статистические данные о краткосрочной запоминаемости визуального политического контента с разным эмоциональным контекстом. Результаты HR (запоминаемость), FAR (частота ложных тревог) приведены в таблице.

Из описательной статистики видно, что наиболее запоминающимся для молодежи является политический контент с наличием эмоции «грусть».

Рисунок 2. Общая процедура эксперимента на запоминаемость политического контента с разным эмоциональным контекстом

**Результаты запоминаемости визуального
политического контента с разным эмоциональным контентом**

Изображения по группам эмоций	HR	FAR
Эмоция радость	84%	12%
Эмоция грусть	87%	15%
Эмоция гнев	84%	19%
Нейтральные эмоции	82%	11%

Наименее запоминаемые изображения – содержащие нейтральные эмоции. Самое высокое количество ложных тревог наблюдается в отношении изображений с эмоциональным контекстом – гнев.

Для сравнения количественных признаков четырех независимых выборок по видам контента с разным эмоциональным контентом (радость, грусть, гнев, нейтральные эмоции) воспользуемся непараметрическим критерием Краскела-Уоллеса. Рассчитанное значение уровня статистической значимости для данного критерия с использованием программы SPSS позволило отвергнуть нулевую статистическую гипотезу и сделать вывод о том, что ответ на повторное (второе изображение) – HITS для разных видов политического контента отличается ($N = 8,37$, $df = 3$, $p = 0,039$). Чтобы понять, какие именно группы различаются, проведем попарные сравнения с помощью критерия Манна-Уитни. Уровень статистической значимости ниже 0,5 оказался при сравнении групп 2 (грусть) и 3 (гнев) $p = 0,04$, а также 2 (грусть) и 4 (нейтральные эмоции) $p = 0,006$, что говорит о статистически значимых различиях между этими группами контента. Графическое представление показателя HITS для всех сравниваемых групп показано на рисунке 3.

Результаты исследований показывают большую запоминаемость эмоциональных изображений по сравнению с нейтральными, что согласуется с большинством работ в данной области [4. Р. 258-281; 8; 14. Р. 114-122; 20. Р. 54-64; 23]. Также проведенное исследование является попыткой понять, какие именно эмоции, содержащиеся в политических визуализациях влияют на краткосрочную память.

На рисунках 4 и 5 приведены по 8 самых запоминающихся/незапоминающихся изображений политической тематики.

Из рисунков можем предположить, что фотографии массовых событий с большим количеством участников менее запоминаемые, следовательно, следует делать акцент на отдельных наиболее эмоциональных лицах. Необычные изображения также привлекают значительное внимание и лучше хранятся в рабочей памяти.

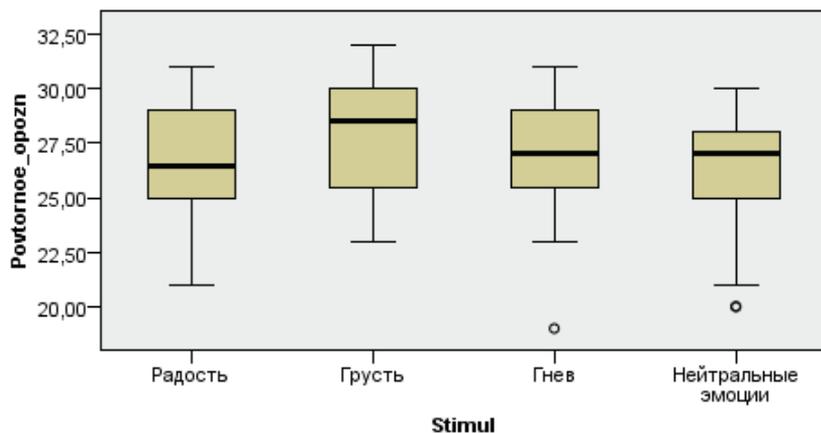

Рисунок 3. Квартильная диаграмма запоминаемости визуального политического контента с разным эмоциональным контекстом

Рисунок 4. Наиболее запоминающиеся изображения (97-100%)

Рисунок 5. Наименее запоминающиеся изображения (59-66%)

Таким образом, понимание того, что делает визуализацию запоминающейся, является важнейшим шагом в создании эффективной стратегии политической коммуникации. В будущих работах интересным может быть изучение таких эмоций, как страх, отвращение, удивление. Также остается открытым вопрос исследования таких аспектов визуализации, как цвет, наличие/отсутствие политической символики, количество людей, типичность/атипичность или эстетика изображений, что позволит более глубоко понять тонкость проектирования различных визуализаций для влияния на когнитивные процессы и эмоциональные состояния реципиентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Родькин П.* Визуальная политика. Фирменный стиль России. М.: Со-впадение, 2007.
2. *Anderson A.K., Phelps E.A.* Lesions of the human amygdala impair enhanced perception of emotionally salient events // *Nature*. 2001. № 411 (6835). DOI: 10.1038/35077083.
3. *Anderson A.K., Wais P.E., John D.E. Gabrieli.* Emotion enhances remembrance of neutral events past // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2006. № 103 (5). DOI: 10.1073/pnas.0506308103.
4. *Anderson A.K.* Affective influences on the attentional dynamics supporting awareness // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2005. № 134. DOI:10.1037/0096-3445.134.2.258.
5. *Berlyne D.E., Borsa D.M., Craw M.A., Gelman R.S., Mandell E.E.* Effects of stimulus complexity and induced arousal on paired-associate learning // *Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior*. 1965. № 4 (4). [https://doi.org/10.1016/S0022-5371\(65\)80033-0](https://doi.org/10.1016/S0022-5371(65)80033-0).
6. *Borgo R., Abdul-Rahman A., Mohamed F., Grant P.W., Reppa I., Floridi L., Chen M.* An empirical study on using visual embellishments in visualization // *Visualization and Computer Graphics, IEEE Transactions on*. 2012. № 18 (12).
7. *Borkin M., Vo A., Bylinskii Z., Isola P., Sunkavalli S., Aude O., Hanspeter P.* What Makes a Visualization Memorable? // *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 2013. № 19 (12). DOI: 10.1109/TVCG.2013.234.
8. *Canli T., Zhao Z., Brewer J., Gabrieli J.D., Cahill L.* Event-related activation in the human amygdala associates with later memory for individual emotional experience / *J. Neurosci*. 2000. № 20 (19). DOI: 10.1523/JNEUROSCI.20-19-j0004.2000.
9. *Clark J.M., Paivio A.* Dual coding theory and education // *Educational Psychology Review*. 1991. № 3 (3).
10. *Cleveland W.S., McGill R.* Graphical perception: Theory, experimentation, and application to the development of graphical methods // *Journal of the American Statistical Association*. 1984. № 79 (387).

11. *Curran T., Doyle J.* Picture superiority doubly dissociates the ERP correlates of recollection and familiarity // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2011. № 23 (5). DOI:10.1162/jocn.2010.21464.

12. *Defetyer M.A., Russo R., McPartlin P.L.* The picture superiority effect in recognition memory: a developmental study using the response signal procedure // *Cognitive Development*. 2009. № 24 (3). DOI: 10.1016/j.cogdev.2009.05.002.

13. *Few S.* Benefitting infovis with visual difficulties? Provocation without a cause. *Visual Business Intelligence Newsletter*. 2011.

14. *Guy S.C., Cahill L.* The role of overt rehearsal in enhanced conscious memory for emotional events // *Conscious. Cogn.* 1999. № 8.

15. *Hullman J., Adar E., Shah P.* Benefitting infovis with visual difficulties // *Visualization and Computer Graphics, IEEE Transactions on*. 2011. № 17 (12).

16. *Isola P., Parikh D., Torralba A., Oliva A.* Understanding the intrinsic memorability of images // *Advances in Neural Information Processing Systems (NIPS)*. 2011. № 24.

17. *Isola P., Xiao J., Torralba A., Oliva A.* What makes an image memorable? // *IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR)*. 2011.

18. *John C. Yuille.* Imagery, Memory and Cognition (PLE: Memory): Essays in Honor of Allan Paivio. *Psychology Press*. 2014. ISBN 9781317685470.

19. *Khosla A., Raju A.S., Torralba A., Oliva A.* Understanding and Predicting Image Memorability at a Large Scale // *IEEE International Conference on Computer Vision (ICCV)*, Santiago. 2015. DOI: 10.1109/ICCV.2015.275.

20. *LaBar K.S. and Cabeza R.* Cognitive neuroscience of emotional memory // *Nat. Rev. Neurosci.* 2006. № 7.

21. *McBride D.M., Doshier B.A.* A comparison of conscious and automatic memory processes for picture and word stimuli: a process dissociation analysis // *Consciousness and Cognition*. 2002. № 11 (3). DOI: 10.1016/s1053-8100(02)00007-7.

22. *McGaugh J.* Make mild moments memorable: add a little arousal // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2006. № 10 (8). DOI: 10.1016/j.tics.2006.06.001.

23. *McGaugh J.L.* Memory and Emotion: The Making of Lasting Memory, *Weidenfeld & Nicolson*, 2003.

24. *Moere A., Vande, Tomitsch M., Wimmer C., Christoph B., Grechenig T.* Evaluating the effect of style in information visualization // *Visualization and Computer Graphics, IEEE Transactions on*. 2012. № 18 (12).

25. *Sanocki T., Sulman N.* Color relations increase the capacity of visual short-term memor // *Perception*. 2011. № 40. DOI: 10.1068/p6655.

26. *Shay Perera, Ayellet Tal, Lihi Zelnik-Manor.* Is Image Memorability Prediction Solved? Conference: 2019 IEEE/CVF Conference on Computer Vision and Pattern Recognition Workshops (CVPRW). DOI: 10.1109/CVPRW.2019.00108.

27. *Shepard R.N.* Recognition memory for words, sentences, and pictures // *Journal of Learning and Verbal Behavior*. 1967. № 6. DOI: 10.1016/s0022-5371(67)80067-7.

---

28. Suzuki K., Takahashi R. Effectiveness of color in picture recognition memory // Japanese Psychological Research. 2002. № 39 (1). DOI: 10.1111/1468-5884.00033.

29. Tufte E. The Visual Display of Quantitative Information. Cheshire (Conn.), 2001.

30. Wichmann F.A., Sharpe L.T., Gegenfurtner K.R. The contributions of color to recognition memory for natural scenes // J Exp Psychol Learn Mem Cogn. 2002. № 28 (3).

YU.A. EREMENKO

*Candidate of Sciences in Economics,
Associate Professor, Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Z.A. ZHAVORONKOVA

*Student of Marketing, Trade and Customs Affairs,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia*

EMOTIONAL TRIGGERS OF ATTENTION AND REMEMBER OF VISUAL POLITICAL CONTENT

The article shows the importance of visualization as an effective technology of the modern digital age in building a dialogue between the government and youth. The features of perception of visual political content with different emotional contexts (joy, print, anger, neutral emotions) and its influence on such important cognitive processes as attention and memory are considered. An experiment was carried out using the method "Memory Game" proposed by Isola P. The results of descriptive statistics show that the most memorable for young people is political content with the emotion "sadness". The least remembered images are those containing neutral emotions, and the highest number of false alarms is observed for images with an emotional context - anger. The Mann-Whitney test showed differences in image memorability when comparing groups 2 (sadness) and 3 (anger) $p = 0.04$, as well as 2 (sadness) and 4 (neutral emotions) $p = 0.006$, which gives us the opportunity to talk about the existence statistically significant differences between them. The results of the experiment can be useful in developing an effective strategy for political communication.

Key words: *political content, visual communication, emotions, youth, cognitive processes.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.014

УДК 32.323

Н.А. ЕРШОВ

*аспирант кафедры общественных связей
и медиаполитики Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Москва*

А.Р. ОМЕРОВИЧ

*магистр кафедры политического анализа
и управления Российского университета дружбы
народов (RUDN University),*

Россия, г. Москва

С.И. ПОПОВ

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Россия, г. Москва*

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ. (ЧАСТЬ I: ВЫБОРЫ В МОСКОВСКУЮ ГОРОДСКУЮ ДУМУ 2019 ГОДА)

В статье изложены авторские наблюдения и размышления о возникновении, развитии, организации и политических целях протестных движений в период избирательных кампаний в Российской Федерации в период 2019-2020 гг. Выделены наиболее значимые факторы, влияющие на потенциал протестных настроений акторов избирательного процесса, предложена методика управленческого воздействия, направленного на минимизацию политических последствий рассматриваемого явления.

Ключевые слова: *протестные движения, политический процесс, оппозиция, избирательные кампании, выборы, Московская городская Дума, политические технологии, медиаполитика.*

В марте 2020 года социологи зафиксировали значительное снижение протестного потенциала в Российской Федерации. Согласно данным Левада центра, лишь 26% опрошенных считают возможным массовые выступления в защиту своих прав [1]. Помимо этого, было зафиксировано уменьшение количества граждан готовых принять участие в протестных акциях. Заместитель директора Левада-центра Денис Волков считает, что данные изменения

настроений населения обуславливаются снижением остроты социальных проблем. Данная альтерация общественных настроений заслуживает большего внимания и более детального анализа, учитывая, что радикальное изменение настроения общества зафиксировано менее чем через девять месяцев после протестов 2019 года в Москве. Существующие на сегодняшний день исследования подчеркивают причинно-следственную связь между протестами в Москве и выборами в Московскую городскую Думу.

Обычно политологи фокусируют свое внимание на анализе электоральных результатов и стратегий [2. С. 50-73]. В отличие от таких общепринятых подходов, мы рассматриваем влияние предвыборных стратегий и технологий, использованных структурами власти, на уровень протестных настроений в столице перед проведением выборов в Московскую Городскую Думу.

Актуальные исследования протестных настроений зачастую утверждают, что московские «несанкционированные акции» [6. С. 1102] имели только ограниченное влияние на общий уровень протестного потенциала в Российской Федерации, который обычно обуславливается проблемами, связанными с политическими и социально-экономическими условиями и изменениями.

Опираясь на вышесказанное, имеет смысл обратить внимание на то, что одной из основ демократического устройства государства является активное участие граждан в политической жизни страны. В свою очередь уровень политической жизни и активности влияет на общее поведение граждан, которое в свою очередь, определяет политические настроения части общества. Стоит заметить, что политическое настроение не может быть стабильным, по своей сущности, однако именно оно отражает актуальное состояние общества и даже способно предопределять дальнейшие действия носителей данных настроений. Если еще несколько лет назад мы смело могли утверждать, что «Баланс власти и сопротивления в современной России складывается таким образом, что правящий класс чувствует себя в выгодной позиции» [3], то сегодня этот тезис уже не кажется столь очевидным. Исследователь феномена политических настроений Д.В. Ольшанский, неоднократно отмечал, что политическим настроением может являться при условии распространения среди множества людей, групп, общностей, а не единичной личности [4].

Работы, сфокусированные на российских реалиях, зачастую акцентируют внимание на таких факторах как: общая апатичность общества, уровень возможностей проведения протестов, а также структуру и уровень контроля над населением, сконцентрированного в руках силовых структур. Иными словами, придают большое значение существующим структурным и психологическим факторам, определяющим вероятность начала общественных протестных акций.

Мы же, в контексте тематики статьи, прежде всего, отметим, что характерной чертой протестных процессов в России является то, что они носят

систематический характер и особенно ярко это проявляется в период избирательных кампаний. Сформированное информационное поле позиционирует явления данного порядка исключительно как противостояние государственной власти и населения, нивелируя конфронтации между социальными группами и объединениями. Также в этой ситуации игнорируется территориальная и тематическая привязка протеста.

Одной из важных особенностей протестов в Москве – является многозадачность. В соответствии с результатами политической у акции субъектов формируются реакция на протест. Примером этого может служить часто появляющееся в информационном поле, закрепленное за Россией, имиджевое клеймо тоталитарной империи зла. Еще одной задачей протестов является привлечение как можно большего числа участников. Реализация этой задачи приводит к неминуемому формированию новых лидеров общественного мнения со стороны оппозиции, перевод протестов на более высокий – федеральный уровень, что зачастую сопровождается подменой первоначальной цели протеста.

Рассматривая протестные движения 2019 года, можно выделить несколько характерных этапов их развития.

Первым – подготовительным этапом можно считать период начала июня. Когда происходило распространение информации о слабых позициях правящей партии «Единая Россия», неодобрительного отношения населения к работе Мосгордумы, о формировании мэром надпартийного блока, где все кандидаты выдвигаются в порядке самовыдвижения.

Следующий этап пришелся на середину – конец июня. Он был сопряжен с митингом в поддержку журналиста Ивана Галунова под лозунгом «Общество требует справедливости», на котором вместо тезисов в защиту журналиста доминировали призывы поддержать оппозиционных кандидатов в Мосгордуму.

При анализе московских протестов 2019 года можно отметить решение оппозицией одной из важнейших задач – синхронизация различных коммуникационных систем с функциональными центрами для захвата уличного пространства. Так, используя социальные медиа как основной инструмент координации и мобилизации протестного электората, был сформирован московский протест, базирующийся на телеграмм каналах. Телеграмм стал чуть ли не одним из основных механизмов протестов, выполняя как мобилизационную, координирующую роли, так и информационно-пропагандистскую. Таким образом, информационное наполнение в телеграмм каналах сыграло ключевую роль в разрастании протестных настроений. Примечательным является то, что используемые методы в конструировании протестных движений были описаны в 2018 году Дж. Шарпом в работе под названием «Методы ненасильственного протеста и убеждения» [5. С. 850].

Одной из отличительных черт избирательной гонки в 2019 году между кандидатами в депутаты является то, что часть из них являлась личностями заведомо не имеющие реальных шансов преодолеть барьер этапа сбора подписей в поддержку выдвижения. В связи с этим общая стратегия их политической кампании была направлена на создание вокруг собственной персоны информационных поводов. Цель данного действия заключалась в повышении уровня узнаваемости и в создании имиджа личности, которую боится действующая власть и препятствует ее прохождению на высокие выборные должности. Подобного рода действия можно охарактеризовать как применение технологии делегитимизации власти с целью снижения уровня доверия к ней и укреплению собственных позиций, вместе с работой на узнаваемость.

В связи с повышением уровня загруженности информационного поля и отсутствия четкой и ясной позиции у всех существующих кандидатов сильным механизмом влияния выступил тот самый фильтр, который выдвигал кандидатам-самовыдвиженцам требование сбора подписей в поддержку их выдвижения муниципальными депутатами. Кандидаты, не справившиеся с такого рода барьером, подогревали протестные настроения громкими высказываниями о том, что используя этот ресурс, власть в лице мэрии не дает доступ к выборам кандидатам, неугодным власти. В дальнейшем это и стало одним из факторов – триггеров протестных движений.

Примечательным фактом является то, что протесты, зародившиеся в столице России, постепенно перетекают в регионы. Таким образом, если одной из характерных особенностей акций в Москве была их направленность на МосИзбирКом, то распространяясь в регионах Российской Федерации, они приобретают совершенно другой характер. Так, в качестве протеста нового формата, в регионах набирают оборот оппозиционные к власти настроения. Вследствие чего появляются, все чаще звучащие, протестные призывы в дни голосования: «голосуйте против власти в целом, неважно за кого».

Также важно заметить, что подобного рода акции приобретают формат нестихийного «заражения», а поэтапного и спланированного распространения. Основными, неотъемлемыми требованиями к такому распространению становится проведение всех демонстрационных и публичных акций исключительно на центральных площадях и улицах, количество участников не имеет значения. Связанно это с тем, что любая такая проведенная акция приобретает вид массовой, ей придается большая значимость и огласка через местные СМИ и интернет. Важным фактором на данном этапе является придание оппозиционной повестке эффекта массовости и обсуждаемости, для этого готовятся материалы, содержащие критику местных региональных лидеров с сильным эмоционально-резонирующим контекстом. Основ-

ным здесь ставится задача показать, что многие регионы поддерживают протест, после чего происходит унификация лозунгов и требований.

Важным временным отрезком, в рамках электорального процесса 2019 года является дата 3-е августа. С этой датой связано нарастающая волна протестов, прокатившаяся по многим крупным городам России. Основная цель протеста – поддержка московских протестующих. Например, 10-го августа состоялись протесты в таких крупных городах России как Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Тюмень, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Белгород и ряде других. Основными требованиями, объединяющим все волнения, являются проведение честных выборов в России и прекращение преследований граждан полицией на «политической почве». В данном контексте, можно полагать, что важным является и опыт Сибирских городов, поднявших проблему лесных пожаров. Замечено, что акции поддержки в данный период принимали различный формат: это и одиночные пикеты (Волгоград, Красноярск), и согласованные митинги (Екатеринбург, Тюмень), и несогласованные демонстрации (Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону).

Таким образом, в 2019 году протестные акции, получившие столь широкую огласку, достигли сразу нескольких целей их инициаторов:

- лидеры общественного мнения и другие участники, присоединившиеся к протестным акциям, укрепили статус оппозиционных сил, что провоцирует увеличение вероятности в будущем частичной или полной смене правящих элит;

- действия власти, являющиеся ответной реакцией, будут и дальше преподноситься исключительно, как нежелание правящей партии делиться управленческой функцией;

- в обозримой перспективе и впредь будут создаваться поводы для протестов, апеллирующих к демократическим ценностям.

Исходя из понимания того, что в любом государстве при любом режиме существует оппозиция, обладающая доступом к сетевым ресурсам и осуществляющая собственную деятельность в основном там же, необходимо осознавать, что в этом случае власть зачастую играет на электоральном поле роль «догоняющего», имея лишь возможности устранять последствия или иметь дело со случившимся.

Набравшие силу оппозиционные настроения, не находящие проявления в неизбирательную фазу электорального цикла и кажущиеся «потухшими», постепенно выходят за рамки локаций крупных городов, распространяясь на другие регионы.

Подводя итоги изложенного, можно предположить, что ближайшие избирательные процессы федерального масштаба будут наполнены большим количеством протестов, так как протестное движение на сегодняшний день де-факто стало реальным инструментом предвыборных кампаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитический Центр Юрия Левады. Социологи зафиксировали снижение уровня протестных настроений россиян // <https://www.levada.ru/2020/03/12/sotsiologi-zafiksirovali-snizhenie-urovnya-protestnyh-nastroenij-rossiyan/>.

2. *Большаков И.В., Перевалов В.В.* Консолидация или протест? «Умное голосование» на московских выборах. Москва // *Полития*. 2020. № 1 (96).

3. *Гришаева О.Н., Гришин О.Е., Попов С.И.* Прогнозы развития института президентства в современной России. Москва // *Вопросы политологии*. 2018. Т. 8. № 2 (30).

4. *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб.: Питер, 2001.

5. *Шпигель С.* Джин Шарп и его теория о ненасильственных действиях. Германия: Изд: Партнер, 2018. № 6 (249).

6. *Vinogradova Marina, Tankovic Ana Cuic.* Pavelin Goran Book of Proceedings. Moscow: Varazdin Development and Entrepreneurship Agency in cooperation with Russian State Social University, University North Faculty of Management University of Warsaw Faculty of Law, Economics and Social Sciences Sale – Mohammed V University in Rabat. 2019.

N.A. ERSHOW

PhD student, Department of Public Relations and Media policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

A.R. OMEROVICH

Master, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

S.I. POPOV

Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

PROTEST POTENTIAL AS AN ELECTION CAMPAIGN TOOL (PART I: MOSCOW CITY DUMA ELECTIONS 2019)

The article presents the author's observations and reflections on the emergence, development, organization and political goals of protest movements dur-

---

ing the election campaigns in the Russian Federation in the period 2019-2020. The most significant factors affecting the potential of protest moods of actors in the electoral process are identified, and a method of managerial influence aimed at minimizing the political consequences of the phenomenon under consideration is proposed.

Key words: *protest movements, political process, opposition, election campaigns, elections, Moscow City Duma, political technologies, media policy.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.015

УДК 32.323

М.А. ФАЛАЛЕЕВ

*студент бакалавриата по направлению
подготовки Политология Дальневосточного
федерального университета, Россия, г. Владивосток*

Н.А. СИТДИКОВА

*студент бакалавриата по направлению
подготовки Политология Дальневосточного
федерального университета, Россия, г. Владивосток*

Е.Е. НЕЧАЙ

*научный руководитель, кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Восточного института – Школы
региональных и международных исследований Дальневосточного
федерального университета, Россия, г. Владивосток*

ВИДЕОСТРИМИНГ КАК КАНАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается феномен видеостриминга в контексте его влияния на развитие политической коммуникации в современной России. Актуальность исследования обусловлена интенсификацией процессов цифровизации публичного дискурса между политическими субъектами и населением РФ. Целью работы является определение характеристик и специфики видеостриминга как канала политической коммуникации. Авторы использовали такие научно-исследовательские методы, как типологизация материала, индукция, систематизация, прогнозирование и анализ. Результатом работы является классификация политических видеостримов по критериям позиционирования стримера, характеру монетизации видеоконтента и специализации видеохостинга для транслирования видеоматериалов. На основе материалов исследования авторы статьи выдвигают тезис о том, что видеостриминг является эффективным средством политической коммуникации, поскольку благодаря данной технологии можно в режиме реального времени мониторить и систематизировать обратную связь аудитории. Более того, этот канал сетевой коммуникации позволяет политическому актору оптимизировать свои материальные издержки и подключить донат-платформы, с целью обеспечения финансирования политической деятельности. В выводе констатируется, что современная динамика развития видеостриминга в РФ свидетельствует о перспективах

роста его востребованности как канала обеспечения двусторонней политической коммуникации.

Ключевые слова: *политический видеостриминг, видеохостинг, политическая коммуникация, донат-платформа, социальные сети.*

В связи с развитием Интернет-пространства и ростом количества пользователей социальных сетей, получает распространение такой канал Интернет-коммуникации как видеостриминг. Как способ взаимодействия в сети Интернет, он изначально использовался при трансляции игрового контента [1. С. 162], но постепенно стал применяться и при распространении видеоматериалов на другие темы. Проведение видеостримов не обошло стороной и политическую жизнь общества.

Термин «видеостриминг» произошел от сочетания английских слов «video» и «stream». Последнее в буквальном смысле обозначает «поток, течение», но в контексте Интернет-пространства – поток видео контента в реальном времени. Видеостриминг представляет собой способ организации прямой трансляции в сети Интернет с использованием ресурса сетевого видеохостинга, при помощи которого коммуникатор ведет диалог со зрителями. Видеохостинг – это Интернет-платформа, дающая пользователю сети возможность загружать, просматривать и делиться видеоматериалами в различных форматах, в том числе и в виде видеостримов [5. С. 316]. Под «стримером» подразумевается человек, который осуществляет видеотрансляцию в реальном времени.

Несмотря на смысловую схожесть таких понятий как прямой эфир и видеостриминг, их необходимо различать, поскольку первое имеет более широкое значение. Так, прямые эфиры проводятся в основном на традиционных платформах для передачи аудиовизуальной информации, например, телевизионные СМИ и радио. Прямой эфир на телевидении и радио представляет собой однонаправленную коммуникативную среду, поскольку в ней коммуникатор определяет содержание и ход взаимодействия без учета позиции реципиентов в реальном времени. В свою очередь, видеостриминг – это форма прямого эфира в сети Интернет, которая обеспечивает двустороннюю коммуникацию при задействовании технологических возможностей видеохостинга [2. С. 209].

Исследователи отмечают, что видеостриминговые сервисы позволяют коммуникатору взаимодействовать с аудиторией более эффективно, чем при использовании традиционных каналов по нескольким причинам [3. С. 125-126]. Во-первых, видеостриминг, как канал двусторонней Интернет-коммуникации, позволяет политическим акторам проводить интеракцию со зрителями в реальном времени. Так, стример может собирать обратную связь пользователей не с запозданием, через СМС-сообщения или звонки (используя весьма до-

рогостоящие ресурсы колл-центра), а при помощи специального чата, в котором обратная связь аудитории отслеживается в реальном времени. Во-вторых, видеостриминговые сервисы позволяют легко организовать сбор денежных пожертвований на определенные цели при помощи интуитивно понятных и доступных электронных систем быстрых переводов. В русскоязычной Интернет-среде для обозначения подобных транзакций используется термин «донат» [6. С. 82], производный от английского слова «donation», что обозначает материальное пожертвование на цели, в том числе политические.

Стоит отметить, что технология стримингового видеоконтента обладает большей эффективностью в странах с развитой Интернет-инфраструктурой. К подобным государствам мы можем отнести РФ, где доля населения, имеющего возможность подключения к сети Интернет, достаточно велика и постоянно растет. Так по данным доклада The Digital 2020: The Russian Federation в России 118 миллионов человек (81% населения) имеют доступ к Интернету, а порядка 70 миллионов (49% населения) являются активными пользователями сети [7]. Кроме того, объективные факторы в виде урбанизации и технологизации определяют тренд развития России в сторону полноценного информационного общества, в котором растущая роль цифровизации размывает монополию власти на информацию, что особенно актуально для современной России [4].

Пандемия коронавируса COVID-19 в 2020 году дала мощный стимул развитию политического видеостриминга. Меры по обеспечению социального дистанцирования и социальной безопасности сделали затруднительной организацию реальных встреч в традиционных форматах (митинги, форумы, совещания), что вызвало рост интереса к видеостримингу, как каналу политической коммуникации. Российская политическая система быстро адаптировалась к условиям, заданным пандемией коронавирусной инфекции, что находит свое подтверждение в переходе публичных мероприятий органов исполнительной и законодательной власти РФ, а также парламентских и непарламентских политических партий в формат видеостримов.

В целях оценки влияния видеостриминга на политические процессы в России мы проанализируем то, как и с какими целями политические субъекты обращаются к данному средству политической коммуникации. Для описания видеостриминга как канала политической коммуникации используется несколько типологизаций: по позиционированию стримера, по характеру монетизации видеоконтента и специализации видеохостинга для транслирования видеоматериалов.

Классификация видеостримов по роли в нем коммуникатора обусловлена критерием того, как выражена авторская позиция в трансляции. На основании этого авторы выделяют аперсонализованные и персонализованные типы. Аперсонализованные политические видеотрансляции никак не акцентируют внимания на роли и позиции стримера и посвящены зача-

стю демонстрации политического процесса или события. Функционал для взаимодействия с аудиторией в подобных видеостримах зачастую используется для того, чтобы зрители могли дать стримеру-оператору информацию касательно того, на чем стоит сфокусировать кадр в ходе видеотрансляции. В 2020 году данный тип политического видеостриминга часто использовался для демонстрации различных уличных протестов, например, тех, которые были вызваны арестом губернатора Хабаровского края С.И. Фургала. Аперсонализированный политический видеостриминг не требует от коммуникатора специфических навыков публичной риторики и работы со сложным видеоборудованием. В данном случае мы наблюдаем, что даже небольшие и стихийные по своей природе сообщества могут использовать этот инструмент политической коммуникации, не неся при этом бремени существенных финансовых издержек.

В персонализированных видеостримах коммуникатор является центральным актором, который организует и транслирует информацию политического характера от своего лица. Выступая с позиции автора видеоконтента, политический субъект имеет возможность улучшить собственный имидж, а также использовать свой авторитет для публичной поддержки союзников или порицания политических оппонентов в условиях дистанционного диалога. В данном случае видеостример использует онлайн-трансляцию как дополнительный канал коммуникации для оказания информационно-политического воздействия на зрителей, однако это требует от него умения убедительно вести публичную дискуссию в реальном времени, а также оперативно реагировать на обратную связь аудитории.

Критерием для разделения видеостримов на монетизированные и немонетизированные является нацеленность инициаторов онлайн-трансляции политического контента на получение материальной выгоды. Немонетизированные не предусматривают финансовых взаимодействий коммуникатора и реципиента. Это позволяет политическому видеостримеру акцентировать внимание только на распространении информации, а также консолидации сторонников на почве безвозмездных отношений, что делает коммуникатора финансово независимым от собственной аудитории. В качестве примера такого типа видеостримов можно привести трансляции российского политического обозревателя и ведущего В.Р. Соловьева, где он занят комментированием политических событий, не ориентируясь на то, чтобы побудить свою аудиторию жертвовать ему средства на политические цели.

Монетизированные видеостримы подразделяют на безвозмездные и платные. Так в первом случае, используется система добровольной монетизации, которая подразумевает бесплатный доступ к содержанию видеостримов, однако предполагает различные бонусы для зрителей, осуществивших пожертвование в пользу политического деятеля или сообщества. Доступ к содержанию платных стримов возможно получить только пред-

варительно заплатив за подписку на видеострим, что позволяет коммуникатору гарантированно получать выгоду. Однако это снижает привлекательность подобных трансляций для широкой аудитории. В России этот подтип видеостриминга практикуется редко и зачастую связан с проведением специальных стримов.

Примером монетизированных видеостримов в российском политическом пространстве служат прямые трансляции оппозиционного политика А.А. Навального, который собирает пожертвования на поддержание деятельности Фонда борьбы с коррупцией, на обеспечение дальнейшего проведения видеостримов, а также на финансирование сети региональных отделений, объединяющих его сторонников. При помощи видеостримов в данном случае достигается как цель получения выгоды, так и мобилизации сторонников.

Также важно сказать о том, что политические видеостримы могут быть типологизированы по характерным особенностям видеохостингов, на базе которых они реализуются. Используя данный критерий, различают специализированные и опциональные видеотрансляции.

Особенность специализированных видеостримов заключается в том, что они проводятся на базе видеохостингов, заточенных в первую очередь под создание, хранение и распространение видеоконтента. В подобных системах функционирует широкий ряд инструментов, повышающих эффективность деятельности коммуникатора, например: возможность сохранять видеотрансляции в формате видео, подключать донат-платформы, мониторить обратную связь зрителей после окончания трансляции, а также передавать видеопоток в более высоком разрешении. Все эти преимущества в совокупности стали причиной того, что большая часть российских политических стримеров проводят свои трансляции на базе специализированных видеохостингов YouTube или Twitch.

Тем не менее, в целях расширения аудитории российские политические стримеры также прибегают к использованию видеохостингов, которые являются опциональной частью крупных соц сетей, таких как ВКонтакте, Instagram, Facebook и Twitter. Опциональные политические видеостримы имеют меньшую продолжительность и сравнительно узкий арсенал средств для управления трансляцией. Данный тип видеостримов зачастую используется публичными политиками для того, чтобы разнообразить текстовый и графический контент, публикуемый в их аккаунтах.

В результате проведенного исследования мы видим, что видеостриминг выступает эффективным средством дистанционной политической коммуникации, поскольку он позволяет обеспечивать обратную связь с аудиторией в реальном времени, способствует оптимизации материальных издержек коммуникатора, предоставляет гибкий инструментарий для трансляции и распространения видеоконтента, а также дает возможность при помощи

донат-платформ финансировать различную политическую деятельность. Отмечая широкую вовлеченность граждан РФ в использование сети Интернет, можно говорить о перспективах увеличения числа российских политических деятелей, использующий данный канал коммуникации в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Авторы статьи в целях характеристики феномена видеостриминга выделили несколько критериев для типологизации его проявлений в условиях российской политической реальности. По характеру монетизации разделяют монетизированные (реализуемые на безвозмездной или платной основе) и немонетизированные видеостримы. Исходя из позиционирования стримера в трансляции, различают персонализированные и аперсонализированные типы. Также критерием для характеристики политических видеостримов служит специализация видеохостинга, на базе которого происходит трансляция контента. Так, выделяют специализированные видеохостинги, например, платформа YouTube, и опциональные, к таковым относят видеосервисы, встроенные в функционал социальных сетей. Полагаем, что существующая динамика развития цифровых сервисов свидетельствует о том, что технологии политического видеостриминга будут оказывать все большее влияние на процессы политической коммуникации в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Большева М.Д.* Стриминговое вещание как феномен современной медиасреды // *Коммуникология*. М., 2018. Т. 6. № 4.
2. *Волкова И.И.* Стриминг и прямой эфир: две ипостаси одного феномена // В сб.: Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Мат-лы IX Всеросс. научно-практической конференции. Российский университет дружбы народов. 2018.
3. *Коломийцева Е.Ю.* Актуальные тренды развития новых медиа // *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2019. Т. 1. № 4.
4. *Нечай Е.Е., Овчинников П.С.* Новые векторы развития российского социума, как следствие влияния поколенческих особенностей, цифровизации и урбанизации // *Теория и практика общественного развития*. 2020. № 2.
5. *Сколота З.Н.* Феномен пользовательского видео-хостинга в сети: производство и дистрибуция культурных ценностей и продуктов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 3 (44).
6. *Слободчиков И.М., Гольденберг Е.А.* Психология «Доната»: контур проблемного исследования // *Вестник РГГУ: Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. М., 2015. № 2 (145).
7. Digital 2020: The Russian Federation // *Datereportal* // <https://datereportal.com/reports/digital-2020-russian-federation>.

M.A. FALALEEV
*student of a bachelor's degree
of the department of «Political Science»,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

N.A. SITDIKOVA
*student of a bachelor's degree
of the department of «Political Science»,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

E.E. NECHAY
*Academic Advisor, Candidate of Political Science,
Assistant Professor, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

VIDEO STREAMING AS A POLITICAL COMMUNICATION CHANNEL: EXPERIENCE OF MODERN RUSSIA

The article presents a consideration of the phenomenon of video streaming in the context of its influence on the development of political communication in modern Russia. The relevance of the study is due to the intensification of the processes of digitalization of public discourse between political subjects and the population of the Russian Federation. The purpose of this work is to determine the characteristics and specifics of video streaming as a channel of political communication. The authors used such research methods as: typology of material, induction, systematization, forecasting and analysis. The result of the work is the typology of political video streaming according to the streamer positioning criteria, the monetization of the content, and video hosting specialization for broadcasting video materials. Based on the research materials, the authors of the article put forward the thesis that video streaming is an effective means of political communication, thanks to this technology it is possible to monitor and systematize the audience's feedback in real time. Moreover, this channel of network communication allows a political actor to optimize his material costs and connect donate platforms in order to ensure financing of political activities. In the conclusion of the work, it is stated that the current dynamics of the development of video streaming in the Russian Federation testifies to the prospects for the growth of its demand as a channel for ensuring two-way political communication.

Key words: *political video streaming, video hosting, political communication, donate platform, social networks.*

РОЛЬ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В 2002-2007 ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья раскрывает роль партии «Единая Россия» в региональном политическом процессе в 2002-2007 году. В качестве объекта исследования взят политический процесс в Кировской области. В указанный период «партия власти» укрепила свои позиции и стала основой партийно-политической системы в регионе. Процессы, происходившие в 2002-2007 годах в субъекте РФ, который не являлся центральным с точки зрения федерального политического процесса, позволяют проанализировать место политической конкуренции и роль партий в периферийных регионах, где основные силы (либо КПРФ, либо местные движения) столкнулись с хорошо организованной и поддержанной федеральной властью «Единой Россией». Они не смогли сохранить лидирующие позиции, и в течение электорального цикла 2004-2006 годов либо прекратили свое существование, либо, как с КПРФ, перешли в оппозицию «партии власти».

В работе анализируются основные тенденции региональной политики России в 2002-2007 гг., говорится о роли «партии власти» в рекрутинге элит Кировской области и в местном самоуправлении на примере моногорода Кирово-Чепецк.

Ключевые слова: *«Единая Россия», политическая регионалистика, политические партии, политическая система, выборы в РФ, Государственная дума ФС РФ, политические институты, политический процесс, региональная политика.*

Введение. Партийно-политическая система России в 2000-е годы изменилась под влиянием ряда факторов, одним из которых стало формирование новой «партии власти» и изменение подхода к месту данной организации в политическом процессе страны.

Возникновение «Единой России» стало одним из пунктов (поворотным пунктом) создания новой конфигурации партийно-политической системы РФ. Предыдущие провластные проекты, такие как «Демократический вы-

бор России», «Наш дом – Россия» действовали в относительно конкурентной среде и не имели прочного большинства в Госдуме и региональных законодательных собраниях. Они конкурировали как с организациями левого фланга (КПРФ, РКРП), так и с правым флангом (ЛДПР, «Держава») [5. С. 154], при том зачастую уступая данным объединениям на выборах.

С «Единой Россией» ситуация в партийно-политической системе стала меняться в сторону формирования т.н. «полупартийной системы» [5. С. 323]. С одной стороны, в этом «партии власти» помогали как интенсивно менявшееся в 2002-2007 гг. федеральное избирательное и партийное законодательство, так и аналогичные региональные законы. С другой стороны, партию поддерживала исполнительная власть и изначально выбранная концепция «партии президента», которая прочно ассоциировала «Единую Россию» с действиями В.В. Путина.

Данные факторы предопределили успех «Единой России» в субъектах Федерации. К 2007 году в 79 субъектах РФ главы исполнительной власти имели «синий» партийный билет. На выборах в Государственную думу в 2007 году «Единая Россия» получила 315 мест (конституционное большинство). Те силы, которые покинули Государственную думу («Яблоко», «Аграрная партия», ДПР, «Патриоты России», «Родина») сохранили возможность влиять на региональные и местные избирательные кампании, при этом не создавая до недавнего времени реальной конкуренции «партии власти», которая, впрочем, ограничивается такими регионами как г. Москва, Санкт-Петербург – там в законодательных собраниях в настоящее время есть представители внесистемной оппозиции.

Обзор литературы. Вопросы функционирования лидирующей политической силы в РФ в регионах остается актуальной проблемой, которая встречается в научной и публицистической среде.

Особенности развития «Единой России» в 2000-е годы отражены в работе В.В. Иванова «Партия Путина. История «Единой России»» [4. С. 600]. В книге приведены факты, указывающие на усиление партии власти в субъектах Федерации, проанализирована динамика распространения политической силы по территориям регионов, однако книга не делает акцент на том, почему другие политические силы неспособны были противостоять «партии власти».

Статья О.В. Гаман-Голутвиной «Особенности эволюции системы партийно-политического представительства в России» [8. С. 103] указывает на изменения в российском партотроении, произошедшие в результате выборов в Государственную думу 2003 года. Автор указывает на «виртуализацию» электорального процесса, которая выражается в виде поражения на выборах объединений, основанных на идеологических принципах, укрепления партий деидеологизированных, которые опираются на широкую избирательную массу.

Статья А.В. Кынева «Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы» [3. С. 160], посвященная развитию партий в регионах в 2001-2006 годах, акцентирует внимание на роль электоральных реформ, которые проводились в данный период. Выделяя несколько этапов, автор указывает на то, как менялась роль «Единой России» в данный период местных политических деятелей, перешедших на сторону «Единой России».

Статья О. Рябовой посвящена роли градообразующих предприятия в моногородах Кировской области и Пермского края [7. С. 111]. Автор акцентирует внимание на то, что представители градообразующих отраслей, как правило, становятся входят в местные отделения «Единой России», которая служит им возможностью баллотироваться в муниципальные или региональные парламенты, а также через «партию власти» вести диалог с федеральными структурами. В качестве примера такого моногорода выступает Кирово-Чепецк, где ключевым производством остается химический комбинат. Его руководители в течение 2000-х, а впоследствии и 2010-х годов становились как депутатами муниципальной думы, так и успешно баллотировались на выборах в Государственную думу.

Таким образом, авторы сходятся в том, что «Единая Россия» действительно стала центром политической жизни регионов, однако в целом партия не полностью вытеснила других политических игроков (как правило, в большинстве регионов России в то время, оппонентом «Единой России» выступает КПРФ), и сама не стала аналогом исполнительной власти на местах. «Партия власти» выступает основным рекрутером местных элит, с ее региональными отделениями аффилирован крупный бизнес, который в начале 2000-х стал вкладывать свои средства в поддержку партии в обмен на доступ к региональной и федеральной политике.

Партия «Единая Россия» и региональная политика в 2002-2007 годах. «Единая Россия» как новая «партия власти» была создана 1 декабря 2001 года. Она объединила организации «Единство» и «Отечество-Вся Россия», которые были созданы в качестве противовеса усиливающейся в конце 1990-х годов КПРФ.

К 2007 году «Единая Россия» контролировала большинство региональных парламентов, главы субъектов РФ также преимущественно входили в состав «Единой России». Если в 2004 году из 89 субъектов РФ только в 37 «партия власти» имело большинство в Законодательных собраниях, то к 2007 году – 79 парламентов [4. С. 345].

Успеху ЕР способствовали следующие факторы: проведение электоральной реформы, выстраивание имиджа партии вокруг Президента РФ В.В. Путина, формирование «вертикали власти».

Электоральная реформа проводилась в несколько этапов. Политолог А.В. Кынев выделяет два этапа реформ [3. С. 147]. Первый этап: приня-

тие ФЗ «О политических партиях», следующий этап: отмена избирательных блоков и фактический запрет депутатам покидать партию, от которой они были избраны. Данные изменения, а именно ужесточение партийного законодательства, отмена графы «против всех» на выборах всех уровней, отмена прямых выборов губернаторов, введение избирательного барьера привело к тому, что малочисленные объединения либо юридически прекратили свое существование, либо были вытеснены из Государственной думы (показателен пример «Яблока») [5. С. 235].

Данный тренд не мог не отразиться на региональной политике: изменился порядок формирования региональных парламентов, выборы преимущественно стали проводиться на пропорциональной основе к 2007 году. С учетом ужесточения правил создания политических сил, составить конкуренцию «Единой России» в 2007 году могли только КПРФ, ЛДПР и созданная в 2006 году «Справедливая Россия».

Не последнюю роль в деле укрепления позиции «партии власти» сыграла взаимосвязь имиджевой концепции организации («партия Путина») и выстраивание «вертикали власти». Переход губернаторов из своих политических объединений в «Единую Россию» означало то, что они поддерживают политический курс В.В. Путина [4. С. 354]. Вместе с тем, укрепление региональных отделений «Единой России» шло не везде равномерно и по губернаторской «указке»: в ряде регионов (особенно в «Красном поясе» – Брянская, Тамбовская, Рязанская области, в Сибири – Новосибирская область) «партия власти» столкнулась с сопротивлением со стороны местных лидеров (как правило они состояли в КПРФ) [8. С. 93]. В других (Пермская, Кировская, Костромская области) главы администрации хотя и пытались помешать укреплению «Единой России», но столкнулись с противодействием со стороны центральной власти. Важную место занимали представители федеральной власти – полпреды по созданным в 2000 году округам и главные федеральные инспекторы, которые докладывали полпреду о сложившейся ситуации в регионе.

Таким образом, к 2007 году «Единая Россия» завершила свое укрепление в регионах России благодаря изменению в законодательстве и поддержке со стороны действующей власти. На примере Кировской области рассмотрим, как организация укрепляла свои позиции и какую роль играла в региональной политике.

Особенности функционирования отделения «Единой России» в Кировской области в 2002-2007 годах. Учредительный съезд кировского регионального отделения «Единой России» состоялся 2 марта 2002 года. Фактически он означал слияние местных сторонников «Единства» и «Отечества – вся Россия», при этом ключевые посты в отделении заняли представители «Единства». В течение 2002-2003 годов «партия власти» укрепила свои позиции в районах и городах области (45 местных отделений, из которых 34 – районные, 4 – рай-

онам г. Кирова, 5 – по городам областного подчинения, среди которых Кирово-Чепецк, Вятские Поляны – моногорода) [6. Л. 23].

Среди всех политических сил Кировской области, «Единая Россия» была самой «богатой» региональной силой. В течение 2002 г. структура получила свыше 1.2 млн рублей, к 2009 году данный показатель будет составлять 5 млн рублей (в кировском КПРФ в 2002 году бюджет составлял около 300 тысяч рублей, к 2009 – 1.1 млн рублей) [6. Л. 34]. В партию вступали как бывшие союзники действовавшего на тот момент губернатора В.Н. Сергеевкова, так и крупные бизнесмены региона (В. Крепостнов, О. Валенчук, О. Березин), которые финансово поддерживали региональное отделение.

«Единая Россия» смогла одержать победу на выборах в Законодательное собрание Кировской области в 2006 году, сформировав большинство (36 из 54 мест) [1. С. 183]. В 2007 году партия набрала в Кировской области 451719 голосов (55.38% от числа проголосовавших в регионе) на выборах в Государственную думу, опередив все основные политические силы, представленные в области [1. С. 189]. Таким образом, к 2007 году «партия власти» была лидирующей силой в регионе по количественным показателям. Однако было бы не совсем верно утверждать, что именно кировское отделение «Единой России» установило свои правила политического процесса в регионе.

Организация выражала интересы федеральной власти, опиралась при принятии решений на мнение главного федерального инспектора по Кировской области, советовалась с Центральным исполнительным комитетом по ключевым вопросам местной повестки. С другой стороны, отделение активно финансировалось со стороны местных бизнесменов, которые хотели участвовать в региональной политике, но по разным причинам не могли этого сделать до формирования «партии власти» в регионе.

Показателен пример В.В. Крепостнова, который в 2005 году перешел из Аграрной партии России в «Единую Россию», а в 2007 году стал заместителем председателя правительства области. Другой пример – вхождение представителей градообразующих предприятий в «партию власти», а через нее – в муниципальные объединения [2. С. 2]. Так в 2006 году, сотрудники Кирово-Чепецкого химического комбината смогли получить 14 мест из 21 в городской думе, образовав кворум для принятия решений. Из 14 человек, 10 представляли «Единую Россию» [10. С. 108]. Оставшиеся 4 были самовыдвиженцами, которых поддержала заводская администрация и городское отделение «Единой России». Впоследствии, в 2016 году от Кирово-Чепецкого округа будет избран в Государственную думу Р.А. Азимов, который был депутатом фракции «партии власти» в Законодательном собрании региона и заместителем директора химкомбината.

Таким образом, в моногородах области укрепление «партии власти» приводило к установлению тесных связей между местной ячейкой и ад-

министратией градообразующего предприятия, что позволяло обеспечить стабильность политических процессов в городе [10. С. 109]. Но при этом успешный рост или кризис предприятия у населения стал ассоциироваться не с тем, как управлялся тот или иной завод, а с ролью депутатов от «Единой России», что стало причиной их поражения на выборах в чепецкую думу в 2011 году.

Важно отметить, что отделение действовало в рамках сложившейся конъюнктуры. Так, в декабре 2003 года в отставку ушел глава региона В.Н. Сергеев, который, начиная с переизбрания в 2000 году, становился в оппозицию тем решениям, которые принимались в Москве [5. С. 324]. Были назначены выборы, которые совпали с датой проведения голосования в Государственную думу (7 декабря 2003). На них во втором туре победил самовыдвиженец Н.И. Шаклеин, который ранее был депутатом Государственной думы. Примечательно, что баллотировавшийся от «Единой России» О.Д. Валенчук не смог набрать необходимого числа голосов. Более того, партия поддержала самовыдвиженца Н.И. Шаклеина во время второго тура [5. С. 329]. В данной ситуации прослеживается конъюнктурность принятия решений кировского отделения «Единой России»: партия активно не поддерживает своего выдвиженца, а делает ставку на бывшего депутата Госдумы, который не являлся членом партии, войдет в нее только в 2005 году.

Заключение. Таким образом, «Единая Россия» к 2007 году прочно укрепились в региональной политической системе России. На примере Кировской области было отмечено, что партия являлась центром рекрутинга местных элит, в число которых входили как крупные предприниматели, так и главы администрации предприятий моногородов, при этом последние помимо укрепления своего политического статуса несли прямую ответственность за функционирование завода, а значит и за существование муниципалитета. Следует при этом отметить, что региональное отделение «партии власти» следовало за теми трендами, которые складывались в российской политической системе и полностью ориентировалось на указания из центральных органов организации, не допуская чрезмерной самостоятельности на местах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гаман-Голутвина О.В.* Особенности эволюции системы партийно-политического представительства в России. М., 2004.
2. ГАСПИ КО. Ф-6990. О. 1. «Кировское региональное отделение ВПП «Единая Россия». Д. 1. «Учредительные документы Кировского регионального отделения ВПП «Единая Россия».
3. *Данилин П.В.* Партийная система современной России. М.: ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2015.
4. *Иванов В.В.* Партия Путина. История «Единой России». М: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2008.

---

5. Иванов В.В. Глава субъекта РФ. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): в 2-х т. В 2-х кн.: История: Кн. I. М.: «Издание книг ком», 2019. Т. 2.

6. История выборов в Вятском крае: Сборник документов и материалов / Сост.: Т.И. Асяева, В.С. Жаравин, Е.Г. Комарова, А.Г. Поляков, Л.Г. Сахарова, Е.Н. Чудиновских / Отв. ред.: И.Г. Верзилина, А.Г. Поляков, Л.Г. Сахарова. Киров, 2010.

7. Кынев А.В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы. М., 2006.

8. Кынев А.В. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М., 2009.

9. Ростова И. Нововятскому «ЕдРу» учинили показательный разгром // ВН. 2007. № 22.

10. Рябова О. Роль градообразующих предприятий в формировании политического поля в малых промышленных городах (на примере пермского края и Кировской области) // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2019. Т. 13. № 4.

I.D. USTYUZHANINOV

Post-graduate student, Lomonosov Moscow state university, Faculty of History, History of social movements and political parties department, Moscow, Russia

THE ROLE OF «UNITED RUSSIA» PARTY IN THE REGIONAL POLICY IN 2002-2007

The article reveals the role of the United Russia party in the regional political process in 2002-2007. The object of research is the political process in the Kirov region. During this period, the “party in power” strengthened its position and became the basis of the party-political system in the region. The processes that took place in 2002-2007 in the subject of the Russian Federation, which was not central from the point of view of the federal political process, make it possible to analyze the place of political competition and the role of parties in peripheral regions where the main forces (either the Communist Party of the Russian Federation or local movements) faced a well-organized and supported by the federal government “United Russia”. They were unable to maintain their leading positions, and during the electoral cycle of 2004-2006 either ceased to exist or, as with the Communist Party of the Russian Federation, went over to the opposition to the “party in power”.

The paper analyzes the main tendencies of the regional policy of Russia in 2002-2007, talks about the role of the “party in power” in recruiting the elites of

---

the Kirov region and in local self-government on the example of the monotown of Kirov-Chepetsk.

Key words: *“United Russia”, political regional studies, political parties, political system, elections in the Russian Federation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, political institutions, political process, regional policy.*

ЛЕГИТИМНОСТЬ ВЛАСТИ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ФАКТОР УГРОЗОУСТОЙЧИВОСТИ ОБЩЕСТВА

В данной статье детально проанализирован фактор легитимности властных структур, являющийся основой угрозоустойчивости общества. Уделено также внимание основным критериям легитимности власти. Проведено исследование методов, используемых государством для обеспечения политической и экономической управляемости граждан с учетом имеющегося расклада политических сил.

Ключевые слова: *угрозоустойчивость, власть, народ, государство, угроза, легитимность.*

Государственная власть может качественно функционировать в обществе только при том условии, что население данной территории поддерживает властные решения и не ставит под сомнение их законность. Как подчеркивает Э.Н. Примова, «государство, каким бы прочным оно ни казалось с первого взгляда, рано или поздно обречено на нестабильность, если большинство граждан не признают легитимность существующей власти и не высказывают готовность подчиняться ее законам» [11. С. 112].

Еще в XVIII веке А.Н. Радищев, рассуждая о легитимности власти и прочности государства, писал: «Познает всякий благо рассуждающий, что твердость силы и власти в государстве имеет основание во мнении, и что оно делает закон законным, то есть делает его действительным» [12. С. 473].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 5; 7; 8; 10; 16].

Однако проблему легитимности власти нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Исследователи выделяют следующие критерии легитимности государственной власти:

1) применение властью насилия – зависит от уровня развития политической культуры общества и степени сформированности политического сознания;

2) уровень соответствия властных структур тем или иным нормам, как общеобязательным, так и не общеобязательным – необходимо помнить, что нормы достаточно разнообразны и имеют противоречивый характер; зачастую они устанавливаются государством, но при этом не всегда поддерживаются обществом;

3) уровень электоральной активности населения государства [14. С. 20].

Концепция власти составляет ядро, основу политической науки. По словам Дж. Катлина, концепция власти носит фундаментальный характер в политологии. Р. Макивер считает, что все, что происходит вокруг нас, так или иначе связано с властью. Это власть, которая обеспечивает порядок и мир в государстве. Политология является областью изучения социального контроля или, более конкретно, контрольной взаимосвязи человеческих и даже животных отношений. Следует помнить, что власть не является чем-то абсолютным, это только инструмент, который используется по отношению к чему-либо [17].

По определению М.А. Василика, легитимность – это признание в обществе законности какого-либо действия, события или факта [3. С. 15]. Задача легитимности – обеспечить согласие в социуме, подчинение граждан власти без принуждения и насилия. При этом если власти необходимо применить силу, то ее пределы тоже определяются легитимностью.

Существуют следующие средства поддержания легитимности со стороны власти:

– внесение изменений в законодательство и механизм государственного управления в соответствии с новыми условиями;

– использование национальных традиций в законотворчестве и при принятии конкретных политических решений;

– реализация легальных мер предосторожности против возможного снижения легитимности власти;

– поддержание в обществе законности и правопорядка и др.

Показателями легитимности власти выступают:

– уровень принуждения, применяемый для проведения политики в жизнь;

– наличие попыток свержения правительства или лидера;

– сила проявления гражданского неповиновения;

– результаты выборов, референдумов;

– массовость демонстраций в поддержку власти (оппозиции) и др.

Легитимность власти соотносится с противоположным ей процессом делегитимации – утраты доверия, лишения политики и власти общественного кредита. Основными факторами делегитимации являются:

1) противоречие между универсальными ценностями, господствующими в обществе, и эгоистическими интересами властвующей элиты;

2) противоречие между идеей демократии и социально-политической практикой, которое проявляется в попытках решить проблемы силовым путем, нажимом на средства массовой информации;

3) отсутствие в политической системе механизмов по защите интересов народных масс;

4) нарастание бюрократизации и коррумпированности;

5) национализм, этнический сепаратизм в многонациональных государствах, проявляющийся в отвержении федеральной власти;

6) потеря правящей элитой веры в правомерность своей власти. Возникновение внутри нее острых социальных противоречий, столкновение разных ветвей власти [2. С. 210-211].

Одним из факторов, лежащих в основе определения степени эффективности процесса легитимации власти и уровня легитимности власти, является поддержка и признание народом таких институциональных основ.

Как считает Т.Ю. Фалькина, что, на уровень легитимности власти влияют такие факторы, как «избирательная система в целом и выборы в частности, институты местного самоуправления, участие населения страны и отдельных регионов в оценке эффективности деятельности структур, обладающих властными полномочиями, оценка эффективности государственной власти в виде индекса доверия граждан, непосредственное участие населения в функционировании отдельных государственных институтов; всеохватное признание возможности добиваться реализации своих прав и законных интересов через осуществление легальных процедур; степень персонификации власти в массовом сознании; критерии и показатели доверия граждан к властным структурам на уровне региональной и местной власти; присутствие элементов перевода потребностей населения и его оценки в отношении властных структур» [15. С. 18-19]. В политической теории существует понятие «кризис легитимности». Он возникает, «когда статусу основных социальных институтов грозит опасность, когда требования основных групп общества не воспринимаются политической системой» [6. С. 84]. Возникновение такого кризиса возможно и в обновленной общественно-политической структуре, если в течение долгого времени по тем или иным причинам власть не может оправдать доверие широких народных слоев.

Отметим, что легитимность – категория политическая, а легальность – юридическая (она устанавливается и гарантируется властью). По существующим оценкам, потенциальное воздействие геополитики и катастроф в сфере безопасности – гражданских и межгосударственных конфликтов и социальных беспорядков – значительно возросло с 2015 года. Это увеличение отражает совокупный высокий уровень политической турбулентности в развитых странах, стимулирующий налаживать отношения между гражданским обществом и государствами, что подтверждается ростом по-

пулизма, а также рисками для глобальной торговли и глобальной безопасности. Это единственная угроза, которая в целом возросла. Также способность кибер атак наносить серьезный экономический ущерб возрастает по мере увеличения числа и тяжести инцидентов, однако возможности по защите от них также совершенствуются [21]. Особое внимание угрозам политического характера уделяется в столице государства. При условии отсутствия господствующей идеологии имеющийся плюрализм мнений и идейных течений способен приводить к нарушениям в устойчивом развитии городов, потере народонаселением политических ориентиров, а социумом – политической управляемости, в том числе к нанесению ущерба политической системе города и государства [2. С. 56].

«Современный период положил начало тенденции к дифференциации возможностей, отделению потенциала личности, групп и организаций от субъектности в восприятии и продвижении безопасности. В ходе обсуждения актуальных вопросов на Всемирном политическом форуме (Ярославль, 9-10 сентября 2010 года) зарубежные ученые отметили: «Период современности положил начало новым социальным отношениям, которые уже не были напрямую связаны с культурными, религиозными и даже глобальными реалиями, а воспринимались в договорном контексте. Характерный для современности дух «собственнического индивидуализма» породил стяжательные общества». При создании государств акцент сместился с наднационального разделения власти на монополизацию легитимной власти национальными монархами. Изменения в характере войны способствовали дальнейшему сближению царей и олигархов: последние обеспечивали доход первым в обмен на защиту и безопасность. Этот процесс породил новую идею, ставшую квинтэссенцией периода современности – идею вечного, территориального, обезличенного государства [9. С. 231-246].

Стоит отметить следующее: Вебер утверждает, что подчинение государству является для людей не только привычкой, но и результатом их привязанности к государству и к тем сложным интересам, которые они могут удовлетворить в силу послушания ему [10. С. 77-79].

Следовательно, государство можно рассматривать в качестве средства поддержания чувства лояльности человека, той силы, которая способна выполнять желания своих граждан. Данные желания Вебер считает легитимными, потому что они сами по себе не зависят от политики или борьбы за обладание властью в государстве. Кроме того, Вебер утверждает, что вера в легитимность государства сродни тому, как сотрудник, занимающий определенное рабочее место, соглашается с правилами своего работодателя, чтобы получить право на оплату [22. С. 1-2].

С утилитарной точки зрения законная политическая власть должна основываться на принципе полезности. Эта концепция легитимности обязательно является морализированной: легитимность политической власти

зависит от того, что требует мораль [19]. Кроме того, поскольку личные интересы играют определенную роль в поддержании послушания в государстве, можно утверждать, что существует целенаправленный элемент послушания. Другими словами, общество максимально заинтересовано в том, чтобы государство ограждало его от различных угроз (терроризма, насилия, голода, дискриминации по признаку национальности, экологических проблем и пр.) и содействовало повышению уровня и качества жизни граждан, их благополучия в интеллектуальном (достойное, актуальное для определенного времени, доступное образование), физическом и психологическом аспектах.

Вебер поддерживает эту концепцию, когда утверждает, что те, кто имеет скрытые мотивы или намерения ради личной выгоды, заинтересованы в подчинении государству, поскольку оно является источником осуществления их желаний [22. С. 77-79].

Следовательно, если человек, подчиняясь распоряжениям власти, получает от государства то, что соответствует его личным интересам и потребностям, из этого закономерно следует, что такое государство человек признает законным, поскольку лояльность вознаграждается удовлетворением его нужд [18. С. 1-2].

Как отмечал М. Фуко, система меркантилизма, применявшаяся в практике борьбы с дефицитом, которую государство когда-то использовало для предотвращения голода, имела неблагоприятные экономические и политические последствия. Теоретически считалось, что меркантилизм работает, поскольку он может ограничить реальную нехватку продовольствия, как можно скорее поставив продукты питания на экономический рынок, что, как казалось, позволяет обеспечить широкий оборот товаров. Поскольку теоретически товары перемещались с более чем достаточной скоростью, можно было утверждать, что если поток товаров не прекратится, стратегия меркантилизма сможет постоянно гарантировать отсутствие голода [20. С. 30-31].

С другой стороны, запрещая экспорт, накопление, повышение цен и производство определенных товаров, те государства, которые используют меркантилизм, склонны испытывать резкие экономические колебания. Кроме того, поскольку недостатки меркантилизма могут вызвать негативные экономические последствия, такие как сильно завышенные цены на товары, включая продовольствие, что может привести к голоду, в таких государствах повышался риск общественных волнений и протеста населения.

Следовательно, мрачные экономические реалии, являющиеся ключевой причиной революций, делают государство уязвимым для угрозы революционных восстаний, которые могут бросить вызов его легитимности и авторитету. Для устранения этой угрозы ряд государств взяли курс на то, чтобы новая идеология превратилась в экономическую практику, которая могла бы способствовать сохранению и укреплению легитимности и власти государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алферов С.Ю.* Явление государственности в современных научно-теоретических воззрениях // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61).
2. *Безопасность жизнедеятельности / Е.И. Холостова, О.Г. Прохорова.* М.: Дашков и К., 2017.
3. *Василик М.А.* Политология. М., 2014.
4. *Вебер А.Б.* Устойчивое развитие как социальная проблема (глобальный контекст и российская ситуация). М., 1999.
5. *Вохидов Д.А.* Легитимность власти как основа стабильности современного общества // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12 (52).
6. *Краснов Б.И.* Теория власти властных отношений // Социально-политический журнал. 1994. № 3-6.
7. *Кулакова Н.Н.* Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).
8. *Медведев В.Н.* К проблеме о путях совершенствования законодательных основ единой системы исполнительной власти в России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 2 (16).
9. *Пабст Э.* Рыночное государство и постдемократия // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества; вступ. статья В.Л. Иноземцева. М.: Европа, 2010.
10. *Примова Э.Н.* О кризисе легитимности власти // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 10 (67).
11. *Примова Э.Н.* К вопросу о легитимности власти // Власть. 2013. № 8.
12. *Радищев А.Н.* О законоположении // Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения (К 150-летию со дня смерти. 1802-1952 гг.). М.: Госполитиздат, 1952.
13. *Сморгунов Л.В.* Политическое управление в глобализирующемся мире // Перспективы человека в глобализирующемся мире / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
14. Стратегический вектор обеспечения международной информационной безопасности: сборник / Сост. М.А. Вус, О.С. Макаров; предисл.: чл.-кор. РАН Р.М. Юсупов. СПб.: СПИИРАН, 2016.
15. *Фалькина Т.Ю.* Легитимация власти как фактор ее стабильности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4.
16. *Юсупов В.А.* Административно-управленческое право: предмет и место в правовой семье. Часть вторая // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 2 (16).
17. *Arjun K.* Importance of Power, Influence, Authority and Legitimacy in Political Science // [http://www. preservearticles.com/](http://www.preservearticles.com/).

---

18. *Astore R.A.* Defining the Legitimacy and Power of the State Through Weber and Foucault. 2016. Vol. 8. No. 05.

19. *Fabienne P.* Political Legitimacy. First published Thu Apr 29, 2010; substantive revision Mon Apr 24, 2017 // <https://plato.stanford.edu/entries/legitimacy>.

20. *Foucault M., Senellart M. ed., Burchell G. trans.* Security, Territory, Population. New York: Picador, 2008.

21. *Ralph D.* (2018) Geopolitical and security shocks rise across the world // <https://insight.jbs.cam.ac.uk/2018/>.

22. *Weber M.* (Gerth & Mills eds.) "Politics as a Vocation" as found in From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Routledge, 2013.

J.I. AHMEDOV

*Working for a degree at the National University
of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent,
Republic of Uzbekistan*

LEGITIMACY OF THE GOVERNMENT AS A MODERN FACTOR OF SOCIETY RESILIENCE TO THREATS

The article analyzes in detail the factor of legitimacy of power structures which forms the basis of society resilience to threats. Attention is also paid to the main criteria of the government legitimacy. A study of the methods used by the state to ensure the political and economic manageability of citizens, taking into account the existing alignment of political forces, is conducted.

Key words: *resilience to threats, power, people, state, threat, legitimacy.*

ИССЛЕДОВАНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ И АНГЛО-САКСОНСКОЙ (НА ПРИМЕРЕ США) СИСТЕМ ПРАВА

В статье представлены некоторые результаты научного исследования судебной власти в зарубежных странах, в рамках общей политической системы государства. Показаны особенности правопонимания судей в рамках двух основных правовых систем мира: англо-саксонской и континентальной. Именно в их последовательном многовековом развитии и полемике сформировалась и по-разному осмысливается роль судебной власти в политической системе. В Европе на протяжении всего исторического развития, включая почти весь XX в., судебная система воспринималась как производное единой государственной политики, осуществляемой политическим режимом. Судьи здесь не являлись политически самостоятельными субъектами, а лишь применителями права, исходящего и формируемого монархом (в прошлом) или законодательством (в настоящем времени). Некоторое исключение представляют собой Конституционные и Верховные суды. В странах Common Law, особенно США, наоборот судебная система воспринимается как продолжение политической. Здесь нет никакой разницы в подходах к судебной системе или другим крупным институциям, функционирующим в политическом поле. Право воспринимается как продукт деятельности судей. Кроме того, в целом большая часть американских исследователей уже в течение многих десятилетий, сосредотачиваются на микро-уровне поведенческого контура судей, в том время как исследования европейцев базируются на макро-уровне, соответствующему институциональному крылу.

Ключевые слова: судебная власть, политическая система, право, политика, судебные решения.

Политическая система любого государства включает судебную власть, следовательно «вся политическая сфера общества в целом не может быть

глубоко познана без четкого уяснения в ней роли судов» [37. Р. 5]. Закономерности функционирования судебной власти, особенности взаимодействия с государством и его органами, властные полномочия судов осмысляются зарубежными правоведами и политологами. Такие научные наработки весьма полезны и актуальны для политологического исследования судебной власти в России.

Исторически в мире сложились две основные системы права: англосаксонская и континентальная, каждая из которых обладает собственной правовой и политической спецификой [См. подробнее: 2]. Именно в их полемике сформировалась по-разному осмысляемое место и роль судебной власти в политической системе. Некоторые ученые объясняют это культурными различиями общего и континентального права [28. Р. 397-420], но скорее это результат различного понимания права как такового. Каким образом появляется право, кто его формирует, что оно из-себя представляет, для чего предназначено, как развивается и изменяется? Ответы на эти вопросы определяют фактическое правосознание судей, преломление которого через правоприменительную деятельность формирует деятельность суда как элемента политической системы любого государства. Понимание права судьями конституирует их отношение к отдельным гражданам, государству, политическим партиям, гражданскому обществу, политическим, государственным и общественным институтам любой политической системы.

Европейский подход. В Европе судьи традиционно не рассматривались, как полноценные участники политического процесса, соответственно никогда не стремились к этой роли. Причин тому несколько. Пожалуй, основная, это историческая абсолютизация понимания права как воли суверена. Европейский абсолютизм сформировал позицию, что только воля монарха формирует законы, которые и составляют право, как таковое. Эта воля становилась обязанностью для всех; никто не имел права добавлять, ограничивать, свободно трактовать волю монарха, соответственно отказывать в предоставлении прав или имущества, или уклоняться от выполнения обязанностей. Новейшее время, демократические идеи, скорректировали эти аргументы. В качестве суверена воспринимается уже не абсолютный монарх, а народная воля, выраженная в выборной легислатуре. То есть, сохранилось главенствующее значение роли законодателя для правоприменителя. Постепенно, по мере формирования представительных органов власти и перехода к ним законодательных полномочий, именно законодатель постепенно становится творцом права, соответственно принимает на себя решение политических вопросов, формируя и решая их посредством законов. Судьи являлись назначенными чиновниками, соответственно в их задачу входит лишь правильная реализация воли суверена, а никак не корректировка и свободное толкование его решений. Разрешая спор, от судьи требовалось лишь подобрать соответствующую конкретному делу правовую

норму, исходящую от государства, после чего вынести решение. Поэтому в Европейской традиции судьи не являются творцами права. На протяжении всего исторического развития, включая почти весь XX в., судебная система воспринималась как производное единой государственной политики, осуществляемой политическим режимом.

Формирование права из единого источника (централизованной воли), породило идею, что право является закрытой, самодостаточной, структурированной системой иерархически организованных принципов и норм. Любое судебское вмешательство в эту совершенную систему могло привести не только к отрицательным последствиям в конкретном деле, но и разрушению системной интеллектуальной целостности и концептуальной безукоризненности всего свода законов. Высшей властью на судебское усмотрение тем самым накладывалась достаточно жесткая узда. Отсюда понятно, что характерная для континентальной системы тенденция к максимально возможной кодификации существующих норм тоже произрастает из стремления ослабить судебское усмотрение [9. С. 5-19].

В такой ситуации сама тема «судов и политики» появилась в Европе, по сравнению со странами *Common Law* сравнительно недавно [21], еще не вполне уверенно утвердив свой исследовательский статус [34]. В силу относительной молодости исследования вопроса европейская литература, как правило, ограничивается изучением последствий судебных действий. Речь идет в первую очередь об изучении воздействия судебного решения на публичные процессы. Этому эффекту дано название юридикация.

В целом континентальный системный анализ судебного института, как правило, ограничивается ценностно-нормативным подходом, по мнению А.В. Хованской дающим слабое представление о состоянии судебной системы [9. С. 5-19], которая в таком виде в основном концентрируется на трансляции ценностей и нормативно-правовых актов на общество и процессы, происходящие в частной жизни. Крупные элементы политической системы, группы интересов, коалиции рассматриваются как объекты судебной деятельности значительно реже. Попытка комплексного влияния на таких акторов неизбежно в разы повышает степень политической ответственности судей, заставляя их вторгаться в компетенцию правительств, что вступает в конфронтацию с устоявшимися традициями отношения к судам, исходящими из прошлых исторических процессов, эпохи Великих революций, постулаты которой гласят, что право должно быть отделено от политики, суды – от правительства. Отсюда Европейские исследователи почти никогда не обращаются к конкретным политическим механизмам принятия судебных решений, тому как и почему судьи принимают решения, предпочитая ограничиваться анализом общего влияния таких решений на политику и политическую систему. В период после второй мировой войны на Европейском континенте сложилась достаточно твердая приверженность тому

мнению, что «разделение права и политики, утверждает взгляд на судей, скорее, как на независимых, нейтральных применителей права, чем творцов политики» [29. Р. 398], что позволило немецким ученым сделать вывод, что «судебное право, возникает не в процессе политического формирования воли...» [8. С. 266].

Допускаемым исключением такого понимания является конституционное правосудие. Конституционные суды, появившиеся в послевоенной Европе, сконцентрировали в своих руках юридический надзор за нормотворчеством законодательной власти, столкнувшись с необходимостью оценки политической составляющей нормативных актов, исследования возможных политических последствий. От политической ответственности здесь было никуда не уйти. Крайне осторожно формируя механизмы перераспределения власти путем трактовки нормативных актов, континентальное конституционное правосудие избавило от этой малочетной и чрезвычайно обременительной обязанности нижестоящие суды, в отличие от, например, США, где возможностью признать тот или иной нормативно-правовой акт антиконституционным обладают суды почти всех уровней и штатов. Отсутствие у европейских судов полноценной возможности приостанавливать действие нормативных актов, принятых законодательной властью, позволяло им реализовывать свои политические амбиции лишь путем толкования этих актов в рамках юридического дискурса. Соответственно почти все немногочисленные европейские исследования политической роли судов сконцентрировались вокруг деятельности именно конституционных судов. Среди классических стоит отметить вышедшую в 1976 г. книгу Дональда Коммерса «Судебная политика в Западной Германии» [13], и опубликованную в 1992 г. диссертацию Алека Стоуна Суита «Рождение судебной политики во Франции» [35]. Тем не менее, в 1990-х годах произошел взрыв интереса к неамериканским конституционным судам, связанный с возникновением парадигмы юридизации. Он был подготовлен публикацией в 1992 г. сборника *Judicial Politics and Policy-making in Western Europe* [12], содержащего обзорные статьи о европейских судах. Отдельной вехой в развитии дисциплины стал выход в 1994 г. специального выпуска журнала «*International Political Science Review*». Европейцы открыли, что их суды также занимаются политикой, и что для понимания, происходящего в судах простого правового анализа недостаточно.

Определенную роль в неразвитости на континенте политических исследований судебной деятельности сыграла и своего рода узурпация правового поля, в рамках которого только и функционируют суды, профессиональными правоведами. Ученые в сфере юриспруденции сформировали свой особенный специфический юридический дискурс и настаивали на его автономности от мира политического. В значительной мере это отвало политологов от исследований судов [29. Р. 398]. Сама правовая система вы-

ступает как автономное образование, которому присуще определенное понимание судебной власти. Следовательно суды воспринимаются как особые акторы, создающие свой особый стиль. От этого проистекает понимание судов как своего рода «черных ящиков», что ведет к ограничительному исследованию, ограничивающую себя анализом результатов верховенства права на политических акторов и сам концепт публичной политики. Осознание себя закрытой корпорацией провоцирует институционализацию судебной власти. Тот факт, что многие Европейские суды функционируют как «коллегиальные предприятия» способствует преобладанию институциональной перспективы. Исследованию судебных решений как коллективного творчества судей входящих в состав суда посвящены работы Kornhauser L.A., Sager L.G. [14. P. 1-59; 15. P. 82; 16. P. 441].

В целом следует констатировать, что на континенте, в рамках романо-германской системы права в первую очередь высшие суды играют значительную и ясно различаемую роль в политической системе. В Финляндии это Верховный суд [18. P. 138-142], в Италии [5. С. 283], Испании [4. С. 92], Германии [11. P. 570-578] – Конституционный. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что повышенная значимость Конституционных судов для Европы хотя и хорошо различима, однако не универсальна. Скандинавские страны идут здесь своим путем [36. P. 11] (Норвегия [33. P. 605], Швеция [6. С. 80-81], Дания [3. С. 81-84]).

Страны *Common Law*. В отличие от Европы исследование понимания судей как политических акторов гораздо более развиты в странах англо-саксонской правовой семьи. Право здесь понимается не как воля суверена, а как решение в конкретном судебном деле. Отсюда проистекает опора на судебные прецеденты и доктрина *stare decision (1)*, полагающая прецедент основным источником права. Значительную роль сыграло и отсутствием в течение многих веков вообще какого-либо писаного права, что требовало от судей разрешение спора на основе собственного понимания справедливости, в том числе и в разрешения судебных споров носящих политический характер. Более того, считается весьма опасным узурпация права обязательных велений исключительно за государством, которое целиком подконтрольно правящему режиму власти. Судьи, обладающие в англо-саксонской системе значительным авторитетом, призваны к самостоятельному разрешению всех споров, что предопределяет их политическую ответственность за принимаемые решения. Позиция судьи выше писаного права, так как последний непосредственно имеет дело с конкретным делом. Классическое англо-саксонское правопонимание, зародившись в Англии, в дальнейшем было распространено на все страны содружества (США, Австралию, Индию и др.).

Наиболее полноценно значение судебной власти в политической системе представлено в Соединенных штатах Америки, поэтому заострим на свое

внимание на этой стране. Здесь мы можем видеть значительный объем литературы почти по всем возможным политическим аспектам деятельности судов. Особенно это касается Верховного Суда США, изучение которого, учитывая его колоссальное влияние на политическую систему, в принципе невозможно без учета политической составляющей. Историческая глубина развития здесь весьма велика. Еще Алексис де Токвиль посвятил несколько параграфов своей известной работы «Демократия в Америке» политической важности судов [7. С. 120-132]. Существенную роль в исследовании данных вопросов сыграла социологическая юриспруденция – главенствующее направление американской правовой науки в XX веке. О.У. Холмс, К. Ллевеллин, Р. Паунд, Дж. Фрэнк довели до совершенства пониманием права как основного социального регулятора, который держат в руках именно судьи. Политика и право тесно взаимосвязанные явления, поэтому изучение политических вопросов невозможно в отрыве от их правовой стороны. Основанная в 1983 году секция «Право и суды» является одной из наиболее крупной в Американской ассоциации политической науки (APSA) [38]. На ежегодных конференциях APSA организуется до тридцати панелей, посвященных вопросам взаимосвязи права, судов и политики. На них эксперты обсуждают широкий спектр вопросов принятия судебных решений, назначения судей, взаимодействия судей с законодательной и исполнительной ветвями власти, использование судебной системы различными группами интересов и т.п. Особенно направление «Political Jurisprudence», подчеркивающее политический характер судебной деятельности, стало влиятельным в 1950-х гг. [31; 30]. Его сердцевиной «... является рассмотрение судов как политических органов и судей, как политических акторов» [31. Р. 296]. Waltman J. и Holland K. указывают, что «Когда современная политическая наука игнорирует политическую роль судов» и их влияние, как на правовую, так и на другие сферы жизни общества, то «проводимые в ее рамках исследования с неизбежностью остаются неполными» [37. Р. 5].

Один из крупнейших исследователей М. Шапиро еще в 50-60-е гг. рассматривал суды как последнее средство реализации тех политических интересов, которым не хватает непосредственного политического доступа к изменению текста законов в свою пользу [32]. Однако остается интерпретация этого закона, которая и осуществляется судьями. Для англо-саксонской системы значительно характернее понимание права как набора естественных прав. Большинство ученых здесь вполне справедливо полагают, что легитимность общественного порядка не может выводиться из нормативов, принимаемых закрытой государственной системой. Отсюда следует уход от корпоративности принимаемых решений в направлении повышения роли правового действия, реализуемого судьями. Сторонам должно быть понятно, почему принято то или иное решение, мотивы которого должны быть четко прописаны в судебном документе.

Исследования в США чаще всего опираются на эмпирические методы, в основном заимствованные из социологии, которые применяются к политике судебного действия и политизации судебной системы. В обязательном порядке изучается мотивация и цели судей, роль различных правовых доктрин, зачастую крайне неустойчивая судебная практика, а также общая политическая стратегия государства и отдельных элементов его политической системы. Идеи нейтральности правового обоснования, характерные для европейского взгляда на судебную систему, активно оспариваются путем исследования политики судебных действий, исследования внеправовых факторов определяющих решения судей.

В целом оценивая американское развитие понимания судов в политической системе можно выделить две различные фазы исследования судов и политики. Первоначально имел место период формирования, когда ученые избегали акцента на законе и подчеркивали вне-юридические факторы принятия судьями решений. Это было обусловлено общим применением поведенческих, бихевиористских установок. Затем, с момента появления нового институционализма, получала поддержку тенденция более серьезного отношения к писанному праву и большей фокусировки на взаимодействиях между судами и другими политическими институтами [21. Р. 16].

Центральный объект американских политических исследований роли судов это Верховный суд, влияние, которого на политическую систему США колоссально. Данный орган олицетворяет наиболее жесткий вариант конституционного судебного надзора, когда судебный орган практически произвольно исходя из собственных субъективных представлений, подбирает дела для рассмотрения и весьма широко толкует Конституцию, будучи не связан собственными прецедентами. Именно детальное изучение ВС США с применением разнообразных методологических приемов наглядно продемонстрировало обусловленность решений судей их политическими взглядами. Исследования в этом направлении активно осуществлялись американскими учеными на протяжении всего XX в. [20; 23; 22; 24. Р. 557-565; 25. Р. 971-1003 ect.]. В результате было достоверно установлено главенство аттитудной модели оценки поведения судей [26], ставшей главным противовесом главенствующему на континенте легалистскому подходу. Основоположником теории аттитудов является Си Херман Притчет [19; 20. Р. 890-898; 17], именем которого американская политологическая ассоциация назвала свою ежегодную награду за лучшую книгу по политологии судов [1. С. 258-275]. Аттитудная модель ставит во главу угла при оценке судебных решений личные психологические и поведенческие предрасположенности.

Выводы. Таким образом, в роль и место судов в политической системе различных государств во многом обусловлены традициями права, соответственно восприятием и ощущением правовой системы.

В США воспринимают ее как продолжение политической, не видя никакой разницы в подходах к судебной системе или другим крупным институтам, функционирующим в политическом поле. Судебная система функционирует по тем же самым законам, что и любой другой актер политического поля. Европейские же ученые привыкли рассматривать судебную систему, как автономную, независимую и самоуправляющуюся сферу, функционирующую и развивающуюся исходя из собственных закономерностей не применимых к другим игрокам на политической арене. Такое понимание базируется на общем восприятии правовой системы как автономного образования характерного для континента.

Соответственно, рассуждая о взаимодействиях политической и правовой сферы, американские ученые исходят из наличия двух противоположных явлений «Политизация» как вторжения политического в правовую сферу и «Юридикализация» как встречный процесс проникновения правовой материи в политическую жизнь. Европейцы говорят о «Юридификации»: судебные действия вторгаются в сферу политического. Судебные объекты, процедуры и категории постепенно доминируют или вытесняют политику законодателя. При этом обратный процесс в Европе почти не исследуется, в то время как на американском материале этот вопрос превратился в вопрос о мотивации судейского поведения и о том, учитывают ли судьи позицию легислатуры, вынося тот или иной вердикт [27. Р. 28-44] (2).

Также различаются и уровни анализа. В США исследуется отдельные судьи как носители политических функций. Этим занимается стратегический подход. Самое известное исследование, проведенное в рамках этого подхода – «Choices Justices Make» Ли Эпстейн и Джека Найта. Оно сделано на материале личных записей судей, протоколов промежуточных заседаний, проектов решений Верховного суда, поправок, которые к этим проектам вносили судьи, их переписки и прочих деталей судейской рутины, которая прежде оставалась незамеченной [10]. В Европе речь идет о судах как организациях, роль в них отдельных судей рассматривается в значительно меньшей сфере. Ученые здесь предпочитают обращаться к последствиям, результатам, то есть политическому влиянию всей судебной системы. Суды рассматриваются как носители определенной функции, оценка влияния реализации которой на политическую плоскость и исследуется. Таким образом, в целом большая часть американских исследователей уже в течение многих десятилетий, сосредотачиваются на микро-уровне поведенческого контура судей, в то время как исследования европейцев базируются на макро-уровне, соответствующему институциональному крылу [21].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) От лат.: *Stare decisis et non quieta movere*: «стоять на решенном и не нарушать спокойствие».

(2) *Segal J.* Separation-of-powers games in the positive theory of Congress and courts // *The American political science review.* Wanington, D.C., 1997. Vol. 91. P. 28-44. В этой статье приводится обзор всей предыдущей дискуссии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Григорьев И.С.* Политология судов: предмет и исследовательская программа // *Политическая наука: Науч. журнал / ИНИОН РАН.* 2012. № 3.

2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с франц. В.А. Туманова. М., 2009.

3. *Исаев М.А.* Основные формы конституционного контроля в странах Скандинавии // *Государство и право.* 2003. № 12.

4. Испания. Конституция и законодательные акты. М., 1982.

5. Италия. Конституция и законодательные акты / Под ред. В.А. Туманова. М., 1988.

6. *Малько А.В.* Стратегия развития правосудия в условиях глобализации. М., 2017 // https://studref.com/634900/pravo/vysshie_organy_pravosudiya_ru-bezhom#793

7. *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисловие Гаральда Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992.

8. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.

9. *Хованская А.В.* Политическая юриспруденция: Постклассический анализ судебных решений и идея легитимности // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2010. № 1 (74).

10. *Epstein L., Knight J.* The choices justices make. Wanington, D.C.: CQ Press, 1998.

11. *Hahn H.* Trends in the Jurisprudence of the German Federal Constitutional Court // *The American Journal of Comparative Law.* 1968-69. Vol. 16.

12. *Judicial Politics and Policy-making in Western Europe / M. Volcansek (ed.).* L.: Frank Cass, 1992.

13. *Kommers D.* Judicial politics in West Germany: A study of the Federal Constitutional Court. Beverly Hills: Sage Publications, 1976.

14. *Kornhauser L.A., Sager L.G.* The one and the many: Adjudication in collegial courts // *California Law Review.* 1993. Vol. 81.

15. *Kornhauser L.A., Sager L.G.* Unpacking the court // *Yale LJ.* 1986. T. 96.

16. *Kornhauser L.A.* Modeling collegial courts. II. Legal doctrine // *JL Econ. & Org.* 1992. T. 8.

17. *Lee Epstein, Dr. C. Herman Pritchett, Jack Knight, Walter F. Murphy,* *Courts. Judges, and Politics.* 6 Ed. McGraw-Hill Education, 2005.

18. *Nousiainen J.* The Role of the Finish Supreme Court in the legislative Process // *Scandinavian Studies in Law.* 1979. Vol. 23.

19. *Pritchett C.* The Roosevelt court: A study in judicial politics and values. N.Y.: Macmillan, 1948.

20. *Pritchett C.* Divisions of Opinion among justices of the US Supreme Court, 1939-1941 // The American political science review. Wanington, D.C., 1941. Vol. 35.

21. *Rehder Britta.* What Is Political about Jurisprudence? Courts, Politics and Political Science in Europe and the United States. MPIfG Discussion Paper 07/5. Koln: Max-Plank-Institute fue Gesellschaftsforschung, 2007.

22. *Rohde D., Spaeth H.* Supreme Court decision making. San Francisco: W.E. Freeman and Co., 1976.

23. *Schubert G.* Quantitative analysis of judicial behavior. Glencoe: Free Press, 1959.

24. *Segal J., Cover A.* Ideological Values and the Votes of U.S. Supreme Court Justices // The American Political Science Review. Wanington, D.C., 1989. Vol. 83.

25. *Segal J., Spaeth H.* The influence of stare decisis on the votes of United States Supreme Court justices // American journal of political science. New Jersey, 1996. Vol. 40.

26. *Segal J., Spaeth H.* The Supreme Court and the attitudinal model revisited. N.Y.: Cambridge university press, 2002.

27. *Segal J.* Separation-of-powers games in the positive theory of Congress and courts // The American political science review. Wanington, D.C., 1997. Vol. 91.

28. *Shapiro M., Stone A.* The Constitutional Politics of Europe // Comparative Political Studies. Vol. 26. 1994. No. 4.

29. *Shapiro Martin, Alec Stone.* 1994a: The New Constitutional Politics of Europe. In: Comparative Political Studies 26(4), 397-420.

30. *Shapiro Martin.* 1964a: Law and Politics in the Supreme Court: New Approaches to Political Jurisprudence. London: Free Press.

31. *Shapiro M.* 1964b: Political Jurisprudence. In: Kentucky Law Journal. 52. 294-345.

32. *Shapiro Martin.* 1961: Judicial Modesty, Political Reality, and Preferred Position. In: Cornell Law Quarterly. 47. 175-204.

33. *Smith C.* Judicial Review of Parliamentary Legislation: Norway as a European Pioneer // Public Law. 2000. № 1.

34. *Stone Alec.* The Birth of Judicial Politics in France: The Constitutional Council in Comparative Perspective. New York: Oxford University Press, 1992.

35. *Stone Sweet A.* The birth of judicial politics in France: The constitutional council in comparative perspective. Oxford: Oxford univ. press, 1992.

36. *Veli-Pekka Hautamaki.* Reasons for Saying: No Thanks! Analyzing the Discussion about the Necessity of a Constitutional Court in Sweden and Finland // Electronic Journal of Comparative Law. Vol. 10. 1. June 2006.

37. *Waltman J. and Holland K.* (eds.). The Political Role of Law Courts in Modern Democracies. L., 1988.

38. <http://lawcourts.org>.

F.A. VOSCRESENSKY

*Postgraduate student of the Department of Public Policy
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

STUDY OF THE JUDICIARY AS AN ELEMENT OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE COUNTRIES OF THE CONTINENTAL AND ANGLO-SAXON (ON THE EXAMPLE OF THE USA) SYSTEMS OF LAW

The article presents some of the results of a scientific study of the judiciary in foreign countries, within the framework of the general political system of the state. It is showed the legal thinking of judges within the framework of two main legal systems of the world are shown: Anglo-Saxon and Continental. It is in their consistent centuries-old development and polemics that the role of the judiciary in the political system was formed and interpreted in different ways. In Europe, throughout its historical development, including almost the entire XX-th century, the judicial system was perceived as a derivative of a single state policy formed by the political regime. Judges here were not politically independent subjects, but only the applicants of the law emanating and formed by the monarch (in the past) or the legislature (in the present). Some exceptions are the Constitutional and Supreme Courts. On the contrary is in Common Law countries, especially the USA, the judicial system is perceived as an extension of the political one. There is no difference in approaches to the judicial system or other large institutions operating in the political field. The law is perceived as a product of the activity of judges. In addition, most of the American researchers have been focusing on the micro-level of the behavioral circuit of judges for many decades, while the studies of Europeans are based on the macro-level corresponding to the institutional wing, in general.

Key words: *judicial power, political system, law, politics, court decisions.*

ИСТОРИОГРАФИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА В 2009-2018 ГГ.

Работа посвящена историографии развития и кризиса отношений между Российской Федерацией и Республикой Молдова. В исследовании поэтапно анализируются события 2009-2018 гг. Отправной точкой является цветная революция в Молдове, произошедшая в 2009 году. Начиная с этого времени сотрудничество Москвы и Кишинева претерпело существенные изменения.

Целью работы является комплексный анализ историографии межгосударственных отношений между РФ и РМ в указанный период. При этом, отдельно исследуются как материалы непосредственно о двустороннем сотрудничестве Москвы и Кишинева, так и рассматривается литература по приднестровскому кризису. В работе были использованы следующие методы исследования: системный и институциональный подходы.

По итогам анализа материалов на заданную тему можно сделать вывод, что проблема отношений между Российской Федерацией и Республикой Молдова вызывает интерес у исследователей и получила широкое освещение в отечественной историографии.

Ключевые слова: *Россия, Молдова, внешняя политика, СНГ.*

Внутриполитическая ситуация в Молдове является уникальной на всем постсоветском пространстве с точки зрения динамики изменения внешнеполитических предпочтений граждан. Если в 2009 г. за евроинтеграцию страны выступало порядка двух третей граждан, то к 2016 г. этот показатель опустился до 38-40%. Стремительное охлаждение российско-молдавских отношений и последовавшее за этим ухудшение социально-экономической обстановки в государстве способствовали сокращению сторонников евроинтеграции и росту пророссийских настроений. В связи с этим, необходимо выяснить, насколько политика Москвы по отношению к проевропейским властям оказала влияние на внутреннюю ситуацию в стране. В том случае,

если это влияние действительно было значительным, данная практика может быть использована по отношению к другим государствам постсоветского пространства.

Являясь парламентской республикой, Молдова находится в затяжном политическом кризисе. Электоральный рейтинг партий зависит от громких и, порой, популистских заявлений их лидеров, в том числе и по внешнеполитическому вопросу. В связи с этим, после 2009 г. России было сложно выстраивать отношения с молдавскими властями из-за их антироссийской риторики. Кроме того, на постсоветском пространстве Москва привыкла работать с главами государств, обладающими всей полнотой власти. Так было и во время правления в Молдове партии коммунистов, когда президент Владимир Воронин, формально подчиняясь парламенту, являлся фактически главным должностным лицом страны. Однако нетипичная для СНГ конфигурация власти в Молдове обязывает Россию выработать новый подход. Ставка на одного лидера или на одну политическую силу в условиях парламентской республики является неоправданной. В связи с этим необходимо проанализировать идеологию основных молдавских политических партий, их взгляды на сотрудничество с Россией и отношение к приднестровской проблеме. Выстраивание диалога с несколькими политическими силами в условиях парламентской демократии позволяет снизить риски проигрыша дружественных пророссийских формирований на выборах и оказывать большее влияние на внутривластную ситуацию в стране.

В 2009 г. в Молдове произошла «цветная революция», по итогам которой закончилось многолетнее правление партии коммунистов. К власти пришли проевропейские политические силы, которые взяли курс на евроатлантическую интеграцию. 2009 год серьезным образом изменил характер отношений России и Молдовы. Если до этого государства вели между собой конструктивный диалог, и сотрудничество, пусть и с некоторыми проблемами, развивалось, то после «цветной революции» степень доверия между Москвой и Кишиневом стремительно понижалась вплоть до прекращения любых контактов на высшем уровне.

В связи с тем, что исследуемые события относятся к событиям недавнего прошлого, проблема взаимоотношений России и Молдовы в известный период является практически неизученной. В основном анализ российско-молдавских отношений и внутривластной ситуации в Молдове представлен научными статьями.

Глубокое исследование события 2009 г. представлено в книге Зураба Тодуа «Битва за Молдову. 7 апреля 2009 г.» [6].

7 апреля 2009 г. является важной датой в постсоветской истории Молдовы. Именно апрельские события определили смену вектора развития страны. Если в 90-е годы прошлого века политическая система Молдовы находилась в инертном состоянии, которое завершилось приходом к власти

Партии коммунистов, то события 2009 г. сломали прочную конструкцию власти, выстраиваемую на протяжении десятилетия.

Резкая смена внешнеполитического вектора развития Молдовы не могла не сказаться на взаимоотношениях Кишинева и Москвы. Дата 7 апреля 2009 года является важной не только для политического развития Молдовы, но и для политики России на постсоветском пространстве. С этого момента главным партнером Молдовы вместо России стала Румыния, появилась реальная возможность интеграции Молдовы с ЕС и НАТО, а также обострился приднестровский вопрос. Следует отметить, что кризис вокруг Приднестровской Молдавской Республики еще больше усугубился после февральского переворота на Украине 2014 г., поскольку Россия лишилась сухопутного сообщения с Тирасполем. Все вышеперечисленные проблемы наносят существенный ущерб позициям России в Восточной Европе и прямо противоречат ее интересам. Именно поэтому необходимо внимательно проанализировать события 2009 года в Молдове, для того, чтобы понять их причины и предвосхитить подобные сценарии в будущем.

Зураб Тодуа определяет причины, основные моменты и последствия «цветной революции». По его мнению, к кризисной ситуации привели неумелые и неграмотные действия партии коммунистов, которые, имея большую поддержку населения и контролируя все силовые ведомства, не смогли противостоять группе оппозиционеров. При этом большое влияние на события оказали западные структуры: ПАСЕ, Европарламент, ОБСЕ. Роль Румынии в подготовке и проведении «цветной революции» также, по мнению автора, велика. Именно румынская молодежь, организованно доставленная в Кишинев, стала силовым драйвером протеста. В итоге ПКРМ под давлением европейских организаций пошла на уступки и согласилась провести досрочные выборы. Результаты голосования оказались сокрушительными для коммунистов, и к власти пришли проевропейские силы. Дальнейшее падение и уход ПКРМ с политической арены Тодуа продолжает исследовать в своей следующей работе «Битва за Молдову. Была такая партия» [7]. Автор приходит к выводу, что потеря популярности партией коммунистов связана с отказом от пророссийской риторики и заигрыванию с проевропейским электоратом.

Поэтому к выборам 2014 года идеология коммунистов приобрела антиевропейский и умеренно пророссийский характер. Так, в программе ПКРМ были раскритикованы недавние действия правящих проевропейских властей страны. Коммунисты обвинили Альянс за Европейскую Интеграцию в срыве работы в формате СНГ, в нагнетании антироссийской риторики и разрыве многолетних экономических и культурных связей с Россией. В агитационном ролике партии коммунистов звучали такие лозунги, как «пересмотр кабального соглашения с ЕС», «возвращения к стратегическому партнерству с Россией», «проведение референдума о вступлении Молдовы

в Таможенный Союз». Тем не менее, изменение позиции по внешнеполитическому вопросу не позволили коммунистам вновь занять пророссийскую нишу, доминирование на которой обозначали социалисты.

Краткий, но достаточно емкий анализ неопределенности внешнеполитического курса Молдовы дает С.Я. Лавренов в статье «Молдова между жерновами «большой» политики» [1. С. 53-62]. Автор исследует последствия взятого Кишиневом курса на европейскую интеграцию. Среди негативных моментов отмечается сокращение торгового оборота с Россией, увеличение зависимости страны от международной финансовой помощи, «выдавливание» населения Молдовы за рубеж.

О причинах постоянных политических кризисов в Молдове также рассуждает Н.В. Нечаева-Юрийчук в статье «Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости» [3. С. 136-144]. Автор приходит к выводу, что политическая нестабильность связана с тем, что государственность Молдовы находится только в периоде своего становления. До 1991 года страна не имела опыта собственного государственного строительства, а ее территория постоянно находилась в составе других держав. Из-за этого молдавское общество столь сильно поляризовано и бескомпромиссно по отношению к политическим оппонентам. Это ведет к тому, что представители разных флангов не могут найти компромисс и выработать совместную стратегию развития страны. Противоположность настроений избирателей проявляется во время каждого электорального цикла. Иногда они могут принимать радикальные формы, как это было во время «цветной революции» 2009 года. Именно тогда феномен молдавского политического поля проявился наиболее ярко.

Нестабильная внутривнутриполитическая ситуация вынуждает молдавские партии быть непримиримыми и, порой, радикальными в отстаивании своих программ. В противном случае формирование может потерять электорат. Руководствуясь этим, представители пришедших после «цветной революции» властей допускали неосторожные высказывания и действия в адрес РФ, что не могло вызвать ответную реакцию Москвы. Единственным политиком, старавшимся сохранить «дореволюционный» уровень отношений с Россией, стал премьер-министр Молдовы в 2009-2013 гг. Влад Филат. Однако возглавляемая им Либерально-демократическая партия не являлась единственной правящей и входила в коалицию с другими проевропейскими формированиями, что не позволяло ей проводить самостоятельную политику. После ухода Филата с поста премьер-министра диалог между высшим руководством двух стран практически прекратился [4].

Возвращение к коммуникации лидеров государств стало возможным исключительно после победы Игоря Додона на президентских выборах 2016 года. Однако, несмотря на регулярность проводимых между Путиным и Додоном встреч, молдавский президент не имел возможности в корне из-

менить политику своей страны в отношении России. Поскольку РМ является парламентской республикой, реальные полномочия имеет только премьер-министр. Институт президентства является скорее номинальным. Тем не менее, будучи в должности, Додон сумел выстроить грамотную информационную политику, которая вывела Партию социалистов в единоличные лидеры электорального рейтинга. Все это создало предпосылки для укрепления позиций социалистов и возможного их прихода к власти.

Кризис, в котором находилось торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Молдовой в 2014-2016 гг., сменился потеплением отношений. Ключевую роль в этом сыграл избранный осенью 2016 года Президент Игорь Додон. Однако говорить о полноценном взаимодействии преждевременно. Очевидно, что потенциал российско-молдавского сотрудничества в экономической сфере огромен. Это касается как увеличения внешнеторгового оборота, так и инвестиционной активности. В это же время возможности получения выгоды от сотрудничества с Евросоюзом у Молдовы исчерпаны. Они привнесли лишь ограниченный эффект, связанный с некоторым увеличением экспорта в ЕС. Для развития полноценных торгово-экономических отношений с Россией Молдове необходимо вступление в Евразийский Экономический Союз. Однако данная процедура осложняется геополитическими причинами: у РМ и стран ЕАЭС нет общей границы. Высока вероятность того, что до момента разрешения украинского кризиса торгово-экономические отношения между Россией и Молдовой будут находиться в состоянии ограниченного развития.

В ближайшей и среднесрочной перспективе Молдова останется самым бедным и слабо развитым государством в Европе. К таким выводам приходит Н. Стеркул в своей работе «Молдавско-российские отношения: позитивные и деструктивные тенденции двустороннего сотрудничества на современном этапе» [5]. Для рывка и ускоренного роста экономики РМ нужны новые стимулы, потенциал которых находится только в восточном направлении. В первую очередь, это увеличение экспорта и привлечение инвестиций. Потепление отношений с Россией позволит Кишиневу восстановить докризисные объемы экспорта, что частично покроет дефицит торгового баланса.

Сближение с ЕАЭС откроет возможность привлечения инвестиций, которые станут политическим шагом со стороны России для укрепления своего влияния в регионе [2]. Как показывает практика, Москва активно использует данный инструмент в отношении своих партнеров. Для Молдовы это будет означать оживление экономической активности, рост производства и снижение долговой нагрузки.

Практически все сферы экономики Молдовы нуждаются в масштабных инвестициях. При этом, ряд отраслей имеют серьезный потенциал для роста: сельское хозяйство и его переработка, энергетика, логистика.

Для развития экономики Молдове необходимо привлечение крупного капитала в вышеуказанные сферы. Определенный интерес молдавские проекты могут вызвать у российских компаний (случаи участия российского бизнеса в регионе наблюдались в 2000-х годах). Румыния не способна стать серьезным инвестором в Молдову из-за относительно небольшого объема собственной экономики. Международные организации готовы оказывать поддержку стране в виде кредитов на покрытие дефицита государственного бюджета, однако за 9 лет евроинтеграции Молдовы не проявили интереса во вложении в реальный сектор экономики страны.

Для Российской Федерации развитие торгово-экономических отношений с Республикой Молдова не является приоритетным, поскольку молдавский рынок не является объемным и не особо интересен российским производителям. Однако развитие экономических связей с РМ позволит Москве максимально интегрировать регион в сферу своего геополитического пространства.

Для Республики Молдова возобновление сотрудничества с РФ является важным этапом развития страны. В первую очередь, с экономической точки зрения. Как показала практика, курс на евроинтеграцию за пять лет себя не оправдал. Страна не получила ощутимых преимуществ после подписания Договора об Ассоциации с ЕС. Исключение составляет лишь облегченный доступ к иностранным кредитам, однако, они идут на покрытие дефицита бюджета, то есть, преимущественно, социальных расходов. Это ведет к накоплению задолженности и, соответственно, росту выплат по госдолгу. Возобновление сотрудничества с РФ позволит Молдове увеличить свой экспорт, что покроет дефицит платежного баланса страны, а также поможет привлечь в экономику российские инвестиции. Без модернизации производств стабильное развитие молдавской экономики невозможно.

Наличие внешнеполитических ресурсов для влияния России на европейские страны СНГ, в том числе и на Молдову, определяет О.В. Шишкина в монографии «Внешиполитические ресурсы. Россия и ЕС на пространстве «общего соседа» [8]. Автор перечисляет политические, экономические и гуманитарные ресурсы. Так, к политическим относится воздействие России через такие организации как СНГ и ОДКБ. Несмотря на то, что Молдова не входит в Организацию Договора о коллективной безопасности, на территории Приднестровья расположен контингент российских войск, благодаря которому Россия обозначает свое присутствие в регионе. Экономические ресурсы представлены, в основном, такими организациями как Таможенный Союз и, позже, ЕАЭС. Создание Евразийского Экономического Союза предоставило Молдове альтернативу выбора. Увеличение молдавского экспорта в страны ЕАЭС, доступ к дешевым энергоресурсам, приход иностранных инвестиций – все эти возможности открываются перед Кишиневом в случае интеграции с ЕАЭС. Наконец, гуманитарные ресурсы России

представлены через средства массовой информации, образовательные программы, наличие общих историко-культурных традиций. Однако в случае с Молдовой данные внешнеполитические ресурсы являются эффективными только в русскоязычном сегменте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Лавренов С.Я.* Молдова между жерновами «большой» политики // *Пространство и время.* 2015. № 1-2 (19-20).
2. *Мальгин А.В.* Внешнеполитические ресурсы России и пределы их реализации // *Pro Et Contra.* 2011. Т. 6. № 4.
3. *Нечаева-Юрийчук Н.В.* Особенности формирования молдавской государственности после обретения независимости // *Русин.* 2010. № 4 (22).
4. *Огнева В.В., Брысякина Л.А.* Сотрудничество России и Молдовы в гуманитарной сфере: поиск новой парадигмы // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика.* 2017. № 3 (34).
5. *Стеркул Н.* Молдавско-российские отношения: позитивные и деструктивные тенденции двустороннего сотрудничества на современном этапе // *Ассоциация внешней политики* // http://www.ape.md/wp-content/uploads/2018/01/N_Stercul_Moldavsko-rossijskie-otnosheniya_22.01.2018.pdf.
6. *Тодуа З.* Битва за Молдову. 7 апреля 2009 г. Кишинев: Б.и., 2013.
7. *Тодуа З.* Битва за Молдову. Была такая партия. Кишинев: Б.и., 2016.
8. *Шишкина О.В.* Внешнеполитические ресурсы: Россия и ЕС на пространстве «общего соседа». М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014.

N.A. KOMAROV

*Postgraduate student of the History Department,
Chair of history of social movements and political parties,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

HISTORIOGRAPHY OF INTERSTATE RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF MOLDOVA IN 2009-2018

The work is devoted to the historiography of the development and crisis of relations between the Russian Federation and the Republic of Moldova. The study analyzes the events of 2009-2018 in stages. The starting point is the "color revolution" in Moldova, which took place in 2009. Since that time, the cooperation between Moscow and Chisinau has undergone significant changes.

The aim of the work is a comprehensive analysis of the historiography of interstate relations between the Russian Federation and the Republic of

---

Moldova during the above period. At the same time, the authors separately study the materials connected with the bilateral cooperation between Moscow and Chisinau, as well as the literature on the Transnistrian crisis. The following research methods were used: system and institutional approaches.

Based on the results of the analysis of the materials on the given topic, it can be concluded that the problem of relations between the Russian Federation and the Republic of Moldova is of interest to researchers and has been widely covered in Russian historiography.

Key words: *Russia, Moldova, foreign policy, CIS.*

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.020

УДК 351/354 + 303.01 + 32.019.51

М.А. ШТАНЬКО

*кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Таганрогского института управления и экономики,
Россия, г. Таганрог*

З.Б. ТАЖЕВА

*ассистент кафедры русского языка номер 1
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

УПРАВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИМ КОНФЛИКТОМ

Данная статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современности – необходимости снижения уровня этнической напряженности. Авторы характеризуют этнический конфликт как часть социальной реальности и как продукт социального конструирования. В рамках этой позиции, этнический конфликт определяется как взаимосвязанные процессы институционализации субъективных значений и их включения в социальные структуры и включение социальных структур в систему субъективных значений. На этом основании действиям разных агентов, их мотивации, спонтанным социальным процессам произвольно приписывается «этнический» смысл, который внедряются, преимущественно, косвенным путем: вещи, лица и явления помещаются в контекст этнических отношений или этнического конфликта. Исходя из данной позиции, авторы предлагают осуществлять управление конфликтом не через урегулирование его динамики, а через изменение смысловой наполняемости. В сознании людей необходимо сформировать представления о неконфликтности определенных народов или наций, то и этнический конфликт не возникнет. Основным каналом, по которому могут передаваться такого рода смыслы, является система среднего образования. Если скорректировать содержание учебников, то можно будет транслировать символы толерантности и терпимости в наиболее масштабных размерах. Кроме того, особое место во внутренней политике государства должно занимать изменение требований к получению гражданства, в которые должно быть включено и требование о знании традиций и правил поведения в том обществе, частью которого люди собираются стать. Подобное требование было бы целесообразно применять и к беженцам, которые зачастую являются носителями этнических конфликтных ценностей, транслируя их в полиэтничную среду.

Ключевые слова: *управление, этнический конфликт, социальное конструирование.*

Одной из наиболее четко проявляющихся форм межгрупповых отношений, выстроенных по этническому основанию, выступает конфликт. На его протекание оказывает воздействие множество факторов, в том числе, социокультурная среда протекания конфликта, отношение к нему близлежащих стран, особенности политических традиций и др. Каждый из этнических конфликтов уникален, но при этом в нем можно выделить устойчивые признаки, присущие этническим конфликтам определенного типа. Идентификация этнического конфликта и отнесение его к тому или иному типу позволяет перейти к более сложным видам его изучения – возможностям управления им, моделированию и прогнозированию его динамики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 5. С. 551-561; 8; 9. С. 111].

Однако проблему влияния этнического фактора на конфликты нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Этнические конфликты любого типа проходят несколько основных этапов своего развития: от формирования политических этнических элит до декларации интересов, целей и задач национальных партий и движений.

Этнический конфликт, как часть социальной реальности, по мнению В. Малахова, может рассматриваться как результат социального конструирования, которое может быть определено как взаимосвязанные процессы институционализации субъективных значений и их включения в социальные структуры и включение социальных структур в систему субъективных значений [4. С. 119-120]. Окружающая действительность упорядочивается в головах людей на основе представлений о конфликте и соответствующих понятий, связанных с ним, которые в свою очередь организуют и легитимизируют действия людей [6. С. 51]. Это, в свою очередь, заставляет сделать вывод о том, что этнический характер конфликт приобретает тогда, когда его участники начинают привносить этнический смысл в действия других участников. Подобные смыслы, как правило, внедряются косвенным путем: вещи, лица и явления помещаются в контекст этнических отношений или этнического конфликта. Особое влияние на формирование таких смыслов оказывают официальные объяснения, которые население слышит из СМИ, и в результате которых бытовые противоречия приобретают характер этнических конфликтов.

В этих условиях, все чаще возникает необходимость управления этническими конфликтами, что важно для осуществления эффективной национальной политики [7. С. 2704], которая приобретает особое значение в глобальных процессах современности. Многочисленные исследования по данному вопросу заставляют сделать вывод о том, что универсальных

методов такого управления не существует, но, используя принципы социального конструирования, можно сформировать их основу.

Исходя из того, что этнический характер придается конфликту за счет содержательной наполненности мотивации, действий, символов и восприятия его участников, можно сделать вывод о том, что если это содержание лишит этнического противостояния, и противостояния вообще, то ситуация перестанет быть конфликтной. Решение подобной задачи возможно в том случае, если скорректировать содержание такой учебной литературы, как история, обществознание, литература, география и даже русский язык. Через систему образования вообще, и среднего образования, в частности, можно транслировать символы толерантности и терпимости в наиболее масштабных размерах.

Вместе с тем, необходимо усовершенствовать процедуру получения гражданства, ориентируя будущих граждан полинациональных государств на знание традиций и правил поведения. Это же требование должно применяться в отношении беженцев, которые часто считают свое положение основанием для нарушения общественных норм и правил поведения, мотивируя это тем, что они вынужденно и временно оказались на данной территории. Думается, что чрезмерно толерантное отношение к беженцам – один из самых серьезных просчетов государственного управления, так как часть из них, к сожалению, не может оценить заслугу тех, кто их оберегает, и воспринимает этих людей как одних из врагов, выражая это отношение в своем поведении.

Еще один акцент в управлении этническими конфликтами должен быть сделан в системе академических обменов, которая позволяет студентам разных стран расширить свой уровень образования в иностранном ВУЗе. Часто обучение оборачивается компроментацией иной нации/народа из-за неумения вести себя в полинациональной среде. Думается, что помимо образовательных показателей, необходимо учитывать и поведенческие характеристики студентов, формируя, тем самым, позитивный образ соответствующей нации/народа в другой стране. Должное поведение, безусловно, поможет снизить уровень конфликтности и, возможно, станет источником положительного смыслового наполнения определенных этнических элементов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что управление этническим конфликтом, основанное на конструировании неконфликтных этнических смыслов, будет эффективным, но существенным его минусом является растянутасть во времени, так как принципы этнической толерантности должны заменить конфликтные этнические представления и укрепиться в массовом сознании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гудименко Д.В.* Национализм в Белоруссии: Двуликий Янус // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).

2. *Дмитриев А.В.* Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998.
3. *Ермакова Э.В.* Национальный язык как источник межнациональных конфликтов и как инструмент их урегулирования (на примере многонациональной Бельгии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).
4. *Малахов В.С.* Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001.
5. *Медведев Н.П., Глебов В.А.* К вопросу о способах урегулирования политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5 (44).
6. *Осипов А.Г.* Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002.
7. *Тажева З.Б., Штанько М.А.* Специфика современной национальной политики КНР // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 11 (68).
8. *Глимахова Л.Х.* Нациестроительство для современной России: состояние вопроса и проблемы, препятствующие его решению // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).
9. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R.* Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. Т. 12. № 5.

M.A. SHTANKO

*Candidate of philosophical sciences,
associate professor, Department of Humanities
Taganrog Institute of Management and Economics,
Taganrog, Russia*

Z.B. TAZHEVA

*Assistant, Department of the Russian
language number 1, Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia*

ETHNIC CONFLICT MANAGEMENT

This article is devoted to one of the most pressing problems of our time - the need to reduce the level of ethnic tension. The authors characterize ethnic conflict as part of social reality and as a product of social construction. Within this position, ethnic conflict is defined as interrelated processes of institutionalization of subjective meanings and their inclusion in social structures and the inclusion of social structures in the system of subjective meanings. On this basis, the actions of different agents, their motivation, spontaneous social processes

---

are arbitrarily attributed to an «ethnic» meaning, which is introduced mainly indirectly: things, persons and phenomena are placed in the context of ethnic relations or ethnic conflict. Based on this position, the authors propose to manage the conflict not through the regulation of its dynamics, but through changing the semantic content. In the minds of people, it is necessary to form ideas about the non-conflict of certain peoples or nations, then an ethnic conflict will not arise. The main channel through which such meanings can be transmitted is the secondary education system. If we correct the content of textbooks, then it will be possible to broadcast symbols of tolerance and tolerance in the largest scale. In addition, a special place in the internal policy of the state should be occupied by a change in the requirements for obtaining citizenship, which should also include the requirement for knowledge of the traditions and rules of behavior in the society of which people are going to become a part. It would be advisable to apply a similar requirement to refugees, who are often carriers of ethnic conflict values, transmitting them into a multi-ethnic environment.

Key words: *management, ethnic conflict, social construction.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

DOI 10.35775/PSI.2021.65.1.021

УДК 32.327

А.Н. МИХАЙЛЕНКО

*доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России факультета
национальной безопасности Института права и национальной
безопасности Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Д.А. УМЕРОВ

*соискатель кафедры международной
безопасности и внешнеполитической деятельности России
факультета национальной безопасности Института права и
национальной безопасности Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Россия, г. Москва*

МОДЕЛЬ ГАРМОНИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В современных условиях все более значимое влияние на развитие стран имеет их способность обеспечить благоприятные для этого внешние международные условия. Серьезной проблемой в этом плане является различие между стратегическими планами и тактическими действиями стран на мировой арене. Примером в этой области может быть авантюра США в Ираке 2003-2011 годов, которая отличалась отдельными военными успехами, но стоила американцам тысяч жертв и миллиардов долларов. В связи с этим возникает вопрос, какова могла бы быть модель гармонизации стратегии и тактики внешней политики государства. Для разработки этой модели следует изучить, какие элементы могут ее составить, какова могла бы быть связь между ними и с помощью каких методов эту связь можно было бы обеспечить. Ответы на эти вопросы и составляют содержание статьи.

Ключевые слова: *стратегия, тактика, взаимная адаптация, гармонизация, стратегический форсайт, новый мировой порядок, интернальные и экстернальные факторы, Китай, Европейский союз.*

В современных условиях все более значимое влияние на развитие стран имеет их способность обеспечить благоприятные для этого внешние

международные условия. Серьезной проблемой в этом плане является различие между стратегическими планами и тактическими действиями стран на мировой арене. Примером в этой области может быть авантюра США в Ираке 2003-2011 годов, которая отличалась отдельными военными успехами, но стоила американцам тысяч жертв и миллиардов долларов. В связи с этим возникает вопрос, какова могла бы быть модель гармонизации стратегии и тактики внешней политики государства. Для разработки этой модели следует изучить, какие элементы могут ее составить, какова могла бы быть связь между ними и с помощью каких методов эту связь можно было бы обеспечить. Все эти вопросы и составляют содержание данной статьи.

Факторы, влияющие на внешнюю политику. Вопрос о факторах, влияющих на внешнюю политику государства, исследовался многими учеными. Согласно А.Дж. Тойнби, одним из важнейших таких факторов является внешний вызов [19. С. 736]. История состоит в движении от возникновения вызова к нахождению ответа на него. Тот, кто усвоит закономерности диалектики вызов – ответ, в том числе и зарубежного опыта в этом отношении, добьется постижения истории. Американский ученый Ч. Киндльбергер отмечает, что наряду с географическими и экономическими факторами, у динамично развивающейся страны складываются лидерские качества, которые становятся необходимым условием мирового развития [30. Р. 288]. Наличие такого лидера в окружении является мощным стимулом для соседних государств. Примером лидера в Европейском союзе может быть Германия. Было бы желательно, чтобы лидерские качества на евразийском пространстве развивала в себе Россия.

А.Г. Володин рассматривает внешние и внутренние факторы, которые подталкивали Китай к форсированной модернизации [3. С. 84-94]. Среди первых он отмечает быстрое экономическое развитие Японии, во многом основанное на содействии США. Вторым внешним фактором послужил опыт СССР по форсированной индустриализации, благодаря которой страна превратилась из сельскохозяйственной в индустриальную державу. Внутренний же фактор состоит в «собираании земель» в Китае, которому необходимо было преодолеть раздробленность и неоднородность экономического пространства страны. Эта проблема пока еще не решена в полной мере и по-прежнему стоит перед китайским обществом.

Подход А.Г. Володина к классификации факторов, влияющих на внешнюю политику государства, на внутренние и внешние довольно распространен. Согласно В. Хадсону и Б. Дью такие факторы можно разделить на экстернальные и интернальные [28. Р. 169-188; 4]. В каждой из этих групп указанные авторы выделили по четыре элемента. Среди экстернальных факторов это структура международной системы, активность международных организаций, поведенческие паттерны других государств и внешнеэкономическая ситуация. В группе внутренних факторов – это географическое

положение, экономическое развитие, политическая система и социально-культурные характеристики. Данная классификация факторов представляется нам наиболее приемлемой при анализе двусторонних международных отношений, поэтому рассмотрим эти факторы более подробно.

Каждый из этих факторов имеет существенное значение при определении страной своего внешнеполитического вектора. Так, структура международной системы может ограничивать либо давать свободу действий стране на международной арене. До распада СССР в 1991 году большинство стран примыкали либо к Советскому Союзу, либо к США. В короткий период конца XX века в условиях однополярности большинство стран следовало командам из Вашингтона. Сегодня имеет место этап становления нового мирового порядка, хотя еще пока неясно, какую форму он предпримет. Называют такие формы, как многополярность, полицентричность, многосторонность, бесполярность и другие [17. С. 143-158]. Предполагается, что в этом миропорядке будет более тесная связь между странами мира в рамках регионов [18. С. 471-475]. Как бы то ни было, международная обстановка, расстановка сил на мировой арене будет, как и раньше, играть существенную роль в определении внешнеполитической линии государств мира.

Фактор участия в международных организациях также крайне важен для внешней политики страны. Сущность международной организации состоит в ее способности обеспечивать согласование национальных интересов различных стран. Без такого согласования мир обречен на множество ежедневных конфликтов, если оставить этот вопрос на рассмотрение государствам на двусторонней основе. Конечно, участие в международной организации налагает на страну определенные обязательства. Например, при вступлении в Организацию Объединенных Наций страна подписывает Устав ООН, в котором содержатся, в том числе, и санкции, которые накладываются на страну-нарушителя. Но одновременно с обязательствами страны мира, участвуя в международных организациях, получают права и выгоды от коллективно-го решения важных международных вопросов [22. Р. 461-463].

Фактор поведенческого паттерна других государств также существенно влияет на внешнюю политику любой страны. Как правило, наибольшее влияние в этом плане оказывают позиции соседних государств, а также ведущих стран мира. Недаром в Концепции внешней политики Российской Федерации говорится о том, что приоритетным направлением для России является развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества, а также интеграционных процессов на постсоветском пространстве [10]. Этим объясняется внимание России к Таджикистану, который является частью данного пространства. Кроме соседних государств, Россия уделяет приоритетное внимание ведущим державам и интеграционным структурам мира – Китаю, США, Европейскому союзу, Индии и другим странам.

Наконец, последний из группы экстерналичных факторов – это внешняя экономическая ситуация. Судить о степени влияния мировой экономики

на положение в стране можно по показателю экспортной квоты. Чем она выше, тем выше зависимость страны от мирового рынка. Экспортная квота России в последние годы равна 25% валового внутреннего продукта. Считается, что это слишком большая зависимость от мирового рынка для великой страны. Для сравнения у Китая этот показатель составляет 18% ВВП, у Японии – 14%, у США – 8%. У Германии с учетом ее лидерской позиции в Европейском союзе и тесной интеграции участвующих в нем стран он равен 37% [9]. Особое внимание следует уделять зависимости страны от импорта в стратегических областях. Зависимость между странами может измениться в связи с формированием в настоящее время нового мирового порядка.

В группу интернальных факторов включаются географическое положение, экономическое развитие, политическая система и социально-культурный фактор. Географическое положение является очень существенным геополитическим фактором. Этот фактор включает в себя и размеры территории страны, и наличие природных ресурсов на этой территории, и выход к морю, и ряд других составляющих. Географический фактор более статичен по сравнению с развитием экономики и политическим развитием, но и он не стоит на месте. Например, Таджикистан в настоящее время считается находящимся в географическом тупике, но ставит перед собой задачу выйти в разряд транзитных стран. Благодаря этому интерес у стран мира к Таджикистану естественным образом возрастет. Географические факторы международных отношений подробно рассматриваются в геополитике, в рамках которой изучается их влияние на политику и военную мощь страны, а также в геоэкономике и геокультуре.

Экономическое развитие также существенно влияет на позиции страны в мире. Это особенно важно сегодня, когда мир входит в шестой технологический уклад. Те страны, которые не думают о развитии технологий, могут остаться на миросистемной периферии. Поэтому политики должны постоянно думать о способах экономического развития своих стран. Наиболее общим показателем экономического развития стран мира является валовой внутренний продукт на душу населения. Уровень экономического развития страны очень важен для ее взаимодействия с другими странами. Согласно теории интеграции, условием эффективности этого процесса является высокотехнологичное развитие стран-участниц, близкий или одинаковый уровень их технологического развития.

Фактор политической системы включают в себя тип политического режима, форму правления и партийную структуру. Этот фактор содержит ряд противоречий. Из известных политических режимов наиболее миролюбивым в соответствии с теорией демократического мира считаются демократии [24. Р. 51]. Однако США, будучи якобы самой демократичной страной в мире, бомбардировали Югославию, бесславно почти 20 лет ведут войну в Афганистане, устроили десятки «цветных революций» по всему миру.

Дискуссионным является и вопрос наиболее эффективной партийной системы. В западных странах обязательный принцип – это конкуренция партий и сменяемость власти. В Китае же существует одна бессменная правящая партия – Коммунистическая, восемь других политических партий не в состоянии составить ей конкуренцию. Однако эта страна за последние несколько десятилетий развивается гораздо успешнее западных стран, из бедной отсталой превратилась в первую экономику мира по показателям паритета покупательной способности, резко усиливает свою военную мощь и влияние в мире.

Наконец, социокультурный фактор отражает национальную идентичность населения страны. Национальная идентичность складывается в результате воздействия множества обстоятельств, таких как история, господствующие в обществе ценности, религия, система формирования общественного мнения и другие. В международных отношениях необходимо учитывать национальную идентичность. Так, премьер-министр Канады Дж. Трюдо ходит на дипломатические встречи в носках, цвет которых определенным образом учитывает идентичность партнера по встрече. Национальная идентичность может быть связана с региональной идентичностью, например, европейской или евразийской. В условиях формирования нового мирового порядка региональная идентичность приобретает все большую значимость. В ЕС уделяется очень большое внимание формированию и развитию идентичности европейца. В 2020 г. в новом составе Европейской комиссии имеется должность комиссара по продвижению европейского образа жизни (Promoting our European Way of Life). Развитие Евразийского экономического союза также требует дальнейшей разработки идеологии евразийства [16. С. 138-150].

Взаимосвязь факторов, влияющих на внешнюю политику страны. При формировании модели гармонизации стратегии и тактики внешней политики страны важным является вопрос не только о составе приведенных выше факторов, но и об их соотношении, взаимосвязях. Одни авторы подчеркивают первостепенное значение интернальных факторов. Например, К. Деруэн относит к ним состояние экономики, уровень безработицы и другие внутренние факторы [25. Р. 317-328]. Наглядным примером в этом плане могут служить США, где во внутривыборной предвыборной борьбе в 2020 году между двумя ведущими партиями – демократами и республиканцами – активно использовался внешнеполитический «российский фактор». Для того чтобы отвлечь избирателей от реальных внутривыборных проблем, им предлагали тезис о российском вмешательстве в выборы и иные американские проблемы. Другие авторы показывают высокую значимость на внешнюю политику экстерналильных факторов.

У каждой страны имеются индивидуальные особенности модели факторов, влияющих на ее внешнюю политику. В такой модели в той или иной

мере присутствуют все указанные выше группы факторов, но конфигурация моделей индивидуальна в зависимости от характерных черт конкретной страны. Например, А. Кожухов предложил политическую модель отношений России с Афганистаном, в которой движущей силой, или ее доминирующим элементом, было бы антинаркотическое сотрудничество двух стран [11]. Д.А. Демченко выявил необычайно сильное влияние религиозного фактора в модели внешней политики стран Персидского залива [4]. Таким образом, при похожем наборе факторов внешние политики стран мира разнообразны, потому что сборка их в одну модель у каждой из них имеет индивидуальные особенности. Эти индивидуальные особенности диктуются определенными закономерностями.

Одной из таких важнейших закономерностей является необходимость соответствия краткосрочных действий долгосрочным интересам, то есть согласование стратегии и тактики внешней политики страны. Наполеону приписывают высказывание, согласно которому «можно выиграть бой, но проиграть сражение; можно выиграть сражение, но проиграть кампанию; можно выиграть кампанию, но проиграть войну» [21]. Стратегия – это определение генерального пути, движения к долгосрочной цели, в то время как тактика – это способ движения по генеральному пути к цели, то есть форма реализации стратегии, используемые при этом средства и методы. «Стратегический» значит «имеющий длительную временную перспективу», в таком значении это слово употребляется в теории планирования, когда планы разделяют на стратегические (или перспективные) и тактические (или текущие), а также в теории принятия решений, где планы делятся на стратегические и оперативно-тактические. К. Грей определяет стратегию как «мост, который связывает военную мощь и политическую цель» [27. Р. 17].

В науке имеются различные наработки, касающиеся стратегии и тактики, скорости протекания жизненных процессов. Примером может служить теория истории жизни (Life history theory) [34] которая развивается на стыке двух направлений – эволюционной биологии и современной психологии. Биологи заметили, что одни организмы придерживаются тактического образа жизни, который характеризуется воспроизводством большого потомства при минимальных энергетических затратах на поддержание их жизнедеятельности. Другие организмы выбирают стратегии репродуктивного поведения, направленные на поддержание жизнедеятельности и заботу о немногочисленном потомстве [32. Р. 441-452; 26. Р. 1349-1360]. Высказывается предположение о том, что социальная ситуация развития, характеризующаяся непредсказуемостью и нестабильностью, способствует развитию стратегий быстрой жизни (fast life strategies), а стабильная и предсказуемая среда способствует формированию стратегий медленной жизни (slow life strategies) [23. Р. 25-51].

Такое же деление на медленный и быстрый оборот имеющихся ресурсов можно встретить в экономике. Известно классическое разделение инвести-

ций на прямые и портфельные. Прямые инвестиции направлены на долгосрочную, стратегическую цель получения контроля над перспективным активом. От них не ждут немедленной прибыли. Портфельные же инвестиции ставят своей целью получить выгоду «здесь и сейчас». Успех инвестиционной деятельности компании состоит в совмещении стратегии и тактики. Между тем, стратегия и тактика инвестиционной политики могут противоречить друг другу. В экономической науке разработаны различные модели эффективной инвестиционной политики, например, модель САРМ или индексная модель У. Шарпа [12. С. 67-70]. В условиях неопределенности бизнес предпочитает избегать долгосрочных стратегических вложений, ограничиваясь спекулятивными тактическими краткосрочными сделками.

Эти выводы эволюционной биологии, психологии и экономики можно использовать в политологическом анализе современных международных отношений. Сегодня в мире господствуют тенденции конфликтности, неопределенности, нестабильности, неустойчивости, турбулентности [13. С. 83-94]. Они отражаются на политике государств в их международных отношениях и обеспечении международной безопасности. Например, в настоящих условиях ставится вопрос о том, стоит ли сохранять постоянные военно-политические союзы или лучше формировать временные военные коалиции для решения конкретных проблем безопасности [1. С. 32-45]. В этом случае постоянные военно-политические организации типа НАТО и ОДКБ можно отнести к стратегии, в то время как Международные коалиционные силы в Ираке или Астанинский формат по Сирии – к внешнеполитической тактике.

Такой вывод является не только плодом теоретических размышлений, подобный ход событий отмечают и политики. Так, рассуждая о том, что отношения между Россией и Турцией являются скорее ситуативным союзом, чем стратегическим партнерством, заместитель министра иностранных дел России А.В. Грушко ответил: «Я бы не вычленил отношения России и Турции из общего контекста международных отношений, которые находятся не в очень хорошем состоянии. По мере ослабления коллективных начал политика начинает уходить и в ситуативные альянсы» [8]. В этой мысли следует задуматься над тем, каковы могут быть причины ослабления коллективных начал в деятельности структур международной безопасности и имеет ли эта тенденция место во всем мире или в отдельных его регионах.

Несомненным является интерес к вопросу о соотношении между стратегией и тактикой внешней политики государства. На этот счет имеются различные точки зрения. Д. Дрезнер и его коллеги считают, что время долгосрочных стратегий ушло в прошлое [5. С. 83-95]. По их мнению, стратегия теряет смысл ввиду быстрых и неожиданных изменений в международной обстановке. Международные отношения сведутся к беспорядочным ситуативным договоренностям, которые будут недолговечными. В новых

условиях указанные авторы предлагают положить в основу развития международных отношений принципы децентрализации и инкрементализма. Значение первого принципа общепринято, а под последним они понимают текущую корректировку политики в зависимости от ситуации. Основной акцент в этом методе делается на способность быстро адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Д.Г. Евстафьев и А.М. Ильницкий также пишут о противоречии между кратко- и долгосрочными приоритетами развития стран мира [7. С. 14-23]. По их мнению, краткосрочные приоритеты состоят в сохранении и усилении социально-экономической устойчивости страны, обеспечении ее хотя бы умеренного экономического роста. Долгосрочным же приоритетом ведущих мировых держав является формирование вокруг себя защищенного геоэкономически значимого пространства. Для его достижения существенно возрастает значение военно-силовых инструментов внешней политики. Как правило, растут материальные затраты на поддержку окружающих мировой или региональный центр стран. Это положение вряд ли вызовет споры. В НАТО львиную долю расходов несут США, в Европейском союзе – Германия, в ЕАЭС, ОДКБ и СНГ – Россия. По мнению указанных авторов, наиболее острым сегодня является вопрос о снижении уровня стратегической, то есть долгосрочной, предсказуемости.

Однако далеко не все согласны с мнением об исчерпании значимости стратегии в современном мире. Можно вспомнить высказывание Нобелевского лауреата А. Эйнштейна: «Тот, кто хочет видеть результаты своего труда немедленно, должен идти в сапожники» [14]. А.Н. Михайленко и П.Э. Бирюков на примере решения проблем развития международных транспортных коридоров показывают, что для успеха в их функционировании им необходимо развивать свою стратегичность. Под стратегичностью они понимают «ключевое свойство долгосрочной научно обоснованной программы безопасного политического, социально-экономического, научно-технологического и культурного развития страны на основе наиболее эффективной реализации ее национальных интересов. Важнейшей составляющей стратегичности является соответствие тенденциям мирового развития» [15. С. 93-94, 89-103]. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание при согласовании стратегии и тактики внешнеполитической деятельности страны.

Оба эти компонента – стратегия и тактика действий страны на мировой арене – важны, но не каждый сам по себе, а в одной упряжке. С учетом имеющегося между ними противоречия для эффективности международных отношений необходимо их гармонизировать. Гармонизация означает согласование разнородных элементов в одно целое, в одну систему. В греческом языке происходящий от слова «гармония» глагол «хармодзо» имеет много значений, в том числе прилаживать, приспособлять; сплачивать, скреплять;

устанавливать, вносить стройность; подходить, годиться [6. С. 237]. В философии под словом «гармония» подразумевается «категория, отражающая закономерный характер развития действительности, внутреннюю и внешнюю согласованность, цельность и соразмерность содержания и формы эстетического объекта» [20. С. 323]. Для обеспечения такой согласованности необходимо использовать определенные средства и методы.

Модель гармонизации внешнеполитической стратегии и тактики.

Модель гармонизации внешнеполитической стратегии и тактики должна основываться на той или иной политической теории. В качестве такой теории можно предложить подход известного российского ученого В.Ф. Венды, в соответствии с которым универсальным системообразующим фактором любой системы являются процессы взаимной адаптации между ее компонентами [2. С. 96]. Такой подход во многом соответствует классическому пониманию системы не только как совокупности элементов, но и важности связей между ними, которые и делают из элементов совокупности компоненты системы.

Применительно к международной деятельности взаимная адаптация влияющих на нее факторов может быть представлена на примере Китая. С одной стороны, США фактически объявили Китаю технологическую войну, и это означает резкое ухудшение экстернального фактора внешнеэкономической ситуации. Поэтому Пекин принимает решение по переносу акцента в своей экономической политике на развитие внутри страны, то есть на интернальный фактор экономического развития. Одновременно государство направляет усилия на укрепление интернального фактора социально-культурных характеристик, поскольку заметная неравномерность развития регионов Китая грозит усилением социальной напряженности в стране.

Связь между гармонизацией и адаптацией прослеживается и в исследованиях других ученых. Как известно, латинское слово «*adapto*» означает приспособление живых организмов к окружающей среде. Представители теории необихевиоризма определяли адаптацию как состояние, при котором потребности индивида и общества полностью взаимозависимы [31. Р. 237-245]. Такая полная взаимозависимость означает ни что иное, как гармонию. Другими словами, целью процесса адаптации является достижение гармоничного состояния. Понимание необходимости достижения цели заставляет субъекта находить соответствующие средства и методы для ее достижения.

С этой точки зрения можно посмотреть на политику Евросоюза. ЕС считает, что в нынешних условиях необходимо усиливать стратегичность своей политики, более тесно увязывая краткосрочные действия с долгосрочными целями внешнеполитической деятельности. Для этого Европейская комиссия разработала систему Стратегического форсайта (Strategic Foresight). Первый доклад в рамках этой системы был выпущен в сентябре 2020 года [33]. В дальнейшем планируется выпускать такие доклады

ежегодно. Организационно система Стратегического форсайта замыкается на вице-президента Европейской комиссии по межинституциональным отношениям и форсайту.

В ЕС не случайно обратили внимание на форсайт. В последнее время в деятельности Союза возникло слишком много противоречий между долгосрочными стратегическими целями и краткосрочными тактическими действиями. Примером может служить вопрос о приеме беженцев из терпящих бедствия стран, на который некоторые страны-члены ЕС ответили категорическим отказом, хотя долгосрочные цели Союза состоят в том, чтобы добиться европейских ответов на возникающие вызовы и противодействию на угрозы. Еще более ярко это противоречие проявилось в реакции европейских стран на пандемию коронавируса в 2020 году. Вместо общих действий европейцев каждая страна приняла свои меры, закрыла свои границы, а более богатые страны ЕС не согласились финансировать помощь нуждающимся в этом своим союзникам. И только впоследствии странам Евросоюза удалось найти решение, которое устроило всех [29].

Европейцы считали, что наилучшим средством примирения долгосрочных политических целей и краткосрочных внешнеполитических действий является форсайт. Эта методика исходит из того, что будущее многовариантно, и выбор из этих многих вариантов – дело человеческих голов и рук. Чтобы выбрать наилучший из этих многих вариантов, нужно собирать в группу разработчиков прогноза тех, кто в этом лучше всего разбирается и тех, кому предстоит с этим работать, то есть всех наиболее заинтересованных и компетентных в исследуемой сфере. Определив наиболее предпочтительный вариант из всех возможных, они смогут уяснить, каким образом можно эту будущую возможность превратить в действительность.

Заключение. Таким образом, во внешней политике государства важнейшей закономерностью является необходимость согласования стратегии и тактики. Разнобой в стратегии и тактике внешнеполитической деятельности приводит к отрицательным результатам. Однако эта необходимость не реализуется автоматически, требуются понимание ее важности и усилия по гармонизации стратегии и тактики. Модель гармонизации в качестве элементов содержит основные факторы, влияющие на внешнюю политику страны. Связи между факторами необходимо гармонизировать, что достигается за счет взаимной адаптации компонентов системы внешнеполитической деятельности страны. В качестве одного из основных методов такой адаптации целесообразно использовать стратегический форсайт.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богданов К.* Время ad hoc? Гибкие коалиции и наследие Дональда Рамсфелда // Россия в глобальной политике. Март-апрель 2019. № 2.

2. *Венда В.Ф.* О законах взаимной адаптации и трансформации систем // Вопросы философии. 2017. № 2.

3. *Володин А.Г.* Внешние вызовы как движущая сила внутреннего развития: мировой опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 11.

4. *Демченко Д.А.* Религиозный фактор во внешней политике стран Персидского залива. Дисс... канд. полит. н. Пятигорск, 2020.

5. *Дрезнер Д., Кребс Р., Швеллер Р.* Конец большой стратегии. Америка должна думать о малом // Россия в глобальной политике. Июль-август 2020. Том 18. № 4 (104).

6. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2-х томах / Под редакцией С.И. Соболевского; с приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Том 1.

7. *Евстафьев Д., Ильницкий А.* Пять гипотез о будущем мире // Международная жизнь. 2020. № 8.

8. Интервью заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко информационному агентству «Интерфакс», 16 июля 2020 года // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4238766.

9. *Ивантер А.* Чем пахнут ремесла // Эксперт. 2020. № 40.

10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248.

11. *Кожухов А.В.* Политическая модель современных российско-афганских отношений. Дисс... канд. полит. н. Москва, 2019.

12. *Коноплева Ю.А.* Формирование инвестиционного портфеля на основе модели САРМ // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2016. № 1 (52).

13. *Михайленко А.Н.* Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41).

14. Мысли, афоризмы и шутки знаменитых мужчин (изд. 4-е, дополненное) / Составитель Душенко К.В. М.: Эксмо, 2004.

15. *Михайленко А.Н., Бирюков П.Э.* Стратегичность международных транспортных коридоров // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 6 (132).

16. *Михайленко А.Н., Ильина М.Ю.* Актуальные вопросы развития Евразийского экономического союза // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5.

17. *Михайленко А.Н.* Контуры нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 8 (134).

18. Михайленко А.Н. Формирование нового мирового порядка и интеграционные процессы в ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2019. Вып. 2.
19. Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. Москва: Прогресс, 1991.
20. Философская энциклопедия: в 5-и томах / Главный редактор Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960. Том 5.
21. Цитаты известных личностей // <https://ru.citaty.net/tsitaty/626507-na-poleon-i-bonapart-mozhno-vyigrat-boi-no-proigrat-srazhenie-mozhno/>.
22. Abbott K.W., Snidal D. Why States Act through Formal International Organizations // International Security and Conflict / Ed. by B. Russett. Abingdon: Routledge, 2016.
23. Brumbach B.H., Figueredo A.J., Ellis B.J. Effects of harsh and unpredictable environments in adolescence on development of life history strategies: a longitudinal test of an evolutionary model. Human Nature. 2009. No. 20.
24. Chernoff F. The Study of Democratic Peace and Progress in International Relations // International Studies Review. 2004. No 6.
25. Derouen K. Presidents and the Diversionary Use of Force: A Research Note // International Studies Quarterly. 2000. Vol. 44. № 2.
26. Figueredo A.J., Vásquez G., Brumbach B.H., Sefcek J.A., Kirsner B.R. & Jacobs W.J. The K-Factor: Individual differences in life history strategy. Personality and Individual Differences, 2005. No. 39.
27. Gray Colin S. Modern Strategy. Oxford: Oxford University Press, 1999.
28. Hudson V.M., Day B.S. Foreign Policy Analysis: Classic and Contemporary Theory. Lanham: Rowman & Littlefields, 2020.
29. In sickness and in health: European cooperation during the coronavirus crisis // https://www.ecfr.eu/publications/summary/in_sickness_and_in_health_european_cooperation_during_coronavirus_crisis.
30. Kindleberger Ch.P. World Economic Primacy: 1500 to 1990. New York, Oxford: Oxford University Press, 1996.
31. Moore J.P., Vitré-Gibouin M., Farrant J.M., & Driouich A. Adaptations of higher plant cell walls to water loss: drought vs desiccation // Physiologia plantarum. 2008. Vol. 134. Issue 2.
32. Rushton J.P. Differential K theory: The sociobiology of individual and group differences. Personality and Individual Differences, 1985. No. 6 (4).
33. Strategic Foresight Report – Charting the course towards a more resilient Europe. 09 September 2020 // https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/strategic-foresight_en#report-on-strategic-foresight.
34. Stearns S. The Evolution of Life Histories. Oxford; New York: Oxford University Press, 1992.

A.N. MIKHAYLENKO

*Doctor of Political Sciences, Professor,
chairman, International security and Russian foreign
policy chair at the Department of national security, Institute
of law and national security, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,*

Moscow, Russia

D.A. UMEROV

*Postgraduate student of International security
and Russian foreign policy chair at the Department of
national security, Institute of law and national security,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia*

MODEL OF HARMONIZING STRATEGY AND TACTICS OF RUSSIAN FOREIGN POLICY

In modern conditions, the significance of ability to provide favorable external conditions for national development is increasing. A serious problem in this regard is discrepancy between states' strategic plans and tactical actions on world stage. An example in this area can be the US adventure in Iraq in 2003-2011, which marked some military successes, but cost Americans thousands of victims and billion dollars of losses. In this regard, the question arises, what kind of model for harmonizing strategy and tactics of states' foreign policy could be. To develop this model, it is necessary to learn what elements can make it up, what relationship between them could be and with the help of what methods this relationship could be provided. Answers to these questions make up the content of this article.

Key words: *strategy, tactics, mutual adaptation, harmonization, strategic foresight, new world order, internal and external factors, China, European Union.*

доктор философских наук,
профессор кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

аспирант кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЯПОНИИ

Исследование кибербезопасности актуально для Японии, так как страна не обладает достаточными технологиями в этой сфере и лишь в последнее время предпринимаются активные действия в данном направлении. Анализ уровня кибербезопасности страны и правительственных мер в области кибербезопасности значимы с точки зрения прогнозирования дальнейшего курса внутренней и внешней политики Японии. Изучение особенностей информационной защищенности страны также представляет большой интерес в научном и практическом аспекте. Таким образом, предмет нашего исследования – процесс обеспечения мер безопасности для сохранения конфиденциальности, целостности и доступности данных в Японии, рассматривается в ракурсе работ российских и японских ученых с использованием эмпирического материала.

Ключевые слова: кибербезопасность, цифровизация, Япония, политический процесс, информационная безопасность.

Распространение информационно-коммуникационных технологий в различных сферах жизнедеятельности современных обществ позитивно влияет на их стабильное развитие. Однако новые информационные вызовы и угрозы безопасности актуализируют проблему международной информационной безопасности, превращая ее практически в глобальную проблему, решение которой требует консолидированных усилий всех государств. Проблематика международной информационной безопасности находит отражение в деятельности и документах международных организаций и форумов: ООН, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, НАТО и др. Национальная политика государств, направленная на обеспечение информационной безопасности и междуна-

родное взаимодействие в данной сфере, все чаще является объектом исследования как на экспертном, академическом, так и на политическом уровне. Возрастающая роль информационной составляющей в обеспечении национальной безопасности и международной безопасности существенно актуализируют данную проблему.

Поскольку кибербезопасность Японии представляет собой проблему, мало исследованную российскими учеными, мы опираемся в основном на работы японских исследователей и политиков, доклады и статьи, опубликованные японскими правительственными органами, а также материалы, выпущенные международными организациями, такими, например, как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Североатлантического договора.

Целью нашего исследования является определение роли кибербезопасности на современном этапе развития японского общества в условиях осуществления крупномасштабной цифровизации.

В литературе термин «кибербезопасность» используется достаточно широко, его определения часто разнятся, привязаны к контексту, субъективны и иногда неинформативны. Существует мало работ с точным определением данного термина. Отсутствие лаконичной, общепринятой дефиниции, которая отражала бы многомерность кибербезопасности, потенциально препятствует технологическим и научным достижениям, укрепляя преимущественно технический взгляд на проблему. Данное обстоятельство требует разделения дисциплин и особенностей подходов для комплексного решения сложных вопросов в этой сфере. Анализ изученной литературы, позволяет сделать вывод, что в мировой японистике мало исследований по данной тематике, несмотря на то, что проблема кибербезопасности в Японии имеет большое значение и широко освещается в японских и англоязычных средствах массовой информации. В англоязычной литературе можно отметить исследование сотрудника Центра стратегических и международных исследований Джеймса Эндрю Льюиса «Сотрудничество США и Японии в области кибербезопасности», доклад Вильгельма М. Воссе «Кибердипломатия Японии» и другие.

Очевидно, что в современных условиях мирового развития набор технических решений, обеспечивающих кибербезопасность уже недостаточен, только эти меры не позволяют полностью урегулировать проблему информационной безопасности. Множество практических примеров и научных работ демонстрируют, что в экономике, социологии, политике и других областях знаний остается большое количество нерешенных вопросов, связанных с кибербезопасностью. Фредрик Чанг, бывший директор по исследованиям в Агентстве национальной безопасности США, говорит о междисциплинарном характере кибербезопасности следующее: «Наука кибербезопасности предлагает много возможностей для достижений, осно-

ванных на междисциплинарном подходе. Люди должны защищать машины, которые атакуют другие люди, использующие машины. Таким образом, в дополнение к таким важнейшим традиционным областям, как информатика, электротехника и математика, необходимы разработки из других сфер» [6]. В попытке прийти к более широкому приемлемому определению, которое могло бы соответствовать истинному междисциплинарному характеру кибербезопасности, мы рассмотрели соответствующую литературу, чтобы обозначить диапазон определений, а также выделить аспекты кибербезопасности. Изученная литература охватывает широкий спектр работ в разных областях знаний, включая информатику, инженерию, политические исследования, психологию, менеджмент и социологию. Наиболее информативны оказались труды по техническим дисциплинам. В меньшей степени проблема защиты в киберпространстве затрагивается в работах по политике, праву, государственному управлению, менеджменту, социологии.

Следует отметить, что в Японии публикуется большое количество работ по кибербезопасности, особенно выросло количество публикаций по безопасному пользованию Интернета, в которых кибербезопасность чаще рассматривается как обеспечение защиты от кибератак. Однако, в целом, японские авторы отмечают, что технические меры – это лишь часть системы кибербезопасности, основную задачу видят в создании безопасной интернет-среды для пользователей Интернета, информационного и коммуникационного оборудования.

Характеризуя основные концептуальные подходы к рассматриваемой проблеме, следует назвать работу Такаити Санаэ «Защитим жизнь от кибератак!», в которой отражено понимание проблемы японскими властями. Автор книги – бывший министр внутренних дел и коммуникаций, ее работа опубликована в 2018 году при поддержке Либерально-демократической партии Японии. По мнению автора Такаити Санаэ, низкий уровень кибербезопасности в стране особенно критичен в следующих областях: обмен информацией; воздушный и железнодорожный транспорт и логистика; медицина; предоставление коммунальных услуг; химия и нефтехимия; финансы; правительство и административные услуги; обеспечение безопасности государства.

С понятием «кибербезопасность» тесно связано понятие «киберпреступность». Национальное полицейское агентство Японии определяет киберпреступления как «преступления с использованием информационных технологий и коммуникационных сетей, и преступления, направленные на компьютерные или электромагнитные записи».

Хамуро Эйтаро, главный инспектор по кибербезопасности Национального полицейского агентства, представил в своей книге «Введение в кибербезопасность» классификацию киберпреступлений, среди них: акты несанкционированного доступа, действия, направленные на вмешательство

в работу компьютерных систем, фальсификация электромагнитных записей, реклама и создание пирамидальных финансовых схем, шантаж, клевета и т.д. [5. С. 4]. Автор книги также поясняет, что японские власти включают в понятия «кибератака» и «кибертерроризм», парализующие функционирование критически важных инфраструктур, и «киберинтеллект», способный похищать конфиденциальную информацию у государственных компаний.

Таким образом, у японских исследователей и политиков существует теоретическое наполнение термина «кибербезопасность», разработана подробная классификация видов киберпреступлений, издается соответствующая литература.

Значимость проблематики информационной безопасности для политики Японии подтверждает принятый в 2014 году Основной закон о кибербезопасности и другие государственные инициативы в этой сфере. Данным законом в Японии определяется основное толкование «кибербезопасности». Закон формулирует понятие следующим образом: «необходимые меры, которые следует предпринять, чтобы безопасно управлять информацией, например, предотвращение утечки, исчезновения или повреждения информации, которая хранится, отправляется, передается или принимается электронными, магнитными или другими средствами, не распознаваемыми естественными воспринимающими функциями, и гарантировать безопасность и надежность информационных систем, информации и телекоммуникационных сетей (включая необходимые профилактические меры против злонамеренных действий, направленных на электронные компьютеры через информационную сеть или средства хранения информации); и поддерживать их в исправном состоянии» [3].

Закон состоит из четырех глав: Основные положения, Стратегия по обеспечению кибербезопасности, Основная политика в отношении кибербезопасности, Стратегические штабы по кибербезопасности. Каждая глава состоит из нескольких статей, всего в законе 35 статей.

В первой главе японские законодатели определяют главную цель закона – всестороннее и эффективное продвижение национальной политики в области кибербезопасности в условиях развития современных информационно-коммуникационных сетей и технологий, в условиях усиления угроз мировой кибербезопасности. Закон определяет основные принципы национальной политики в области кибербезопасности; уточнение обязанностей правительства, местных властей и других вовлеченных сторон; создание стратегических штабов по кибербезопасности и т.д.

Вместе с Основным законом о формировании передового информационного и телекоммуникационного общества (Закон № 144 от 2000 г.) закон 2014 года направлен на повышение экономического и социального уровня японского общества, на его устойчивое развитие. Также данный закон способствует обеспечению национальной безопасности и международной информационной безопасности.

Согласно основному закону, одним из важнейших принципов проведения политики кибербезопасности является эффективная координация действий между различными заинтересованными сторонами, включая правительство, местные органы власти и операторов СП, то есть операторов критической информационной инфраструктуры. Под последними понимаются предприятия, предоставляющие инфраструктуру, которая является основой условий жизни людей и экономической деятельности. Согласованные действия властей и частных операторов крайне важны, так как функциональные сбои и разрушения информационной инфраструктуры могут оказать огромное негативное влияние на жизнедеятельность людей. Также следует отметить и направленность закона на повышение уровня осведомленности каждого члена общества о проблемах в этой области и возможности поощрения граждан за добровольные действия в целях предотвращения ущерба, причиненного угрозами кибербезопасности. Данные меры способствуют созданию устойчивой системы, способной быстро восстанавливаться после повреждений или неисправностей.

Основной закон о кибербезопасности регулирует и зоны ответственности за реализацию политики. Эти обязательства подразделяются на несколько уровней: государство в целом; местное правительство (органы самоуправления, муниципалитеты); операторы критических информационных инфраструктур (СП-операторы); бизнес-структуры, связанные с киберпространством, и другие организации; образовательные и исследовательские организации; собственно, граждане Японии.

На всех уровнях ответственности предполагается сотрудничество и эффективная координация действий. Например, университеты должны прилагать усилия для развития людских ресурсов, специализирующихся на кибербезопасности, распространять результаты исследований в этой области и сотрудничать с правительством и местными органами власти [3]. Что касается конкретных действий правительства, то согласно статье 10, Кабинет министров должен предпринимать действия по разработке общих стандартов мер кибербезопасности для государственных административных органов; совместному использованию информационных систем государственными административными органами; мониторинга и анализа вредоносных действий в отношении информационных систем через информационно-коммуникационные сети или электронные или магнитные носители данных; реагированию на угрозы кибербезопасности совместно с соответствующими отечественными и зарубежными сторонами; по обмену информацией между административными органами, развивать курсы и тренинги по кибербезопасности [3].

Особенностью данного закона является его стратегическая составляющая, направленная на достижение основной цели политики кибербезопасности и на решение других вопросов, необходимых для всестороннего

и эффективного продвижения политики кибербезопасности. Функция координатора действий по составлению базового плана и его реализации передается вновь образованному Стратегическому штабу, органа государственной власти, который создан под эгидой Кабинета министров. В функции штаба входит разработка стратегии кибербезопасности и продвижение ее реализации, установление стандартов мер кибербезопасности для государственных административных органов и независимых административных агентств, а также проведение процедур анализа, аудита и оценки мер кибербезопасности на основе принятых стандартов. Среди других обязанностей штаба закон предусматривает: оценивание контрмер, предпринимаемых в критических случаях, затрагивающих государственные административные органы, включая проверку фактов и информации с целью определить источник проблемы. Помимо исполнения функций, перечисленных выше, ожидается, что штаб также включен в процесс изучения и исследования кибербезопасности, установления межправительственных планов, бюджета, составления рекомендаций для административных органов, координировать исполнение стратегии кибербезопасности. Принятый комплекс мер подчеркивает значимость и взаимосвязь информационной безопасности и национальной безопасности. Стратегический штаб должен функционировать в тесном сотрудничестве с Национальным советом безопасности, а также со Стратегическим штабом по продвижению передового информационного и телекоммуникационного сетевого общества.

Пост главы Стратегического штаба занимает генеральный секретарь Кабинета министров, который назначается премьер-министром. При необходимости он может давать рекомендации главам соответствующих административных органов, а также запрашивать отчеты о проделанных исправлениях. В отдельных случаях глава штаба может представлять на рассмотрение премьер-министра отчеты для принятия им окончательного решения. Членами Стратегического штаба являются: председатель Государственной комиссии общественной безопасности; министр внутренних дел и связи; министр иностранных дел; министр экономики, торговли и промышленности; министр обороны; а также и другие государственные министры. Состав штаба, включение в него ключевых фигур правительства подчеркивает значимость проблемы внутри страны, необходимость усиления кибербезопасности как условия дальнейшей цифровизации.

Важнейшим пунктом Основного закона является указание на необходимость содействия исследованиям и новым технологическим разработкам, что особенно важно для современной Японии, которая представляет собой страну, зависимую от импорта многих ресурсов, в том числе и продовольственных. Сегодня известно, что большинство высокотехнологичных готовых изделий и разнообразных деталей являются реимпортом продукции японских ТНК, произведенных за рубежом. По оценкам экономистов, се-

рьезной проблемой для Японии является низкий уровень импорта прямых инвестиций. В задачи нашего исследования не входит анализ экономической ситуации, которая, однако, является основой стабильного развития, а ее особенности в условиях современной глобализации требуют глубокого изучения. Но специфика страновой экономики на данном этапе в сочетании с демографической ситуацией, а сегодня более 26% – это пожилое население, требуют разработки новых политических и экономических подходов к формированию трудовых ресурсов и научно-технологическому развитию страны. В связи с этим необходимо развитие такой сферы экономики Японии, как НИОКР, что напрямую связано с инвестициями собственно в НИОКР, а также в образование и соответствующую инфраструктуру. Эффективность современных решений зависит от разработок и внедрения высоких технологий.

Анализируя политику Японии в сфере кибербезопасности, необходимо вспомнить и Акт о защите личной информации (закон № 57 от 2003 г., измененный в 2015 г.). Акт зафиксировал, что правильное распоряжение личной информацией и ее надежная защита способствуют повышению качества жизни в Японии. Основные обязанности по обеспечению безопасности личной информации возлагаются на правительство и местные органы власти, которые должны своевременно реагировать на появляющиеся жалобы в отношении некорректной обработки персональных данных. Законом запрещается приобретать информацию путем обмана или иными неправомерными способами, а также предоставлять сведения третьим лицам, исключая случаи, которые предусмотрены иными законами. Нарушение закона предусматривает наказание. Например, сотрудники компаний, занимающиеся обработкой личной информации, при предоставлении или краже данных с целью получения незаконной прибыли наказываются лишением свободы на срок до одного года или штрафом до 500 000 иен (около 4 657,44 долларов США) [2].

Наказания также предусмотрены Законом о запрете несанкционированного компьютерного доступа, принятым в 1999 году, последние поправки были внесены в 2013 году. Закон возлагает ответственность на такие ведомства, как Национальная комиссия по общественной безопасности, министерство внутренних дел и коммуникаций и министерство экономики, торговли и промышленности. Данные ведомства должны содействовать защите критически важных компьютеров от актов несанкционированного доступа к ним, предавать гласности статус возникновения подобных случаев и ход осуществления научных исследований и разработок в области технологий, связанных с функциями контроля доступа, не реже одного раза в год. Также они должны содействовать любым организациям, которые занимаются усилением контроля и разработкой методов обеспечения безопасности. Закон также содержит перечень наказаний, которым могут быть под-

вергнуты лица его нарушившие. Самый незначительный штраф составляет 300 000 иен (около 2785.83 долларов США), самый крупный – миллион иен (около 9 314,88 долларов США), предусмотрено и тюремное заключение от менее одного года до трех лет [1].

Уголовный кодекс Японии также регулирует незаконную деятельность в киберпространстве. Так, например, в статье 163-162, лицо, которое с целью ненадлежащего управления финансовыми средствами другого лица создает без должного разрешения электромагнитную запись, предназначенную для использования при таком ненадлежащем управлении, и закодированную в кредитной карте или других картах для оплаты расходов на товары или услуги, наказывается лишением свободы на срок не более 10 лет или штрафом не более 1 000 000 иен [4].

Планируемая цифровая трансформация общества возможна при обеспечении национальным правительством определенных мер. Это улучшение базы и условий для исследований; содействие фундаментальным исследованиям в области технологической безопасности, а также научным разработкам базовых технологий; укрепление сотрудничества между национальными исследовательскими институтами, университетами, частным сектором и другими сторонами; обмен знаниями, опытом и результатами исследований на международном уровне. Необходимость подготовки соответствующих кадров предполагает взаимодействие и координацию с университетами, технологическими колледжами, частными предприятиями и другими организациями в области обеспечения приемлемых условий занятости в сфере кибербезопасности, что позволит рабочей среде стать достаточно привлекательной для удовлетворения профессиональных способностей и ценностей. Также японские законодатели убеждены в том, что необходимо повышать уровень общественной осведомленности путем организации мероприятий с целью распространения информации и знаний в области кибербезопасности.

Реализация политики кибербезопасности осуществляется в рамках Стратегии кибербезопасности. Последняя Стратегия кибербезопасности Японии была принята в 2018 году. Таким образом, рассмотренная нормативно-правовая база и анализ отдельных факторов влияния позволяют отметить эволюцию политики Японии, стремление японского правительства решать задачи по ускорению научно-технического прогресса и обеспечению информационной безопасности. Японская «Белая книга по науке и технике» представляет оценки показателей развития и отдельных факторов влияния на научно-техническое развитие страны (например, «гидзюцуреку» – достигнутый уровень научно-технического развития, «гидзюцукайхацуреку» – возможности к дальнейшему повышению этого уровня).

Условия современной глобализации усиливают обострение борьбы за доступ к природным ресурсам, разрыв экономического и технологиче-

ского развития между странами, что существенно влияет на социальную дифференциацию. Очевидна взаимозависимость цифровизации и процессов развития общества, сдвиги в «научно-технической структуре» приведут к структурным изменениям в японском обществе. Также необходимо учитывать, что интенсивное развитие информационных технологий является инструментом реализации новых вызовов, таких как международный терроризм, транснациональная преступность, миграция. Развитие цифровизации ускоряет и усиливает возможность влияния на массовое сознание. Эволюция японской политики в рассмотренной сфере свидетельствует о понимании необходимости осуществления комплекса мер по обеспечению информационной безопасности внутри страны и одновременно по расширению взаимодействия стран в области кибербезопасности в целях продвижения национальных интересов Японии на международной арене. Комплексное обеспечение национальной безопасности Японии в современных условиях развития включает информационную безопасность как основу для обеспечения разных аспектов национальной безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Закон о запрете несанкционированного компьютерного доступа // https://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=411AC0000000128.
2. Закон о защите личной информации // https://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=415AC0000000057.
3. Основной закон о кибербезопасности Японии // https://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=426AC1000000104.
4. Уголовный кодекс Японии // https://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=140AC0000000045.
5. *Хамуро Э.* Введение в кибербезопасность. Keio University Press, 2018.
6. *Chang F.R.* Guest Editor's Column // *The Next Wave*. 2012. № 19 (4).

N.S. KULESHOVA

*Doctor of philosophical science,
Professor of the Department of Political Science
of the East of the Institute of Asia and Africa,
Moscow State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

A.D. SANZHIEWA

*Graduate student of Department of Political
Science of the East of the Institute of Asia and Africa,
Moscow State University Lomonosov,
Moscow, Russia*

CYBERSECURITY AS A CONDITION FOR DIGITALIZATION IN JAPAN

The research of cybersecurity is relevant to Japan, as the country does not possess sufficient technology in this area and only recently active actions have been taken in this direction. Analysis of the country's level of information security and government measures in the field of cybersecurity is significant in terms of forecasting the future course of Japan's domestic and foreign policies. The study of the country's information security is also of great scientific and practical interest. Thus, the subject of our study – the process of providing security measures to preserve the confidentiality, sustainability and availability of data in Japan – is examined from the perspective of the works of Russian and Japanese scholars using empirical material.

Key words: *cybersecurity, digitalization, Japan, political process, information security.*

ВИРТУАЛЬНЫЙ ХАЛИФАТ: МЕДИА ТЕХНОЛОГИИ «ИГИЛ»¹

Учитывая то внимание, которое современные террористические организации уделяет своей деятельности в средствах массовой информации, представляется необходимым изучить стратегию и методы, позволившие радикалам преуспеть в использовании современных СМИ в своих целях. Методологическую основу данного исследования составили такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Среди использованных политологических подходов следует особенно отметить набирающий популярность в науке сетевой подход. В рамках коммуникативного подхода изучались особенности новых средств массовой информации в целом. В работе получил свое отражение и институциональный подход: новые медиа рассматриваются в том числе и в качестве современного социального института. Кроме того, в работе был применен сравнительный анализ, позволивший сопоставить различные точки зрения и подходы к оценке медиа организации «ИГИЛ». Понимание того, каким образом «ИГИЛ» пытается позиционировать себя на международной арене, важно в плане борьбы с терроризмом. В статье проводится сравнительный анализ двух медиа продуктов радикальной группировки – журнала «Дабик» и бюллетеня «ан-Наба». Особую роль в популяризации «ИГИЛ» сыграл именно журнал «Дабик». Анализ его содержания и применяемых при его производстве медиа технологий является ключом к пониманию успехов вербовки «ИГИЛ». Различные приемы и технологии воздействия на читателей использовались «Дабиком» для дальнейшей глобализации развязанного «ИГИЛ» конфликта, демонстрируя, якобы, жизнеспособную альтернативу жизни на Западе, внушая большие надежды сторонникам в разных странах мира и стимулируя их иммиграцию под знамена утопического халифата. Анализ технологий осуждения государственности в английских и арабских публикациях «ИГИЛ» позволяет автору заключить, что группа использовала методы сегменти-

---

¹ Статья написана в рамках гранта РНФ 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

рования с различными визуальными аргументами для нацеливания на разные группы аудитории.

Ключевые слова: международный терроризм, «ИГИЛ», новые СМИ, пропаганда, информационная безопасность.

Основные стратегии гибридной и опосредованной войны были известны на протяжении всей истории, но в последние годы новые медийные технологии меняют природу современных конфликтов быстрыми темпами. Интернет СМИ функционируют как новая стратегическая концепция, формирующая индивидуальное участие в сообществах и политических институтах [4]. Такие незаконные группировки, как «ИГИЛ», могут использовать технологии, чтобы эффективно укреплять базу поддержки, пропагандировать свою идеологию, собирать финансы и вербовать сторонников.

Медиа стратегии «ИГИЛ» представляют собой чрезвычайно актуальный объект исследования, поскольку медиа империя «ИГИЛ» существенно повлияла на другие радикальные группировки, которые в настоящее время подражают и учатся тому, как «ИГИЛ» использует свой сильный пропагандистский механизм для привлечения сторонников, вербовки, формирования идентичности и территориальной экспансии [3. С. 54].

Одноязычная террористическая организация современности «ИГИЛ» возникла как одна из множества исламистских радикальных групп, но быстро превратилась в угрозу для окружающих стран и мировых держав. «ИГИЛ» провозгласила халифат на захваченных территориях Ирака летом 2014 г., соответственно лидер радикальной организации Абу Бакр аль-Багдади получил статус халифа. На пике могущества «ИГИЛ» контролировала 30% территории Ирака и более трети Сирии. Но благодаря усилиям международного сообщества в 2017-2019 гг. существованию самопровозглашенного «государства» был положен конец. Однако чем больше населения и территории теряла «ИГИЛ» от своего халифата, тем больше она пыталась привлечь новых сторонников в других странах, создавая сети влияния по всему миру. Информационный мир «ИГИЛ» стал расширением и усилителем уменьшившегося в настоящее время физического халифата. Еще при его существовании, в 2016 г., «ИГИЛ» выпустила доктрину информационной войны, в ней много говорится о цели и путях реализации того, что «ИГИЛ» считает «медийным джихадом» [2. С. 143]. Строительство виртуального халифата является, пожалуй, самым важным уроком, извлеченным из опыта глобальной медиаиндустрии «ИГИЛ», а также может оказаться самой сложной задачей для борцов с террористическими организациями и их идеологией.

Общая цель «ИГИЛ» состоит в том, чтобы манипулировать настроениями общественности и объединять военно-политическую мощь с возможностями новых средств массовой информации, которые являются частью ее

стратегии ведения войны [5. С. 23]. Как и всякая другая пропаганда, агитация «ИГИЛ» нацелена на создание альтернативного взгляда на мир, политику, религию и других людей. Несмотря на крайнюю и жестокую салафитско-джихадистскую идеологию и практикуемое насилие, «ИГИЛ» прикладывает немало усилий, чтобы попытаться изобразить себя чем-то большим, чем просто жестокая террористическая группа. Использование понятий «братства», «принадлежности», «значимости», «равенства» в качестве ключевых мотивирующих концепций имеет жизненно важное значение для получения группировкой поддержки и привлечения сторонников. Медиа контент «ИГИЛ» призван пропагандировать «исламский халифат» как привлекательную религиозную и политическую альтернативу Западу. Для идеологов «ИГИЛ» крайне важно, чтобы аудитория получала информацию о группировке непосредственно от нее самой, а не в трактовке других СМИ.

О целенаправленном характере использования СМИ группировкой свидетельствует практикуемое ей «видео веритэ» (*video vérité*) – якобы случайно снятые любителями видеоролики. На самом деле они представляют собой постановочные драматические спектакли с тщательно подобранными местами размещения камер, эффективной театральной постановкой сюжетов и вниманием к освещению, звуку и другой эстетике, важной для создания нужного заказчику результата. Изготовленное подобным образом видео «ИГИЛ» представило миру, когда разрушило памятники старины в Пальмире. Оно потребовало специальных объективов и стратегического расположения камер, а также специального выбора времени суток, чтобы сделать изображение максимально выразительным [9. С. 31].

Медиа империя «ИГИЛ» существует и совершенствуется уже более 10 лет. Один из ее основных органов СМИ, институт медиа производства «аль-Фуркан» был создан в 2006 г. В его задачу входило производство предварительно одобренных пропагандистских материалов. Как указывалось, в учредительных документах, такие материалы должны были быть «творческими, инновационными и привлекательными для потребителей» [11. С. 129]. Медиа-центр «аль-Хаят» в течение многих лет являлся центральным органом, выпускающим и распространяющим пропагандистские видеоролики и другую продукцию на арабском и некоторых других языках. Например, один из флагманов «аль-Хаята», онлайн-журнал «Румия», опубликовал в июне 2017 г. свой десятый номер на десяти разных языках [6. С. 18]. Медиа центр «Аль-Фурат» занимался распространением материалов среди сторонников, не являющихся арабами. Специальный медиа орган «аль-Аджнад» являлся основным продюсером производства нашид – религиозных песен – а капелла, которые часто используются в качестве фона во многих видеороликах организации. Радиостанция «ИГИЛ» «Аль-Баян» вещала как на территории халифата, так и в интернете. Там же выходила еженедельная онлайн-газета «аль-Наба». В 2014 г. «ИГИЛ» создала

информационное агентство «Амак», которое было во многом ориентировано на западные формы и методы подачи информации. Кроме этих крупных агентств действовал ряд небольших органов и фондов, например, таких как информационное агентство «Дава аль-Хакк» и «Аль-Багтар», которые занимались переводом и другой вспомогательной работой [1. С. 7]. Помимо центральных медиа организаций был создан ряд региональных бюро. Из-за продолжающихся территориальных потерь фактическое количество региональных бюро СМИ «ИГИЛ» определить трудно. В 2015-2016 гг. их количество достигало 20-25, в основном они были расположены в Ираке и Сирии, но также действовали в таких странах, как Ливия, Йемен и Афганистан [13. С. 115].

В период своего расцвета между летом 2014 и летом 2016 гг. «ИГИЛ» выпускала несколько изданий, ориентированных на неарабскую аудиторию: англоязычный журнал «Дабик», франкоязычный журнал «Дар аль-Ислам», журнал «Константинийе» на турецком языке и русскоязычный «Исток». Но территориальные потери сказались и на размахе медиа деятельности группировки: «ИГИЛ» объединила эти журналы в одно ежемесячное издание «Румия», которое выходило на десяти разных языках, включая английский, французский, немецкий, турецкий, уйгурский, урду и пушту [12]. Несмотря на то, что все неарабские публикации радикалов были приостановлены с сентября 2017 г. из-за территориальных потерь, продолжился выпуск еженедельного онлайн-информационного бюллетеня на арабском языке «ан-Наба». Ориентируясь на свою англоязычную аудиторию, «ИГИЛ» продолжает выпускать видеоролики, призывающие к новым атакам в западных странах в поддержку халифата. Кроме того, радикалы оставили доступным онлайн-архив многоязычных публикаций и видео, в которых задокументировано его «халифатское» наследие. Данная продукция предназначена для поощрения ностальгических воспоминаний среди сторонников, для побуждения их к поддержке группировки и даже организации актов одиночного террора.

Понимание того, каким образом «ИГИЛ» пытается позиционировать себя на международной арене, особенно для своей англоязычной аудитории, важно в плане борьбы с терроризмом. Одной из излюбленных медиа технологий «ИГИЛ» является сегментация аудитории, она основывается на языке или близости аудитории к боевым действиям группы. Самыми яркими примерами использования сегментации являются журнал «Дабик» и бюллетень «ан-Наба».

Особую роль в популяризации «ИГИЛ» сыграл именно журнал «Да-бик». Анализ его содержания и применяемых при его производстве медиа технологий является ключом к пониманию успехов вербовки «ИГИЛ», привлекая по меньшей мере 40 тыс. иностранных боевиков из 74 стран мира [10. С. 3]. Публикация журнала на английском языке позволяла «ИГИЛ»

выйти на потенциальных новобранцев, живущих в странах Запада. Благодаря популярности «Дабика» у интернет аудитории радикальная организация смогла охватить глобальную аудиторию и сформировать у своих читателей интерес и сочувствие к идеям «ИГИЛ».

Несуществующий ныне «Дабик» был журналом в формате PDF, первый номер которого был опубликован 5 июля 2014 г., то есть через месяц после захвата г. Мосула силами «ИГИЛ». Формат PDF и метод цифрового распространения позволяли бесконечную репликацию, в то же время делая изменения непомерно трудными. Эта последняя характеристика имела решающее значение для обеспечения целостности посылки «Дабика», гарантируя, что, в отличие от веб-сайта или платформы социальных сетей, журнал будет защищен от внешних попыток подмены или внесения изменений.

Изображения и тексты «Дабика», ссылаясь на исторические прецеденты, подтверждали претензии группировки на легитимность халифата и ее борьбы за его создание. Идеологи группировки и редакция журнала стремились оправдать в религиозных терминах провозглашение халифата как основанного на истинной салафитском толковании шариата. Легитимизация опиралась также на исламскую мифологию и рассматривала миссию «ИГИЛ» в апокалиптических терминах. Группировка назвала свой журнал «Дабик» в честь небольшого городка, расположенного близ сирийского Алеппо, недалеко от границы с Турцией. Исламское пророчество, якобы, гласило, что мусульмане победят «Рим» (переосмысленный радикалами как коллективный Запад) в районе г. Дабика, прежде чем двинуться на завоевание Константинополя (современный Стамбул) [8. С. 36]. Пророчество было подробно процитировано в первом номере журнала. Оно признавалось лишь узким кругом салафитов и не получило широкого распространения среди мусульман. Тем не менее, это пророчество было использовано идеологами «ИГИЛ» для воодушевления сторонников и как обоснование лозунга «ИГИЛ» – «сохраниться и расшириться».

«Дабик» объяснял сущность халифата, его место в истории, представлял военные и инфраструктурные успехи «ИГИЛ» и намечал планы халифата на будущее. Журнал служил современным цифровым вестником самопровозглашенного «революционного государства», «органом идеологии и борьбы», информационным бюллетенем, руководством к борьбе и исполнению религиозного долга. «Дабик» намного превосходил по содержанию и качеству подобные органы других террористических организаций. Так, журнал «Инспайр», который издает «аль-Каида», служил, в основном, конкретной цели: руководством к действию для западных террористов-одиночек [12].

Цель «Дабика» можно определить, как тройную: призвать мусульман прийти на помощь молодому халифату; рассказать историю успеха «ИГИЛ»; объяснить и обосновать природу халифата, его намерения, легитимность и право на политическую и религиозную власть над всеми мусульманами.

В качестве политического маркетингового инструмента целью «Дабика» было создание последовательных образов и сообщений, призванных привлечь целевую аудиторию.

Картина халифата и его военных начинаний дополнялась пропагандистскими репортажами. Отношения между «ИГИЛ» и местными политическими лидерами на захваченных группировкой территориях Ирака и Сирии изображались в ярких красках, чтобы нагляднее передать картину органично возникшего и интегрированного в регионе халифата. Так, одна из статей в журнале описывает встречу представителей отдела по связям с общественностью «ИГИЛ» и местных имамов: «глава отдела по делам племен начал встречу со слов приветствия, уважения и благодарности за приглашение. Затем он заговорил о том, что миссия «ИГИЛ» не является ни локальной, ни региональной, а скорее глобальной. Кроме того, он призвал к осуществлению шариата, установлению религии, поощрению добродетели и предотвращению порока» [7. С. 13].

Важное место в «Дабике» занимало оправдание насильственной деятельности «ИГИЛ». Например, визуальные образы и письменный язык «Дабика» полностью дегуманизировал противников «ИГИЛ» в регионе – шиитов, изображая их в уничижительном облике, зато союзники «ИГИЛ» сунниты подавались как блаженные мученики во имя веры.

В каждом номере «Дабика» была рубрика «Со слов врага», в которой приводились прямые цитаты западных политиков, известных людей, военных стратегов и журналистов, содержащие оценки успехов «ИГИЛ» и констатацию неспособности стран Запада противостоять группировке. Иными словами, редакция «Дабика» брала отрывки из западных авторитетных источников и вставляла эти цитаты непосредственно в свой пропагандистский журнал. Эти цитаты говорили об относительной силе и упорстве террористической группировки, привлекая внимание к ее военным успехам и стратегическим планам. Важно отметить, что «ИГИЛ» редко реагировала на эти цитаты напрямую, вместо этого позволяя цитатам говорить самим за себя. Для «ИГИЛ» важен тот факт, что вражеские новости и средства массовой информации говорят о «реальном вызове», который представляет собой «де-факто государство». Одно это служило достаточным основанием для того, чтобы аудитория поверила в послание «ИГИЛ».

Важной миссией «Дабика» было позиционирование халифата «ИГИЛ» в качестве стабильного и легитимного государства. Со времени самопровозглашения халифата летом 2014 г. «ИГИЛ» настойчиво пропагандировала свои успехи по управлению завоеванными территориями. О том значении, которое группировка придавала этой теме, говорит объем посвященной ей медийной продукции: более четверти онлайн медиа продуктов «ИГИЛ» освещали вопросы управления, экономической деятельности, правоохранительных органов, образования и здравоохранения [12]. Почти четверть ма-

териалов «Дабика» рисовала утопическую картину государства, используя текстовые сообщения и изображения работающих школ, мастерских, больниц, клиник, детских домов и шариатских судов. «Идеальное» государство «ИГИЛ» по версии пропагандистского журнала характеризовалось справедливостью, процветанием и религиозностью. Авторы «Дабика» подчеркивали, что правоохранные органы являются наиболее важным компонентом их государства, делая акцент на способности группировки обеспечивать видимость правопорядка в разрушительной войне. Около трети материалов, посвященных государственности, освящали правоохранный характер деятельности, аресты, публичные казни и наказания за гражданские преступления [6. С. 16]. Правопорядок «ИГИЛ» основывался на реализации ее толкования законов шариата: побоев за супружескую измену, забивания камнями за гомосексуализм, отрезания рук за грабеж, казни за бандитизм, сжигание сигарет, алкоголя и наркотиков.

Визуальные и текстовые материалы «Дабика» выдвигали на первый план социальные услуги как вторую из наиболее важных сфер деятельности государства радикалов. Почти четверть материалов, посвященных государственности, показывают службы, работающие на контролируемых «ИГИЛ» территориях, такие как здравоохранение, образование, закят (пожертвование) для бедных и нуждающихся, а также строительство инфраструктуры, например, прокладку электрических кабелей, установку уличных фонарей и асфальтирование дорог. Около половины медийных образов социальных служб относятся к сфере здравоохранения. Они демонстрируют медицинских работников, помогающих гражданским лицам после авиаударов в Ракке, работу домов престарелых и больниц как в Сирии, так и в Ираке [7. С. 19].

Экономическая динамика и устойчивость государственности подчеркивались «Дабиком» путем демонстрации изображения нового золотого динара «ИГИЛ». Он должен был символизировать возврат валюты раннего исламского халифата, экономическую независимость и автономию. Все вместе взятые изображения социальных услуг, правоохранный и экономической деятельности должны были донести до читателей образ «ИГИЛ» как успешно функционирующего правительства и процветающего государства, способного предоставлять услуги, стимулировать экономику и управлять своим собственным общественно-информационным аппаратом.

Еще одним аргументом, подчеркивающим государственный статус, постоянное расширение и укрепление государственности «ИГИЛ», стало широкое использование для оформления «Дабика» карт и фотографий природных ландшафтов. Визуальные образы природных ландшафтов отображали красоту и безмятежность земель и территорий, контролируемых «ИГИЛ». Так, разворот первого номера журнала был украшен фото с изображением сельскохозяйственных угодий с десятками овец, которых охраняют собаки [7. С. 21]. Это фото было помещено рядом со статьей, в которой объясня-

лась концепция имамата (лидерства). «Дабик» практиковал публикацию карт региона без четких государственных границ, чтобы подчеркнуть свое неповиновение мировому порядку и экспансионистские планы. Территории Ирака и Сирии, захваченные группировкой, не были отделены от соседних Аравийского полуострова, Леванта и Египта. Но планы «ИГИЛ» по расширению и поглощению территорий шли еще дальше. Об этом свидетельствовали публикации карт территории халифата, включающей в себя Ливию, Алжир, Пакистан, Афганистан, Сомали и Нигерию.

В онлайн-информационном бюллетене на арабском языке «ан-Набе» «ИГИЛ» также широко представляла тему государственности. Однако типы изображений халифата в «Дабике» и «ан-Набе» различаются. В издании, нацеленном на арабоязычную аудиторию, деятельность действующего правительства халифата представлена намного уже и скромнее, чем в англоязычной версии. Изображения деятельности правоохранительных органов сводятся к казням шпионов и местных «врагов», отсутствуют фото наказаний за гражданские преступления. Кроме того, в «ан-Набе» отсутствует столь широкий спектр освещения деятельности социальных служб халифата, таких как больницы, школы, дома престарелых. В арабоязычном бюллетене освещаются некоторые социальные услуги, такие, как выплата закята бедным и нуждающимся, курсы шариата, публичные проповеднические мероприятия и киоски СМИ, где гражданские лица могут читать, смотреть и слушать медиа продукты «ИГИЛ». Согласно информации, размещенной в № 21 «Аль-Набы», «ИГИЛ» эксплуатировало более шестидесяти киосков СМИ в провинции Найнава, тридцать девять в провинции Дияла и двадцать пять в провинции Ракка по состоянию на март 2016 г. [9. С. 41].

Состояние халифата «ИГИЛ», изображенное в «ан-Набе», не выглядит ни экономически процветающим, ни устойчивым. В то же время редакторы бюллетеня отводят много места рекламе продукции информационно-пропагандистского аппарата «ИГИЛ»: плакатов, листовок, книг, радиопрограмм «Аль-Баяна» и баннеров. В «ан-Набе», как и в «Дабике», регулярно печатаются карты халифата. Как и в «Дабике», на картах в «ан-Набе», как правило, пропускаются границы между странами, на земли которых претендует так называемый халифат. Карты в «ан-Набе» имеют более военный вид, что подразумевает необходимость отстаивания своей территории, а «ИГИЛ», соответственно, как мощную военизированную группировку, способную контролировать землю и сражаться одновременно на нескольких фронтах. Однако, в отличие от снимков «Дабика», «ан-Наба» не романтизирует физическую территорию, на которую претендует «ИГИЛ», редакторы бюллетеня избегают снимков нетронутых природных ландшафтов. Образ «ИГИЛ» в «ан-Набе» – это воинствующая группировка, которая активно продвигает свой аппарат общественной информации, постоянно борется за контроль над физической территорией. Менее ясно, может ли группиров-

ка предоставлять социальные услуги и сохранять контроль над населением захваченных территорий. В этом смысле визуализация государственности «ИГИЛ» в «ан-Набе» не соответствует стандартам, установленным в изображениях «Дабика».

Анализ технологий освещения государственности в английских и арабских публикациях «ИГИЛ» обнаруживает, что группа использовала методы сегментирования с различными визуальными аргументами для нацеливания на разные группы аудитории. Это говорит о высоком профессионализме специалистов по медиа технологиям, привлеченных радикалами: они понимают важность аргументированного контекста в кампании стратегической коммуникации. Ориентируясь на местную арабскую аудиторию, которая находится ближе к местопребыванию «ИГИЛ», группировка применяла менее утопический, более реалистичный подход. С другой стороны, ориентируясь на глобальную англоязычную аудиторию, которая находится далеко от территорий, на которые претендует «ИГИЛ», образы «Дабика» романтизировали жизнь под управлением радикалов и изображали всеобъемлющий, полностью функционирующий халифат, который заменяет национальные государства, а также реализует законы шариата, успешно участвует в глобальных конфликтах и поощряет индивидуальную деятельность, призывая мусульман добровольно к нему присоединиться.

«Дабик» предвосхитил способность группы управлять территориями и контролировать население, преувеличил широту и спокойствие контролируемых им земель. В англоязычном издании с избытком демонстрировались возможности «ИГИЛ» в правоохранительной и социальной сфере, а также его стремление к дальнейшему расширению на страны, некогда управляемые средневековыми мусульманскими империями Омейядов и Аббасидов. Изображения клятв верности племен халифу «ИГИЛ» и экономического процветания дополняли визуальные аргументы группы в пользу устойчивого исламского государства.

Таким образом, все эти приемы и технологии воздействия на читателей использовались «Дабиком» для дальнейшей глобализации развязанного «ИГИЛ» конфликта, демонстрируя, якобы, жизнеспособную альтернативу жизни на Западе, внушая большие надежды сторонникам в разных странах мира и стимулируя их иммиграцию под знамена утопического халифата. Однако демонстрация успеха государственного строительства «ИГИЛ» в средствах массовой информации не могут сами по себе устранить проблемы и поражения, с которыми сталкивается «ИГИЛ». Рано или поздно большинству станет очевидно, что образ, который изображает группировка, не обязательно точно отражает реальность. Один из основных рисков, которым подвергается группировка, это перспектива усиления диссонанса между тем, что происходит на местах, и тем, что она проецирует через свою кампанию в средствах массовой информации. Чем больше этот разрыв расширяется,

тем труднее будет в дальнейшем поддерживать боевой дух членов группировки и привлекать новых рекрутов. Наконец, хотя «ИГИЛ» изначально имела преимущество первопроходца и новатора в области средств массовой информации, другие повстанческие группы извлекли уроки из медиа стратегии группировки и теперь составляют ей конкуренцию в данной сфере.

Изучение медиа технологий и методов, применяемых «ИГИЛ», подтверждает многоплановый характер угроз, с которыми сталкиваются государственные субъекты при борьбе с современным терроризмом. Положить конец его физическому существованию, если это действительно возможно, может оказаться недостаточным, чтобы остановить его виртуальную привлекательность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васильев А.М., Исаев Л.М., Коротаев А.В., Шишкина А.Р.* Инструменты «мягкой силы» ИГ: типология и оценка эффективности дальнейшей активности // *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 12 (737).
2. *Васильев А.М., Жерлицына Н.А.* Медиа сеть как мультипликатор силы ИГИЛ // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 5.
3. *Панцеров К.А.* Информационно-психологические операции ИГИЛ: некоторые практические аспекты. Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1.
4. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях. М.: Издательство ИМЭМО РАН, 2016.
5. *Фитунни Л.Л.* Моделирование протестных технологий в системе медиакоммуникационной зависимости // *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 12.
6. *Almohammad A., Winter C.* From Battlefield to Cyberspace: Demystifying the Islamic State's Propaganda Machine // *Combating Terrorism Center at West Point. United States Military Academy. New York, June 2019.*
7. *Damanhoury K., Winkler C.* Picturing Law and Order: a Visual Framing Analysis of ISIS's Dabiq Magazine // *Arab Media & Society*. 2018. No 25.
8. *McCants W.* The ISIS Apocalypse: the history, strategy and doomsday vision of the Islamic State. New York: Picador, 2015.
9. *Milton D.* Communication Breakdown: Unraveling the Islamic State's Media Efforts // *Combating Terrorism Center at West Point. United States Military Academy. New York, Octobre 2016.*
10. *Milton D.* Pulling Back the Curtain: An Inside Look at the Islamic State's Media Organization // *Combating Terrorism Center at West Point. United States Military Academy. New York, August 2018.*
11. *Siboni G., Cohen D., Koren T.* The Islamic State's Strategy in Cyberspace // *Military and Strategic Affairs*. 2015. No 1.
12. *Wignell P., Tan S., O'Halloran K., Lange R.* A Mixed Methods Empirical Examination of Changes in Emphasis and Style in the Extremist Magazines

---

Dabiq and Rumiya // *Perspectives on Terrorism*. 2017. Vol. 11. No. 2 // <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/592>.

13. Winter C. *Apocalypse, Later: a Longitudinal Study of the Islamic State Brand* // *Critical Studies in Media Communication*. 2018. No 1.

N.A. ZHERLITSINA

*Candidate of Sciences (history),
Associate Professor, Leading Researcher of the Institute
of African studies, Professor of the Peoples' Friendship
University of Russia (PFUR), Moscow, Russia*

VIRTUAL CALIPHATE: ISIS MEDIA TECHNOLOGIES

Considering that modern terrorist organizations pay great attention to their activities in the media, it seems necessary to study the strategy and methods that allowed radicals to succeed in using modern media for their own purposes. The methodological basis of this study was made up of such general scientific methods as analysis and synthesis. Among the political science approaches used, the network approach is particularly popular in science. The communicative approach examined the features of the new media in general. The work also reflected an institutional approach: new media are also considered as a modern social institution. In addition, comparative analysis was applied in the work, which made it possible to compare various points of view and approaches to assessing the ISIS media organization. Understanding how ISIS is trying to position itself in the international arena is important in the fight against terrorism. The article provides a comparative analysis of two media products of the radical group – the Dabiq magazine and the al-Naba newsletter. A special role in the popularization of ISIS was played by Dabiq magazine. An analysis of its content and media technologies used in its production is key to understanding the success of ISIS recruitment. Various techniques and technologies of influence on readers were used by Dabiq to further globalize the conflict unleashed by ISIS, demonstrating, allegedly, a viable alternative to life in the West, inspiring great hopes for supporters in different countries of the world and stimulating their immigration under the banner of the utopian caliphate. An analysis of statehood coverage technologies in ISIS English and Arabic publications allows the author to conclude that the group used segmentation methods with different visual arguments to target different audience groups.

Key words: *international terrorism, ISIS, New Media, propaganda, information security.*

ОБРАЗ «ФАБРИКИ ТРОЛЛЕЙ» В ПРОТИВОСТОЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ США

Статья посвящена анализу образа «Фабрики троллей» в американских медиа. Автор рассматривает появление и развитие темы вмешательства России в президентские выборы 2016 года в США. Сформулирован тезис о том, что была развернута кампания по обвинению России во вмешательстве, в рамках которой был искусственно сконструирован образ стереотипов, получивший название «Фабрика троллей». В работе раскрывается содержание термина «Фабрика троллей», который наполняет целый ряд фигур и символов. Сделан вывод о том, что образ «Фабрики троллей» является частью длительной пропагандистской кампании, основной смысл которой заключался в использовании этого образа в противостоянии политических сил в США.

Ключевые слова: «Фабрика троллей», президентские выборы США 2016 года, образ России в США, вмешательство России.

Актуальность. В результате президентских выборов в США 2020 года победу одержал кандидат от демократической партии Джо Байден. В условиях транзита президентской власти, тема вмешательства России в президентские выборы остается, по-прежнему, актуальной. Несмотря на опубликованный доклад спецпрокурором Робертом Мюллером, не выявившим связей между действующим президентом США и Россией, эта тема все еще используется как демократами, так и республиканцами в межпартийной борьбе. Так, например, на последних дебатах между кандидатами в президенты, Джо Байден затрагивал этот вопрос для того, чтобы обвинить Дональда Трампа в связях с Россией. Также эта тема была успешно использована демократической партией в межпартийной борьбе, а также для проведения расследования в отношении связей между Россией и Дональдом Трампом. По версии замдиректора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Дмитрия Сулова, каждая из партий использует российский вопрос в своих интересах. «Демократы – для того,

чтобы торпедировать администрацию Трампа, а республиканцы – для того, что выводить на первое место факт вмешательства России и характер РФ как угрозы» [3].

В докладе Оксфордского института интернета [7] так называемая «Фабрика троллей», по мнению авторов, использовала социальные сети для влияния на президентские выборы в пользу Дональда Трампа. В этой связи нам представляется интересным рассмотреть какое место занимает образ «Фабрики троллей» в восприятии России в США.

Теоретическим основанием работы послужила концепция политического восприятия и образа страны, разработанная под руководством заведующей кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова Е.Б. Шестоपाल. Непосредственное участие в разработке теории политического образа принимали участие: Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Пищева Т.Н., Зверев А.Л., Смулькина Н.В., Палитай И.С. (1).

Политический образ в самом общем виде представляет собой проекцию реальных характеристик объекта восприятия в сознании субъекта, например, образ государства, политика в массовом сознании граждан. А также проекцию ожиданий субъекта, которые были сформированы, как правило, через средства массовой коммуникации или при непосредственном соприкосновении с объектом восприятия. Согласно Е.Б. Шестоपाल «Путин 3.0.: общество и власть в новейшей истории» содержанием политического образа являются: знания, оценки, эмоции, ожидания, требования субъектов к объекту восприятия [4].

В рамках исследования политического образа отдельным направлением для изучения является образ страны. Толчком к формированию теоретических концепций восприятия государствами друг друга на международной арене послужило развитие средств массовой коммуникации. Немецкий политолог и юрист Карл Шмидт в работе «Понятие политического» наиболее полно развил концепцию взаимоотношений государств друг с другом, основываясь на принципе политической противоположности. К. Шмидт считал, что народы разделяют друг друга на группы друзей и врагов. Понятие «враг» в трактовке Шмидта это «борящаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности». Таким образом, Карл Шмидт определил, что восприятие «другого» государства основывается на различии «друзей» и «врагов». Ричардом Херрманном, М. Фишеркеллером, Робертом Херманом в работе «Теория имиджа и стратегическое взаимодействие в международных отношениях» было исследовано, что путем изучения образа «другого» участника в международных отношениях в качестве более сильного или слабого по отношению к субъекту восприятия можно определить основные черты образа своей страны [6. Р. 288].

Согласно разработанной на кафедре социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова политико-психологической модели образа

страны, в структуре образа лежат следующие компоненты: образ власти, образ лидера, образ народа, образ территории, геополитический образ государства [4]. Необходимо выделить в отдельное направление для изучения исследование негативного образа России в средствах массовой информации в США.

В качестве метода исследования был выбран качественный контент-анализ. Преимущество качественного контент-анализа заключается в том, что он позволяет расширить представления о реальных политических процессах. В качестве источников для исследования нами были выбраны следующие интернет-издания: «The Washington Post» и «The Fox News». Именно эти СМИ являются для нас интересными в настоящем исследовании, так как они представляют разные политические силы. «The Washington Post», как правило, занимает продемократическую позицию, а «The Fox News» прореспубликанскую. Нами были изучены публикации за период с 2016 года по 2017 год.

В рамках кампании по обвинению России в президентские выборы США был искусственно сконструирован образ стереотипов, который получил название «Фабрика троллей». Впервые термин «Фабрика троллей» (Troll farm) был использован в статье «Russian firm tied to pro-Kremlin propaganda advertised on Facebook during election» в издании «The Washington Post» [9]. Под термином «Фабрика троллей» подразумевается российская частная компания, которая занималась пропагандой в социальных сетях и связанная с российским правительством.

По мнению издания «The Washington Post» [10], кампания по вмешательству в президентские выборы началась в 2016 году. Согласно информации Оксфордского института интернета [7], именно в это время возросла активность сообществ на Facebook и Instagram, которые были связаны с «Фабрикой троллей». Коммуникационная стратегия была направлена на несколько групп пользователей, которые были сегментированы по этническому и религиозному принципу. Основными задачами контент-стратегии были: привить недоверие к политическим институтам США потенциальным избирателям Хиллари Клинтон и стимулировать к голосованию за Дональда Трампа его электорат.

Кампания по обвинению России во вмешательстве в президентские выборы США началась в 2016 году после публикации в «The Washington Post» [10] информации о взломе компьютеров демократической партии российскими хакерами. Впоследствии ФБР начала секретное расследование получившее название Crossfire Hurricane, цель которого заключалась в обнаружении связей Дональда Трампа и его команды с Россией. Объектами расследования стали советник Дональда Трампа Майкл Флин, руководитель его избирательной кампании Пол Манафорт, консультант по международным отношениям Картер Пейдж.

7 октября 2016 года администрация Барака Обамы обвинила Россию во вмешательстве в президентские выборы. В это же время в «The Washington Post» выходит статья под названием «Правительство США обвинило Россию во вмешательстве в выборы» [13]. После выборов, принесших победу Дональду Трампу, CNN опубликовала материал, в котором обвинила Россию в распространении дезинформации и в качестве примера привела фейковые новости на Reddit, Facebook и Twitter, содержавшие информацию о проблемах со здоровьем Хилари Клинтон и о обвинениях в педофилии ее окружения [11].

9 декабря ЦРУ представило доклад Конгрессу, который содержал обвинения о причастности сотрудников некоторых правительственных структур России к кибератаке на демократическую партию. Несмотря на это, в докладе упоминалось, что эти действия не произвели никакого эффекта на выборы [5]. После этих событий администрацией президента Обамы были наложены санкции на Россию, были высланы тридцать пять дипломатов, а также были объявлены санкции против ФСБ и ГУ Генерального штаба.

17 мая 2017 года Роберт Мюллер бывший глава ФБР был назначен специальным прокурором для расследования российского вмешательства. По итогу расследования были предъявлены обвинения 34 фигурантам и пяти компаниям, однако, прямой связи между Дональдом Трампом и Россией выявлено не было. В отчете был сделан вывод, что Россия вмешивалась «масштабно и систематически» [8].

Однако если рассматривать публикации «The Fox News» на эту тему, то за указанный период можно найти материалы, в которых отрицается какая-либо связь Дональда Трампа с Россией, а также опровергается вмешательство России с целью поддержки Трампа на выборах [12]. Кроме того, в статье «Was Friday's declassified report claiming Russian hacking of the 2016 election rigged?», опубликованной 7 января 2017 года на Fox News ставится под сомнение объективность отчета, подготовленного тремя спецслужбами США, содержащего информацию о вмешательстве России в президентские выборы с целью поддержки Дональда Трампа. Автор статьи обеспокоен тем, что в подготовку отчета были включены только три спецслужбы из семнадцати и в нем отсутствуют доказательства выводов, приведенных в докладе. Поэтому он считает, что мнение разведывательного сообщества могло быть сфальсифицировано в политических целях [14].

Тема вмешательства России в президентские выборы США была использована демократической партией для того, чтобы обвинить Дональда Трампа в связях с Россией и отстранить его от власти путем импичмента. Однако после провала этой попытки представители этой партии нашли другой повод для обвинения действующего президента. Поводом для несостоявшегося импичмента послужил кейс давления Трампа на президента Украины Владимира Зеленского с целью получения от него компромата на Джо Байдена.

Несмотря на проведенные расследования, которые не выявили связей между Дональдом Трампом и Россией, демократы, по-прежнему, продолжают использовать этот вопрос с целью подорвать его репутацию. Особенно это актуализировалось за последний год, в связи с подготовкой к президентским выборам.

Освещение в средствах массовой информации вопроса вмешательства России в президентские выборы становится существенным элементом в формировании образа страны. Сначала эта тема появилась в СМИ, а впоследствии была взята на вооружение демократами и республиканцами для политической борьбы.

На первом этапе кампании по обвинению России во вмешательстве в президентские выборы США фигурирует только сама тема «вмешательства России» без конкретных лиц и организаций. На это этапе символами кампании становятся: Кремль, российская пропаганда, русские хакеры [11].

На втором этапе пропагандистской кампании в образе России начинают появляться конкретные фигуры и организации. В это время рисуется образ российской «Фабрики троллей», которая якобы стала главной организацией по дезинформации и распространению фейковых новостей в социальных сетях. Неотъемлемой частью образа «Фабрики троллей» является фигура Евгения Пригожина, который, по мнению «The Washington Post», имеет близкие связи с президентом России. Основные намерения, которые были приписаны «Фабрике троллей» это: поддержка Дональда Трампа, а также подрыв политической системы Соединенных штатов. Образ «Фабрики троллей» складывается из целого ряда фигур и символов, например: «русские хакеры», «повар Путина», «российская пропаганда», «российское вмешательство».

Заключение. Таким образом, рассмотрев появление, развитие и содержание темы «темы вмешательства России в президентские выборы» можно сделать вывод, что образ «Фабрики троллей» является частью длительной пропагандистской кампании, основной смысл которой заключался в использовании этого образа в противостоянии политических партий США. Если заглянуть в историю, то можно увидеть, что образ России уже был использован для решения внутренних проблем. В 70-е годы XX века экономика США испытала серьезный кризис, а вера американцев в правительство и политическую систему была подорвана Уотергейтским скандалом. Вера американцев в эти институты, которые согласно исследованию Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы составляли главные предметы гордости американцев [1], была утрачена. Для того чтобы восполнить уязвленное самолюбие американцев президент США Джимми Картер подверг критике нарушения прав человека в СССР, при том, что концепция прав человека являются одним из главных столпов американского государства. В этом смысле образ Советского Союза, нарушавшего гражданские права, был противопоставлен образу демократического американского государства.

Таким образом, можно сделать заключение, что американцы неоднократно использовали негативный образ СССР/России во внутривнутриполитической пропаганде для решения собственных, внутренних проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) «Свои» и «чужие»: образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами; Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии); Политические образы: проблемы исследования и интерпретации; Особенности политического восприятия в современных российских условиях; Психологические особенности восприятия политических партий в современной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Габриэль Алмонд, Сидней Верба.* Гражданская культура и установки демократии в пяти странах. Москва, 2014 г.

2. Путь в тупик: русский след не вывел к Трампу // Газета.ru // https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/19_a_11656195.shtml.

3. Российскаягазета//https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/19_a_11656195.shtml.

4. *Шестопал Е.Б.* Путин 3.0.: общество и власть в новейшей истории / Шестопал Е.Б., Палитай И.С., Зверев А.Л., Смутькина Н.В., Богдан И.В., Ахматнурова С.Ф., Бокова Н.Б., Букреева О.В., Газизова Л.И., Давыдов С.В., Жестков М.И., Затонских А.В., Марков В.Е., Моисеева И.В., Музыка Е.В., Муратова Л.М., Нестерова С.В., Перж Ф.Е., Рамалданов Г.И., Рогозарь А.И., Суслина М.В., Трущева А.А., Черданцева А.М., Яковлева Е.А. / Монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015.

5. CIA concludes Russia interfered to help Trump win election, say reports // The Guardian // <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/10/cia-concludes-russia-interfered-to-help-trump-win-election-report>.

6. *Herrmann R.K.* Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // Oxford Handbook of Political Psychology / Ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Press, 2003.

7. Oxford internet institute. Polarisation and the use of technology in political campaigns and communication // The Computational Propaganda Research Project // <https://comprop.oii.ox.ac.uk>.

8. *Robert S. Mueller.* Report on the Investigation into Russian Interference In the 2016 Presidential Election // The department of justice // <https://www.justice.gov/storage/report.pdf>.

9. Russian firm tied to pro-Kremlin propaganda advertised on Facebook during election // The Washington Post // https://www.washingtonpost.com/politics/facebook-says-it-sold-political-ads-to-russian-company-during-2016-election/2017/09/06/32f01fd2-931e-11e7-89fa-bb822a46da5b_story.html.

---

10. Russian government hackers penetrated DNC, stole opposition research on Trump // The Washington Post // https://www.washingtonpost.com/world/national-security/russian-government-hackers-penetrated-dnc-stole-opposition-research-on-trump/2016/06/14/cf006cb4-316e-11e6-8ff7-7b6c1998b7a0_story.html.

11. The reality behind Russia's fake news // The CNN // <https://edition.cnn.com/2016/12/02/politics/russia-fake-news-reality>.

12. Trump: Claims of Russian interference in 2016 race 'ridiculous,' Dems making excuses // The Fox News // <https://www.foxnews.com/politics/trump-claims-of-russian-interference-in-2016-race-ridiculous-dems-making-excuses>.

13. U.S. government officially accuses Russia of hacking campaign to interfere with elections // The Washington Post // https://www.washingtonpost.com/world/national-security/us-government-officially-accuses-russia-of-hacking-campaign-to-influence-elections/2016/10/07/4e0b9654-8cbf-11e6-875e-2c1bfe943b66_story.html?noredirect=on.

14. Was Friday's declassified report claiming Russian hacking of the 2016 election rigged? // The Fox News // <https://www.foxnews.com/opinion/was-fridays-declassified-report-claiming-russian-hacking-of-the-2016-election-rigged>.

E.A. BIKBULATOV

*PhD student, Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE IMAGE OF THE TROLL FACTORY IN THE CONFRONTATION OF US POLITICAL PARTIES

The article is devoted to analyze of «Troll farm» image in US media. The author considers appearance and development of the topic interference of Russia in US President Election of 2016 in US media. It is stated that campaign was launched to accuse Russia of interfering, in which the image of stereotypes was artificially constructed and named. The article reveals the content of the term «Troll Factory», which fills a whole series of figures and symbols. It was concluded that the image of «The Troll Factory» is part of a long propaganda campaign, the main meaning of which was to use this image in opposition to the political situation in the United States.

Key words: *«The troll farm», United States Presidential Election of 2016, image of Russia in USA, interference of Russia.*

КИТАЙСКИЙ КИБЕРДРАКОН: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ КНР ПО ПРОВЕДЕНИЮ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КИБЕРОПЕРАЦИЙ

В статье рассматривается развитие инструментария и возможностей КНР в области проведения информационных и киберопераций в период с конца XX века и до настоящего времени. Целью статьи является разностороннее рассмотрение и анализ опыта КНР в вопросах проведения информационно-психологических и кибернетических операций. Задачами статьи является: анализ законодательной базы КНР в области информационной безопасности, рассмотрение опыта регулирования информационного пространства в Китае; анализ на основе открытых источников инструментария КНР в области манипулирования общественным мнением в интернет-пространстве, а также возможностей кибершпионажа; анализ расширения присутствия официальных китайских СМИ в глобальном информационном пространстве. Автор приходит к выводу, что на сегодняшний день Китай обладает широкими возможностями по проведению полномасштабных информационно-психологических операций для воздействия на внутреннюю и зарубежную аудиторию.

Ключевые слова: *Китай, кибершпионаж, манипулирование, информационная операция.*

Эволюция системы кибер- и информационной безопасности КНР. После получения в середине девяностых годов XX века китайскими пользователями доступа в Интернет, власти страны озаботились вопросами его регулирования – в 1994 году были опубликованы «Правила регулирования, обеспечивающие безопасность компьютерных и информационных систем». Этот документ наделил китайские силовые структуры правом блокировать материалы, «вредящие репутации государства», в частности информацию, наносящую вред национальной безопасности, государственному строю и КПК [11]. Спустя четыре года, в 1998 году, началась реализация проекта

«Золотой щит» (получившего неофициальное название «Великий китайский файрвол»). Введенный в эксплуатацию в 2003 году, «Золотой щит» представляет собой сложную систему блокировки и фильтрации контента во всемирной сети, а также позволяет нейтрализовать инструменты обхода блокировок. В 2005 году был издан закон, по которому регистрация сайтов стала обязательной, а обычным пользователям запретили анонимное общение и обязали регистрироваться на сайтах под своими настоящими данными.

Важной вехой в законодательстве КНР в области действий в киберпространстве стала принятая в 2006 году «Государственная стратегия по развитию информатизации на период с 2006 по 2020 г.». В качестве основных стратегических принципов в ней приняты идеи «активной обороны» и «симметричного ответа на возникающие вызовы». Помимо концептуальных моментов, в документе прописаны и практические меры по борьбе с нежелательной информацией и вредоносным ПО. Кроме этого, иностранные IT-компании и производители ПО, после принятия документа, стали обязаны проходить сертификацию для функционирования на территории страны. После этого перед западными медиа-сервисами встала дилемма: либо сотрудничать с китайским правительством и работать на китайском рынке (как это сделал Google, который самостоятельно блокирует негодные КПК материалы), либо же уйти с рынка (как Facebook и Youtube). Следующим шагом в регулировании киберпространства в Китае стал Антитеррористический закон КНР (2015 г.). Закон предоставил органам госбезопасности широкие полномочия по дешифровке трафика и изъятию информации у частных компаний при подозрении ее использования в террористических целях. Более того, данный закон ввел запрет на публикацию в сети иностранными СМИ несогласованной с государственными органами информации.

Таким образом, за последние 20 лет руководству Китая удалось создать эффективную и действующую систему контроля за собственным интернет-сегментом и зарегистрировать не только требования по поведению в киберпространстве для компаний, но и для рядовых пользователей [5. С. 179-188]. При этом, властям Китая фактически удалось лишить зарубежных акторов инструментов информационного воздействия на значительную часть китайской аудитории: манипулятивная информация попросту не доходит до значительного числа пользователей в Китае, а возможности ее анонимного распространения крайне затруднены.

Возможности КНР по проведению информационных и киберопераций. Помимо мониторинга и контроля за интернет-контентом, китайское правительство проводит и ряд активных мероприятий по контрпропаганде в интернете. Китайскими властями активно используется и т.н. технология астротурфинга – использования специального программного обеспечения или персонала для вытеснения мнения других пользователей на различных площадках в Интернете, организации поддельных кампаний или же

дискредитации уже созданных). Британская газета The Guardian сообщала в 2008 году, что в Китае создана многотысячная армия платных комментаторов для противостояния негативной информации о Китае – начиная от политических сообщений и заканчивая новостями о чрезвычайных ситуациях [10]. Как показали прошедшие в 2019 г. протесты в Гонконге, «армия троллей» [13; 6] использовалась и для работы с зарубежной аудиторией: в частности, аффилированными с китайским правительством деятелями скупались аккаунты в социальных сетях Twitter и Facebook, которые впоследствии использовались для написания комментариев и распространения материалов СМИ, осуждающих действия протестующих.

Для «официального» продвижения собственной повестки дня китайское правительство широко использует достаточно традиционные инструменты – создает собственные международные информационные агентства (Синьхуа) и выводит их в интернет и стимулирует обычные СМИ также выходить в онлайн и создавать зарубежные редакции [3]. При этом, стремясь нарастить влияние в зарубежных странах, китайские СМИ создают аккаунты в запрещенных в Китае социальных сетях (Facebook, Twitter, YouTube). Официальные органы власти так же выпускают собственные ролики на YouTube – например, в 2013 году, перед третьим пленумом ЦК КПК был выпущен ролик «Как становятся лидерами». Аналогичные видеоматериалы готовились и к ряду зарубежных визитов высших должностных лиц Китая [1].

За проведение различных мероприятий в киберпространстве, прежде всего, отвечают подразделения НОАК. После начатой в 2015 году реформы армии, за техническую разведку, радиоэлектронную борьбу и действия в киберпространстве стали отвечать Войска стратегического обеспечения [4], а киберпространство было признано одной из четырех сфер безопасности (наравне с морской, космической и ядерной) [9]. По оценкам западных [8. Р. 304; 14; 2], и отечественных [7; 12], исследователей, на сегодняшний день китайские «хакеры в погонах» провели несколько успешных атак на инфраструктуру США, а также похитили крайне чувствительную техническую информацию и результаты исследований. О возросших возможностях Китая в области проведения кибератак косвенно говорит и тот факт, что в нескольких последних редакциях различных американских руководящих документов в области национальной безопасности и действий в киберпространстве киберугрозы от Китая указываются как один из серьезных вызовов для США в грядущие десятилетия [14].

Выводы. На основе анализа методов, механизмов и тенденций развития интернета в Китае, можно сделать вывод о том, что в настоящее время китайские власти стремятся использовать все возможности киберпространства для создания военного паритета с ведущими мировыми державами, развития системы безопасности, улучшения имиджа страны и минимализации зарубежного информационно-психологического воздействия на собственное население.

О проведении китайскими вооруженными силами наступательных операций в киберпространстве и систематического кибершпионажа свидетельствуют, в основном, опубликованные отчеты иностранных спецслужб, частных компаний и СМИ, которые сложно назвать неангажированными в данном вопросе. Однако даже с учетом этого, можно утверждать о наличии у НОАК и связанных с ними структур широких возможностей в области кибершпионажа и проведении диверсионных акций.

Отличительной чертой развития Интернета в Китае является четкая регламентация технических и организационных процедур, а также контроль за поведением пользователей и строгие ограничительные правила для зарубежных игроков. При этом запрет на работу ряда социальных сетей не мешает китайскому правительству активно использовать их для вещания на зарубежные аудитории, продвижения собственной повестки дня и создания позитивного имиджа КНР в мире. Помогает в продвижении собственной повестки и произошедшее расширение зарубежного вещания китайских СМИ.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день КНР создала успешно функционирующую полноценную инфраструктуру для действий в кибер- и информационном пространстве, обладает широкими возможностями по проведению киберопераций как оборонительного, так и наступательного плана. В плане же проведения информационных операций наступательного характера КНР пока что не достигла значимых успехов, а основные усилия сосредоточены, прежде всего, на попытках донести до зарубежной аудитории официальные взгляды КНР по наиболее резонансным темам, таким как вопрос о «воспитательных лагерях» в СУАР или же протесты в Гонконге. Однако с учетом систематичного и поступательного характера проводимых властями КНР политики в сфере информации, можно утверждать, что в ближайшей перспективе Китаю удастся создать полноценные каналы влияния на зарубежные аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вирусная дипломатия: как Китай использует интернет в своей внешней политике // Московский офис Карнеги // <https://carnegie.ru/commentary/71324>.
2. Желтая киберугроза // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/1585979>.
3. *Ибрагимова Г.* Стратегия КНР в области управление Интернетом и обеспечения информационной безопасности // ПИР-Центр // <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559074100.pdf>.
4. Определены четыре важные сферы безопасности, требующие усиленного развития – Белая книга // Жэньмин Жибао // <http://russian.people.com.cn/n/2015/0527/c31521-8898203.html>.

---

5. Федоров А.П. Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях интернета // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2.

6. Хвостик Е. Facebook и Twitter взяли за китайских пропагандистов // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/4066723>.

7. Юрченко Г. Возможности Китая по проведению компьютерных сетевых операций и кибершпионажу // Военно-политическое обозрение // <http://www.belvpo.com/ru/9984.html/>.

8. Buchanan B. The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear Between Nations. By Ben Buchanan. Oxford University Press, 2017.

9. Capability of the People's Republic of China to Conduct Cyber Warfare and Computer Network Exploitation // National Security Archive // <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-030.pdf>.

10. China joins a turf war // The Guardian // <https://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr>.

11. International Strategy of Cooperation on Cyberspace // Xinhuanet // http://www.xinhuanet.com/english/china/2017-03/01/c_136094371.htm.

12. National Security Strategy of the United States of America (December 2017) // White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.

13. Wallis J. China's information warfare darkens the doorstep of Twitter and Facebook // Australian strategic policy institute // <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-information-warfare-darkens-the-doorstep-of-twitter-and-facebook/>.

14. Worldwide threat assessment of the US Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence // <https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/2018-ATA---Unclassified-SSCI.pdf>.

A. V. KURILKIN

*Post-graduate Student of the School
of Public Administration Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

CHINESE CYBERDRAGON: ABOUT THE QUESTION OF CHINA'S CAPABILITIES FOR INFORMATION AND CYBER OPERATIONS

This paper considers the capability of PRC to conduct operations in informational and cyberspace. The purpose of the article is a comprehensive review and analysis of the PRC experience in conducting information, psychological

---

and cybernetic operations. The objectives of the article include analysis of the PRC legislative base of information security and consideration of the experience in regulating the information space in China; open-source analysis of the PRC tools for manipulating public opinion in the Internet space and possibilities of cyber espionage; analysis of the expansion of the presence of official Chinese mass-media in the global information space. The author comes to the conclusion that today China has wide opportunities to conduct full-scale information and psychological operations to influence domestic and foreign audiences.

Key words: *China, cyber espionage, information operation, manipulation.*

АНТИ-ИММИГРАЦИОННАЯ РИТОРИКА В ИТАЛИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНТЕНТА НОВЫХ МЕДИА Д. ТРАМПА И М. САЛЬВИНИ

В данной статье представлен сравнительный анализ анти-иммиграционной риторики Д. Трампа и М. Сальвини в новых медиа. Международная миграция стала особенно актуальной темой политической повестки и привела к возникновению высказываний о «кризисе беженцев» как в Европе, так и в США. С появлением интернета каналы распространения политической информации сильно изменились. Онлайн медиа, также известные как новые медиа, стали неотъемлемой частью современного политического процесса. В результате проведенного автором анализа опубликованных политиками Д. Трампа и М. Сальвини постов в Twitter и Facebook, выявлены схожие идеи и стратегии, в которых иммиграция рассматривается как угроза безопасности, экономике и культуре.

Ключевые слова: *новые медиа, популизм, иммиграция, риторика, Дональд Трамп, Маттео Сальвини, кризис, Twitter, Facebook.*

Современные ученые политологи отмечают теснейшую взаимозависимость кризисов и порождаемых ими рисков в контексте политических процессов XXI столетия. Доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова А. Костин и кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова В. Изотов отмечают, что «целесообразнее пересмотреть само прочтение «кризисов», признав их естественным спутником ускоряющейся глобализации» [1]. Среди мегатенденций, обостряющих разногласия на международном уровне и внутри страны, выделяется несколько мощных экономических, социальных и экологических факторов, таких как: развитие инноваций, изменение климата, урбанизация и международная миграция. По данным доклада, подготовленного Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2019 году насчитывается около 272 миллионов международных мигрантов, что составляет около 3,5% населения мира.

При этом, самой привлекательной страной с точки зрения международной миграции является США. В Соединенные Штаты Америки ввиду разных причин бежал 51 миллион человек [15]. «Кризис беженцев», возникший в ряде стран Европейского Союза и США, привел к возникновению анти-иммиграционной риторики, формирующей актуальную информационную и политическую повестку. Для информационного обеспечения политической деятельности, а также для осуществления диалога на международном уровне политиками, лидерами стран, правительственными организациями и дипломатическими представительствами стали использоваться новые медиа. Специалист в области связей с общественностью и конфликтологии, доктор политических наук А. Чумиков относит к «новым медиа» электронные СМИ, социальные сети, мессенджеры, блоги и микроблоги, информационные ленты и новостные агрегаторы, в том числе, разнообразные интернет-проекты в формате Web 2.0, где содержание зачастую формируют сами пользователи [3. С. 184]. В данной статье сделана попытка сравнительного анализа с выделением общих тенденций публикаций в социальных сетях Twitter и Facebook политиков М. Сальвини и Д. Трампа.

Право на свободу перемещения является одним из важнейших принципов демократического государства и основополагающей свободой политического устройства Европейского Союза. Специфику миграционных перемещений человеческого капитала на европейском пространстве более всего характеризует принцип обеспечения свободы движения товаров, капитала и рабочей силы. Однако массовая миграция людей, пересекающих границы с ЕС, привела к трудностям принятия колоссального потока людей, спровоцировала «анти-иммиграционную риторику» и привела к призывам восстановления пограничного контроля. В данной критической ситуации наиболее полно было продемонстрировано несовершенство устоявшейся системы и отсутствие координации между институтами ЕС, что привело к острой необходимости решения миграционного вопроса. Растущая популярность современных информационных технологий, в том числе социальных сетей, так же связана с глобальным кризисом, породившим недоверие к средствам массовой информации и недовольство политикой со стороны электората [6. Р. 153-177]. На фоне обостряющихся разногласий и противоречий, произошел новый импульс развития популизма и крайне правых партий, ориентированных на продвижение националистической идеологии. Такие партии как «Альтернатива для Германии», итальянская «Лига», «Национальное объединение» во Франции, Партия Независимого Королевства, и партия Брексит используют политическую риторику, основанную на идеологическом противопоставлении людей и узурпаторов, последние из которых являются угрозой для национальной идентичности и целостности нации. Вместе с тем, происходит формирование «границ», разобщающих и поляризующих общество. Избрание президентом США

Д. Трамп также связывают с усилением европейского популизма. Зачастую резкие непоследовательные одиозные высказывания Трампа, по мнению ряда экспертов, оказали влияние на ряд известных политиков из партий крайне правого толка. Так, например, с идеями о вопросах миграции и безопасности высказал свою солидарность итальянский политик, один из лидеров «Лига Севера» Маттео Сальвини.

Несмотря на контекстуальные и исторические различия США и Европы возникновение схожих дискурсивных стратегий указывают на общие идеи возникновения популизма. США – это страна, население которой было сформировано мигрантами, прибывающими преимущественно из Европы. Несмотря на высказывания, что «Америка – это гордая нация иммигрантов», актуализация анти-иммиграционных настроений началась с появлением на политической арене республиканца Дональда Трампа. В период избирательной кампании политик часто высказывался в пользу создания границ и строительства стены между США и Мексикой, для того чтобы предотвратить въезд «преступников-нелегалов». Лингвистка и профессор Университета Ланкастера и Венского Университета Р. Водак отмечает, что «коммуникативные популистские стратегии приводят к нормализации дискриминационных и расистских высказываний по отношению к чужакам, играя на укоренившихся человеческих страхах» [16]. «Анти-иммиграционная» риторика Д. Трампа и М. Сальвини условно базируется на угрозах миграции, которые можно условно поделить на три группы: угроза безопасности, угроза экономике, и угроза культуре.

Первая группа «анти-иммиграционных» высказываний представляет собой тип угроз безопасности гражданину и стране в целом извне. Сразу после вступления в должность 45-ый президент США издал указ об ограничении въезда граждан из ряда мусульманских стран. Реакция не заставила себя долго ждать: на улицы вышли тысячи протестующих, а мировое сообщество резко осудило указ. В свое оправдание Д. Трамп на своей официальной странице в Facebook высказался о том, что называть его иммиграционную политику «запретом на мусульман» неверно: «Это не вопрос религии – это вопрос террора и безопасности в нашей стране» [14]. Такие термины как «терроризм» и «угроза национальной безопасности» часто используются для усиления сознательных или подсознательных страхов граждан в популистском дискурсе. Что касается Маттео Сальвини, поддержка со стороны избирателей анти-иммиграционной и националистической программы партии «Лига Севера» постепенно росла. Получив наибольшее количество голосов на выборах в Европарламент в 2019 году, «Лига» активно выступает за независимость Северной Италии, так называемой Падании со столицей в Милане. Сальвини, как и Трамп, известен резкими высказываниями и публикациями в интернете, «умело используя социальные сети для демонизации своих оппонентов и разжигания опасений по поводу мародер-

ства мигрантов» [5]. На своей странице в Twitter Сальвини часто прибегает к таким формулировкам «остановите вторжение» [10], «защищайте границы» [11] и использует хештег – #стопиммиграция (итал. stopimmigrazione) [12]. В 2019 году Итальянский сенат принял закон о мерах самообороны, разрешающий стрелять по грабителям, который лоббировала партия «Лига Севера». «Если на вас НАПАДАЮТ в самом священном месте, в вашем доме, посреди того, что вам дорого, вы должны быть в состоянии ЗАЩИТИТЬ себя», – написал М. Сальвини в Twitter [13]. Представляется верной точка зрения, согласно которой данную политическую риторику можно охарактеризовать в рамках концепции «адиафоры». Этот термин в вышеупомянутом контексте, который используется в философии и в христианстве и представляет нравственно-безразличные действия, предложил использовать философ и социолог, профессор Лидского университета З. Бауман. Он ссылается на все более устоявшуюся логику криминализации иммиграции с распространением дискриминационного поведения в современном обществе. Такие визуальные образы, как «стена на границе с Мексикой» или «демонтаж цыганских лагерей» создают «атмосферу чрезвычайного положения – враг у ворот», – подчеркивает Бауман [4].

Второй тип сформулированных угроз анти-иммиграционной риторики Д. Трампа и М. Сальвини основывается на страхе индивида потерять финансовую стабильность. «Современный популизм мобилизуется не столько против (предполагаемого) врага наверху, сколько против (предполагаемого) врага из-за границы», – А. Пелинка резюмирует Ученый, профессор политологии и изучения национализма в Центрально-Европейском университете в Будапеште [7. Р. 3-22]. Д. Трамп пишет о том, что нелегальная иммиграция приводит к «сокращению рабочих мест и снижению уровня заработной платы». М. Сальвини с одной стороны критикует левых оппонентов, с другой – упоминает о безработице: «Партия скрывается отелях класса люкс, а итальянцы не работают». Наиболее привлекательным современным правый популизм становится для представительней среднего и низшего классов, преимущественно тех избирателей, которые считают, что социально-экономические тенденции и последствия глобализации складываются против них – «неудачников модернизации». К ним, по мнению А. Пелинки относятся «избиратели, не имеющие высшего образования, профессионально занятые в качестве рабочих, которые чувствуют угрозу глобализации и потери национального суверенитета» [7. Р. 3-22].

Третий тип сформулированных двумя политиками угроз иммиграции – это угроза культурным ценностям страны. Авторы статьи «Перспективы устойчивого развития в условиях многомерного кризиса: переосмысление концептов, ключевые факторы, условия успеха» А. Костин и В. Изотов отмечают, что популисты апеллируют к понятию «воли народа» и «консолидируют электорат под лозунгами возвращения «исторической судьбы»

и «былого величия» того или иного народа» [2]. Иллюстрацией данного типа угроз являются лозунги: «Вернем Америке былое величие», «Америка первая» [8] Трампа и «итальянцы прежде всего» Сальвини, в том числе опубликованные в социальных сетях [9]. Такого рода сообщения, апеллирующие к исключительности того или иного народа, существующие в балансе с анти-иммиграционными настроениями, разделяющей «нас» от «них», то есть граждан от мигрантов, наиболее полно раскрывают особенности и сходства риторики политиков.

Политическая практика показывает, что появление анти-иммиграционной риторики в актуальной повестке во многом связано с последствиями кризисов, обостряющих противоречия в обществе. В Европе произошел новый импульс развития популизма крайне правых партий, ориентированных на продвижение националистической идеологии. Несмотря на контекстуальные и исторические различия с европейскими странами, в США также происходит возникновение схожих дискурсивных стратегий, связанных с идеями популизма. Сравнительный анализ высказываний в социальных сетях Д. Трампа и М. Сальвини указывает на наличие общих тенденций высказываний, основанных на потенциальных угрозах иммиграции, что в дальнейшем может привести к формированию «границ», разобщающих и поляризующих общество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Костин А., Изотов В., Мамедов И.* Круглый стол «стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-strategiya-ustoychivogo-razvitiya-v-kontekste-politicheskikh-protsessov-xxi-stoletiya>.

2. *Костин А., Изотов В.* Перспективы устойчивого развития в условиях многомерного кризиса: переосмысление концептов, ключевые факторы, условия успеха // Полит. наука. 2017. Спецвыпуск // <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ustoychivogo-razvitiya-v-usloviyah-mnogomernogo-krizisa-pereosmyslenie-kontseptov-klyuchevye-factory-usloviya-uspeha>.

3. *Чумиков А.Н.* Медиарилейшнз: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2014.

4. *Bauman Z.* Strangers at Our Door. Cambridge: Polity, 2016.

5. *Donadio R.* “The new populist playbook”. *The Atlantic*, 5 September 2019.

6. *Lorenzetti M.I.* “A cross-linguistic study of new populist language”. In: Michael Kranert, Geraldine Horan (eds). *Doing Politics. Discursivity, Performativity and Mediation in Political Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2018.

7. *Pelinka A.* “Right-wing populism: concept and typology”. In: Ruth Wodak, Majid Khosravi-Nik and Brigitte Mral (eds). *Right-Wing Populism in Europe. Politics as Discourse*. London: Bloomsbury, 2013.

---

8. Permanent suspension of @realDonaldTrump // Twitter // https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension.html.

9. “Prima gli italiani” per noi non è uno slogan, ma una ragione di vita // Matteo Salvini // Twitter // <https://twitter.com/matteosalvinimi/status/1255828454622343172>.

10. ROMA, PARLAMENTARI LEGA IN PIAZZA CONTRO IL GOVERNO // Matteo Salvini // Facebook // <https://www.facebook.com/salviniofficial/videos/632028091055182>.

11. Stop invasione // Matteo Salvini // Facebook // <https://www.facebook.com/salviniofficial/posts/10156011359713155>.

12. Sono tre gli immigrati fermati con l'accusa di aver ucciso e fatto a pezzi la povera PAMELA // Matteo Salvini // Twitter // <https://twitter.com/matteosalvinimi/status/962385481370685440>.

13. #Salvini: Se sei AGGREDITO nel posto più SACRO, in casa tua, tra i tuoi affetti, devi poterti DIFENDERE. #agorarai // Matteo Salvini // Twitter // <https://twitter.com/matteosalvinimi/status/842289753877798912>.

14. Statement Regarding Recent Executive Order Concerning Extreme Vetting // Donald J. Trump // Facebook // <https://www.facebook.com/DonaldTrump/posts/10158567643610725>.

15. UN DESA – United Nations Department of Economic and Social Affairs (2019). “International migrants numbered 272 million in 2019, continuing an upward trend in all major world regions”. *Population Facts* 2019/4 // https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/populationfacts/docs/MigrationStock2019_PopFacts_2019-04.pdf.

16. *Wodak R.* The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean. London: SAGE, 2015.

O.N. POLTAVTSEVA

*Postgraduate student, Faculty of Political Science
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

ANTI-IMMIGRATION RHETORIC IN ITALY AND IN THE USA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NEW MEDIA CONTENT OF DONALD TRUMP AND MATTEO SALVINI

This article presents a comparative analysis of the new media anti-immigration rhetorical strategies of two influential politicians Donald Trump and Matteo Salvini. Migration has become a hot topic in the political agenda and famine led politicians to speak of a “refugee crisis” in both Europe and the United States. With the appearance of the internet the channels of disseminating political

---

information have changed increasingly. Online media sources, also known as the new media, have become an integral part of modern political processes. Drawing on the rhetoric in their Twitter and Facebook posts our analysis highlights remarkably similar ideas and strategies that regarded immigration as a threat of for the security, the economy and the culture of the nation.

Key words: *crisis, immigration, migration, new media, populism, rhetoric, Facebook, Twitter, Donald Trump, Matteo Salvini.*

РАЗВИТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР ПОСЛЕ РЕФОРМЫ И ОТКРЫТОСТИ

В статье обобщаются достижения и особенности военной дипломатии КНР после реформ и открытости. После реформ и открытости КНР пережила четыре эпохи управления: Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин. Народно-освободительная армия Китая активно адаптировалась к национальным стратегическим изменениям, глубоко понимала мировую ситуацию и общие тенденции военного развития, восстановила стратегическую политику активной обороны. Как важная часть внешней политики и военной политики КНР, военная внешняя политика КНР полностью воплощает в себе отличительные черты, то есть военные подчиняются политике, военная стратегия подчиняется политической стратегии, и исходя из того, что защита национальных интересов всегда является высшим принципом, она постоянно совершенствовалась. Постоянно расширяя военное сотрудничество и взаимодействие со странами по всему миру, а также активно участвуя в военно-дипломатических операциях в рамках многосторонних и международных организаций, КНР продемонстрировала совершенно новые особенности военной дипломатии. Поскольку влияние КНР на мировой арене со временем растет, а ее военная мощь продолжает расти, интересно наблюдать как Пекин демонстрирует свою собственную концепцию отказа от гегемонии. Поскольку военная дипломатия продолжает играть существенную роль в мировой политике, исследование ее особенностей продолжает оставаться интересным и актуальным.

Ключевые слова: КНР, военная дипломатия, реформа и открытость, развитие, особенности.

После основания Китайской Народной Республики идеология серьезно повлияла на военную и внешнюю политику КНР. Будь то союз с СССР, или экспорт революции в соседние страны, или военная помощь, которые отражают повсеместное распространение идеологии.

В 1950 году китайско-советские военные отношения быстро обострились, что в основном выразилось в следующем: Советский Союз направил в КНР большое количество военных экспертов и консультантов, платная передача нескольких видов военной техники и технологий, КНР представила современное советское оружие, отправила большое количество военных студентов и всесторонне изучила опыты строительства обороны и армии СССР [10. С. 8]. В 1960-е годы произошло общее ухудшение китайско-советских отношений, в то время как США продолжали проводить враждебную политику по отношению к КНР, что заставило Пекин перейти к одновременной военной конфронтации с двумя сверхдержавами – США и СССР, а военная дипломатия КНР также обратилась к активной поддержке и решительной помощи национально-освободительного движения в странах третьего мира [3]. В 1970-е годы из-за беспокойной обстановки в КНР китайское руководство активно изменило свою внешнюю политику и выступило с инициативой улучшения военных отношений с западными странами во главе с США, тем самым достигнув баланса сил между странами.

После реформы и открытости, поскольку идеология больше не является глубоко укоренившейся движущей силой, которая доминирует во внешней стратегии КНР, внешняя политика КНР претерпела серьезные изменения. В 1978 году правление Дэн Сяопина в КНР стало отправной точкой реформ и открытости Китая. Китай избавился от оков прошлой идеологии во всех аспектах и начал рассматривать экономическое развитие страны в качестве своей основной цели, тем самым задавая четкое направление военной дипломатии КНР.

В 1980 году военное руководство КНР и США впервые провели переговоры, которые также открыли путь к развитию военных отношений со странами Запада [6]. Что касается международных организаций, КНР активно выступает за содействие разоружению и контролю над вооружениями в ООН, выступает против гонки вооружений и начала участвовать в миротворческих операциях ООН, открывая новые области военной дипломатии.

Одним словом, военная дипломатия КНР в период Дэн Сяопина добилась серьезных стратегических изменений: от пропаганды «мировой революции» к «миру во всем мире»; от «союзника» и «полу-присоединения» к «неприсоединению»; от неприятия механизмов международной безопасности к уважению механизмов международной безопасности; внешняя политика, основанная на идеологии, трансформировалась во внешнюю политику, основанную на интересах национальной безопасности [3].

С распадом СССР и окончанием холодной войны в 1990-х годах структура мира изменилась с «двухуровневой конфронтации» на «одна сверхдержава, много держав». Различные силы в мире столкнулись с новыми разделениями и комбинациями. Хотя традиционные вопросы военной безопасности по-прежнему доминируют в вопросах безопасности в мире, не-

традиционные вопросы безопасности также быстро накаляются, например, терроризм, сепаратизм и экстремистские силы оказывают серьезное влияние на региональную безопасность. Это также побудило китайскую военную дипломатию начать репозиционирование. Тогдашний китайский лидер Цзян Цзэминь выдвинул идею «новой концепции безопасности» [5]. В течение этого периода военная дипломатия КНР руководствовалась «новой концепцией безопасности» и демонстрировала активную позицию. Важным событием этого периода является активное продвижение различных форм диалоговых механизмов для международного и регионального сотрудничества в области безопасности.

КНР продолжает активно продвигать международный контроль над вооружениями и разоружением. КНР подписала или ратифицировала все многосторонние договоры о контроле над вооружениями и добросовестно выполняет их. Например, КНР присоединилась к «ДНЯО» в марте 1992 года, подписала «Конвенцию о запрещении химического оружия» в январе 1993 года. В 1998 году КНР и США создали механизм консультаций по вопросам военной безопасности на море. Китайско-российское стратегическое координационное партнерство получило всестороннее и глубокое развитие. В 1997 году вооруженные силы КНР и РФ создали механизм стратегических консультаций. Происходит укрепление регионального диалога и сотрудничества в области безопасности. КНР приняла участие в региональном форуме АСЕАН (АРФ), Соповещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Азиатско-Тихоокеанском Совете сотрудничества в области безопасности (CSCAP), Диалоге о сотрудничестве в Северо-Восточной Азии (NEACD), трехстороннем академическом диалоге безопасности и процессе сотрудничества КНР-США-Япония и других многосторонних мероприятиях.

Вступая в XXI век, тенденция к многополярности мира и глобализации усиливается, но в то же время формируются более сложные формы международной безопасности. Особенно после терактов 11 сентября 2001 г. терроризм и сепаратизм усилили свое влияние. КНР продолжает укреплять и развивать сотрудничество и диалог между региональными организациями.

На саммите ШОС в Санкт-Петербурге, состоявшемся в июне 2002 года, главы государств шести стран подписали три важных политических документа: «Хартию Шанхайской организации сотрудничества» [9], «Соглашение между государствами-членами ШОС о региональной антитеррористической структуре» [7] и «Декларацию глав государств Шанхайской организации сотрудничества» [4]. ШОС выступает за новую концепцию безопасности, новую модель регионального сотрудничества и новый тип межгосударственных отношений. Она укрепила доверие и сотрудничество в военной области, укрепила существенное сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В 2004 году при активной поддержке КНР была официально учреждена Конференция по политике

безопасности Регионального форума АСЕАН, которая стала механизмом диалога на высшем уровне для представителей оборонных ведомств форума. В октябре 2010 года КНР участвовала в первой расширенной встрече министров обороны АСЕАН и выдвинула предложения по укреплению регионального диалога и сотрудничества в области безопасности [1].

С 2007 года КНР ежегодно направляет высокопоставленных чиновников из министерства обороны для участия в диалоге Шангри-Ла, который проводится в Сингапуре с целью разработки оборонной политики КНР и предложений о сотрудничестве в области региональной безопасности. На данном этапе китайские военные также наблюдали или участвовали в военных учениях в рамках двусторонних, многосторонних или региональных организаций. Например, они направили своих представителей для наблюдения за военно-морскими учениями по разминированию в регионе Западного Тихого океана, проводимыми Сингапуром, учениями по поиску и спасению подводных лодок в регионе Западного Тихого океана [1].

В то же время китайские военные также усилили механизмы реализации «мягкой силы» и более открыто и прозрачно продемонстрировали создание и развитие китайских вооруженных сил. С момента создания в 2008 году пресс-служба министерства национальной обороны КНР своевременно публиковала важную информацию, активизировала публичную дипломатию и организовывала местные и зарубежные СМИ для посещения боевых подразделений и освещения их работы. Веб-сайт Министерства национальной обороны КНР и другие платформы своевременно предоставляют актуальную информацию о национальной обороне и строительстве армии. Кроме того, КНР продолжает активно участвовать в миротворческих операциях ООН и является постоянным членом Совета Безопасности ООН, который направляет наибольшее количество миротворцев.

В настоящее время мировая система претерпевает глубокие изменения, и не западные силы продолжают расти. Как развивающаяся держава, КНР постепенно переместилась из «периферии» в «центр» мировой системы, а ее военно-дипломатическая активность продолжает возрастать. По состоянию на май 2019 года КНР провела военные обмены с более чем 150 странами, имеет 130 военных атташе в иностранных посольствах, 116 стран открыли военные представительства в КНР, и сотрудничает с 41 страной и международными организациями. С 2012 года высокопоставленные военные делегации китайской армии посетили более 60 стран, а также более 100 министров обороны и военачальников посетили КНР [2].

Таким образом, положения военной дипломатии КНР после реформ и открытости можно резюмировать следующим образом:

1. Китайские военные подчиняют свою политику национальной стратегии, реализуют механизмы мирной дипломатии, не вмешиваясь активно в международные военные конфликты.

2. Надлежащим образом регулируются военные отношения с крупными державами, особенно с США и РФ. Перед лицом возрастающих трудностей КНР поддерживает военное сообщение с США, управляет военными конфликтами, предотвращает возможность локальных войн и продолжает укреплять сотрудничество и обмены с РФ, чтобы наладить конструктивную в стратегическом партнерстве трех стран КНР, США и РФ в мировой системе, по крайней мере, в военной области.

3. Важное значение имеет укрепление военных отношений с соседними странами, повышение взаимного военного доверия между странами АТР и мирное сосуществование в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

4. КНР активно участвует в глобальном управлении и берет на себя международные обязательства и ответственность. Китайские военные активно участвуют в миротворческих операциях ООН и оказывают международную гуманитарную помощь, укрепляют диалоги и консультации по вопросам глобальной и региональной безопасности, постоянно совершенствуют свою собственную военную мягкую силу и укрепляют свое международное влияние.

По мере того как национальная мощь КНР продолжает укрепляться и постепенно занимает центральное положение это вызывает беспокойство соседних и западных стран. В данной ситуации КНР, используя военно-дипломатические средства, пытается продемонстрировать свое намерение мирного возвышения и способность взять на себя международную ответственность в качестве великой державы. Изучая характеристики китайской военной дипломатии, мы можем глубже понять внутреннюю логику китайской концепции отказа от гегемонии и внутренние механизмы реализации военной дипломатии КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Белая книга обороны КНР. 2010 // Официальный сайт МО КНР // https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/zcwj_674915/t812033.shtml#66 (На кит. яз.).

2. Белая книга обороны КНР. 2019 // Официальный сайт МО КНР // http://www.mod.gov.cn/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (На кит. яз.).

3. Ван Хунвэй. «Исследование эволюции и особенностей 70-летней истории военной дипломатии Нового Китая» // Журнал военной истории. 2019. № 5 (На кит. яз.).

4. Декларацию глав государств Шанхайской организации сотрудничества // <http://www.kremlin.ru/supplement/1672>.

5. Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Национальном Конгрессе Коммунистической партии Китая. 18.11.2002 // Официальный сайт МИД КНР // https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/t10855.shtml (На кит. яз.).

6. Сяньшицзайбусеточжань, Цзюньшивайцзяошижучжаоян. 15.12.2008 // Официальный сайт МНО КНР // http://news.mod.gov.cn/headlines/2008-12/15/content_3039788_3.htm (На кит. яз.).

---

7. Соглашение между государствами-членами ШОС о региональной антитеррористической структуре // <http://www.kremlin.ru/supplement/3864>.

8. Формулирование внешней политики накануне основания Нового Китая // Официальный сайт МИД КНР. 07.11.2010 // https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/t8977.shtml (На кит. яз.).

9. Хартию Шанхайской организации сотрудничества // <http://www.kremlin.ru/supplement/3450>.

10. Чжу Чэнху. Теория и практика национальной обороны и строительства армии с момента основания Нового Китая // Пекинское Шиши издательство. 2012 (На кит. яз.).

WU YANBIN

*Post-graduate student of the department of international security,
School of World Politics,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

DEVELOPMENT AND FEATURES OF CHINA'S MILITARY DIPLOMACY AFTER REFORM AND OPEN

The article summarizes the achievements and features of the PRC's military diplomacy after reform and open. After reform and open, the PRC experienced four eras of administration: Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Hu Jintao, and Xi Jinping. The People's Liberation Army of China actively adapted to national strategic changes, deeply understood the world situation and general trends in military development, and restored the strategic policy of active defense. As an important part of the foreign policy and military policy of the PRC, the military-foreign policy of the PRC fully embodies the distinctive features, that is, the military obeys politic, the military strategy obeys the political strategy, and based on the fact that the protection of national interests is always the supreme principle, it has been constantly improved. Constantly expanding military cooperation and interaction with countries around the world, as well as actively participating in military diplomatic operations within the framework of multilateral and international organizations, the PRC has demonstrated completely new looks and features of military diplomacy. As the PRC's influence on the world stage grows over time, and its military power continues to grow, how does Beijing demonstrate its own concept of renouncing hegemony? Military diplomacy will play an increasingly important role, the peculiarities of China's military diplomacy are also worth researching further.

Key words: *PRC, military diplomacy, reform and open, development, features.*

ПОЗИЦИИ РОССИИ И ЯПОНИИ ВОКРУГ КУРИЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена одному из наиболее проблемных вопросов на сегодняшний день, который препятствует построению более крепких, доверительных отношений между Россией и Японией – территориальному размежеванию Курильских островов, а также их официальным позициям по данной проблеме через исторический дискурс. Попытки сторон по вопросу урегулирования спорных территорий в течение долгого времени не имеют успеха, поскольку стороны не могут прийти к консенсусу относительно раздела территорий, устраивающего обе стороны.

Ключевые слова: *Курильские острова, Россия, Япония, территориальные споры.*

Российско-японские отношения можно охарактеризовать как крайне неустойчивые и пограничные. На протяжении долгого времени сохраняется открытым вопрос о «принадлежности» Курильских островов – на сегодняшний день это часть островов, а именно: Итуруп, Кунашир, Шикотан и архипелаг Хабомаи (в России архипелаг вместе с островом Шикотан объединены под одним названием Малая курильская гряда) [4].

Во время подписания Симодского договора 7 февраля 1855 года проблема Курильских территорий приобретает свое основание. Стоит отметить, что и именно тогда возникают первые действенные официальные контакты России и Японии.

Главной идеей данного договора было установление постоянного мира и искренней дружбы между Россией и Японией, а также установление дипломатических и торговых отношений [5]. Что касается территориального

вопроса, то в этом отношении устанавливалась граница между островами Уруп и Итуруп, а территория острова Сахалин разделу не подвергалась. Впоследствии, в 1867 году было принято решение об утверждении совместного владения островом с последующим разрешением свободного проживания граждан обеих стран.

В 1875 году был заключен Санкт-Петербургский договор [27] между Японией и Россией, согласно которому Россия передавала под юрисдикцию Японии все Курильские острова севернее Урупа – Центральные и Северные Курилы, в обмен на абсолютное владение островом Сахалин.

Такие действия имели разные последствия для сторон, как положительные, так и отрицательные. Россия на определенный период времени лишилась доступа к выходу в Тихий океан, который был особо важен для рыболовного промысла, посредством отказа от территорий ради Сахалина, который фактически находился под влиянием российского правительства. Однако в результате принятия такого решения, появилась возможность интенсивного развития Дальнего Востока на территории России даже несмотря на то, что на Балканском полуострове была нестабильная и волнующая обстановка и было существенное противодействие государств в Восточной Азии. Следует отметить, что у России на тот момент не было достаточных вооруженных сил для защиты своей дальневосточной территории в случае конфронтации. На территории Японии передача Сахалина вызвала общественный диссонанс из-за лишения природных ресурсов, которые были расположены на острове, что впоследствии стало источником дохода для японской промышленности, и, по их мнению, остров имел важное как политическое, так и экономическое значение [16].

Правительству Японии было необходимо оправдать свои действия перед своим народом, который не понимал, по какой причине произошла передача территории другому государству. Япония сослалась на причину неспособности государства противостоять натиску России в заселении территории Сахалина, вследствие чего японская сторона получила денежную компенсацию со стороны Российской Империи за передачу Сахалина посредством подписания Санкт-Петербургского договора [17].

В конечном счете, Санкт-Петербургский договор так и не стал окончательным актом в территориальном вопросе между Россией и Японией и не смог устранить дальнейшие конфликты между странами. Договор сохранил свою силу до 1905 года, когда в результате войны между Российской Империей и Японией [25], был подписан Портсмутский мирный договор [6], по которому Япония, имеющая уже на тот момент хорошую позицию на международной арене и заручившаяся поддержкой Соединенных Штатов Америки и Англии, одержала победу и присвоила себе часть острова Сахалин южнее пятидесятой параллели северной широты и все прилегающие к ней острова [24].

Согласно договору, стороны обязались не создавать оборонительных сооружений и военных формирований, и было оговорено обеспечить беспрепятственный проход торговых судов в Татарском проливе и проливе Лаперуза. Граждане Японии получили свободный и бесплатный доступ к рыболовству в Японском, Беринговом и Охотском морях [29]. Все соглашения, которые были заключены между странами ранее, трактаты и соглашения, по инициативе правительства Японии, были аннулированы [15]. Портсмутский мирный договор был единственным соглашением между странами на тот момент.

Русско-японская война и, впоследствии, подписание Портсмутского мирного договора не принесли обеим сторонам ничего хорошего. Япония потерпела сильные финансовые потери, а мирный договор рассматривали как нечто унижительное. Российская же сторона показала свою политическую несостоятельность, и в итоге, увеличивающееся в то время недовольство правительством, переросло в революцию [9].

Октябрьская революция 1917 года и последующий крах Российской Империи были восприняты японским правительством, как возможность для расширения своих территориальных владений. При поддержке таких влиятельных и сильных держав, как Франция и Великобритания, а также подписанное соглашение с Соединенными Штатами о разделе дальневосточной территории, Япония присоединилась к иностранной интервенции против России, посредством того, что в апреле 1918 года правительство Японии решило высадить свои войска на территории Российской Империи, во Владивостоке [20].

На начальном этапе интервенции планировалось использовать только экономические рычаги воздействия: проведение переговоров о возможности вкладывания японского капитала в добычу каменного угля на Сахалине, возможность эксплуатации Японией нефтяных полей на северной части Сахалина, которая принадлежала России и т.д. [10]. Однако ситуация резко изменилась по причине убийства граждан Японии в Николаевске-на-Амуре («Николаевский инцидент», март 1920 г.) в Северном Сахалине [2], после которого японское правительство решило ввести войска на территорию Северного Сахалина.

Северная территория Сахалина была оккупирована уже в апреле 1920 года. Япония заявила России о своих действиях, охарактеризовав их как крайнюю необходимость восстановления порядка на данной территории. Так же японские войска планировали оставаться в этом районе до тех пор, пока в России не будет создано постоянное правительство. Японское правительство ввело военно-гражданскую администрацию на оккупированной территории Сахалина, в результате чего законы, которые были установлены в свое время Российской Империей, теряли свою силу.

Заявление, исходящее от правительства Российской Империи, о возможной продаже части Сахалина Японии, только усиливало позиции японско-

го правительства в отношении их пребывания на северной части острова и непосредственного владения его территорией. Был также рассмотрен вариант предоставления Японии Россией концессий на использование нефтяных и угольных месторождений и лесных ресурсов. Однако, планы Японии не нашли поддержки в российских кругах.

Российское руководство отказывалось признать законность оккупации Северного Сахалина Японией, но и применять вооруженные силы российское руководство не хотело. В итоге, необходимость его освобождения заставила российское руководство рассмотреть предложения Японии в обмен на вывод японских войск и возвращение российского управления на территорию Сахалина. В результате было решено провести переговоры, целью которых был поиск компромиссов. Тем не менее, переговоры, которые состоялись в 1922 году не увенчались успехом в связи с расхождением в позициях российского руководства. В 1923 году Россия все-таки приняла решение о предоставлении японской стороне концессии на территории Северного Сахалина. По предложениям Японии, в целях укрепления японско-российских отношений, предлагалось создать совместное общество для эксплуатации природных источников, находящихся на территории Сахалина. В результате этого возникала необходимость рассмотрения российским руководством вопроса продажи Северного Сахалина.

Результатом переговоров стало подписание «Пекинской конвенции» 20 января 1925 года [1]. Советский Союз и Япония с помощью данной конвенции установили основные принципы их взаимоотношений. Данный документ провозглашал начало дипломатических и консульских отношений между двумя государствами. Япония же в свою очередь обязалась вывести свой военный контингент с территории северного Сахалина в обмен на согласие СССР предоставить японской стороне право на уступки [7]. Конвенция стала документом, который подтверждает действительность Портсмутского мирного договора, который был подписан в 1905 году [18]. Результатом подписания данного акта также является соглашение сторон по сохранению своих владений на Сахалине. Таким образом, Япония отказалась от своих прав на часть Сахалина, которая в то время принадлежала Советскому Союзу.

Как мы можем наблюдать, впоследствии, до начала Второй мировой войны, между странами не возникало открытых споров и конфликтов касаясь островов, однако складывались их предпосылки. Стоит отметить, что после окончания оккупации Дальнего Востока, Япония начала проводить более жесткую политику по отношению к СССР.

Отношения двух стран стремительно обострялись. В первую очередь этому способствовал ряд различных прецедентов, которые были реализованы японской стороной. К ним относятся, к примеру, создание правительством Японии марионеточного государства Маньчжоу-Го на оккупиро-

ванной территории Маньчжурии в 1932 году, что привело к уступке прав на КВЖД СССР Маньчжурии [13]. Впоследствии данные действия со стороны японского государства были расценены мировым сообществом как акт необъявленной войны Советскому Союзу.

Эти события в дальнейшем повлекли за собой столкновение Маньчжоу-Го и СССР, а также Монгольской Народной республики на озере Хасан в мае 1938 года и на реке Халхин-Гол в августе 1939 года. Однако конфронтация была скорее столкновением между Японией и Советским Союзом. Тем не менее, Япония и Советский Союз выступали лишь сторонниками противостоящих друг другу блоков, но никак не оппозиционными сторонами на тропе войны. Именно тогда было решено заключить пакт о нейтралитете [19].

13 сентября 1941 года сторонами был заключен пакт о нейтралитете, который предполагал важные условия для обеих сторон в данный военный период. Данный пакт предполагал сохранение нейтрального статуса обеими сторонами на протяжении всего конфликта, если одна из сторон станет объектом военных действий. Пятилетний срок действия пакта мог быть автоматически продлен в том случае, если страны не объявили о его денонсации за год до истечения установленного срока [30]. Подписание пакта играло важную роль не только для разрешения ряда спорных вопросов, но и ввиду усиливающейся возможности вступления в войну обоих государств.

Однако отношения Советского Союза и Японии вскоре стали ухудшаться. Огромную роль в этом сыграло вступление Японии, которая была уверена в победе Германии, в войну с союзниками СССР – Великобританией и Соединенными Штатами. Таким образом, Япония, являясь союзником Германии в войне с Советским Союзом, нарушила Пакт о нейтралитете, в котором стороны (СССР и Япония) обязывались поддерживать дружественные и мирные отношения.

За такими действиями Японии последовало подписание Каирской декларации 27 ноября 1943 года между США, Великобританией и Китаем, которая официально объявляла Японию «государством-агрессором». Главной целью декларации являлось остановить действия Японии и лишить ее территорий, которые были оккупированы ею с начала Первой мировой войны 1914 года [23], а также возможность передачи Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских территорий.

Еще одним немаловажным документом, который рассматривал изъятие у Японии Южного Сахалина и Курильских островов, стало Ялтинское соглашение, подписанное 11 февраля 1945 года [26]. Советский Союз, который был крайне заинтересован в возвращении этих территорий, подвергся условиям, на которых впоследствии был осуществлен перевод южной части Сахалина и Курильской территории: после капитуляции Германии, а конкретно через два или три месяца, Советский Союз обязался вступить в во-

йну с Японией. В случае, если российские войска смогут одержать победу, то к Российской Империи присоединяется южная часть острова Сахалин и все прилегающие к нему острова, а также Курильские острова. Документ позволил восстановить права, которые в свое время принадлежали России, но были отобраны Японией во время русско-японской войны 1904-1905 гг.

Япония считала данное соглашение неправомерным в связи с тем, что японское правительство не принимало никакого участия в его разработке. Таким образом, Япония посчитала данное соглашение за документ, не имеющий основание быть действительным. Однако эта позиция не принесла ей никаких результатов. Согласно международному праву, Япония, будучи агрессором, из-за сотрудничества с Германией, не могла присутствовать при обсуждении подобного рода документов.

Ялтинское соглашение, которое не отражает окончательное решение по территориальному вопросу, подтолкнуло советское руководство действовать в соответствии с нормами международного права и принять Заявление о денонсации пакта о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 года. Невозможность существования Пакта была объяснена позицией Советского Союза, а именно изменение ситуации произошло из-за ряда событий: Пакт был заключен до нападения нацистской Германии на Советский Союз; после подписания Пакта Япония встала на сторону Германии против СССР, а также начала военные действия против союзников СССР – Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Таким образом, Пакт о нейтралитете между СССР и Японией утратил свое значение.

9 августа 1945 года Советский Союз начал войну с Японией. Во время боевых действий Советскому Союзу удалось оккупировать территорию Южного Сахалина и Курильских островов.

2 сентября 1945 года Япония приняла Акт о капитуляции, в которой соглашалась со всеми условиями, оговоренными в Потсдамской декларации, которая была подписана 26 июля 1945 года Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем, а позднее (8 августа 1945 года) и Советским Союзом, согласно которой влияние Японии распространялось только на острова Хоккайдо, Хонсю, Сикоку и Кюсю.

Согласно указу Президиума Народного Совета СССР, 20 сентября Курильские острова и Южный Сахалин были объявлены государственной собственностью Советского Союза. В феврале 1946 года на основании директивы № 1421, которая была направлена Соединенными Штатами в адрес Японии, состоялась репатриация японских граждан с переданной территории. Таким образом, победа Советского Союза определила идентичность территории Курильских островов и Южного Сахалина и заложила основу для территориального спора, который не теряет своей актуальности и по сей день.

Стоит отметить, что с течением различных обстоятельств, например, вмешательства Соединенных Штатов в территориальный вопрос, которые

стремились добиться от Японии полного отказа от Курильских островов, но в тоже время пытающихся не допустить признание суверенитета Советского Союза на данной территории, ситуация между странами осложнялась. Казалось бы, что договор, который заключили страны (Сан-Францисский мирный договор [27]) 8 сентября 1951 года должен был решить все проблемы по вопросу раздела Северных территорий и Южного Сахалина. Однако ситуация, которая сложилась вокруг бывших союзников, а именно между США, Великобританией и СССР, поменялась в худшую сторону. Необходимо отметить, что обязательства стран, прописанные в Сан-Францисском мирном договоре, стали катализатором для зарождения спора между СССР и Японией.

Согласно положениям, прописанным в мирном договоре, Япония отказалась от претензий на присвоение территории Курильских островов, а также территории южного Сахалина и всех прилегающих к этой части островов. В статье 8 мирного договора подчеркивалось признание правительством Японии реальности ранее подписанных договоров с Советским Союзом, которые и были фундаментом для создания Сан-Францисского мирного договора по вопросу территориальной принадлежности, а именно Каирской декларации (1943 г.) и Ялтинского соглашения (1945 г.) [11].

В свою очередь со стороны Советского Союза, руководством не был подписан мирный договор. Советские политические лидеры считали, что договор вовсе не отвечает интересам всех сторон, а только учитывает мнение правительства Соединенных Штатов. Кроме того, условие мирного договора не содержит японского признания суверенитета Советского Союза на спорной территории южного Сахалина и Курильских островов [3].

Принимая во внимание тот факт, что договор – многосторонний, отказ СССР утвердить и присоединиться к этому договору не аннулировал согласие Японии со всеми условиями, которые были прописаны в договоре. В результате чего территории Курильских островов и Южный Сахалин были закреплены за Советским Союзом. Более того, по результатам Второй мировой войны Япония, будучи страной-агрессором, не участвовала в решении вопроса о владении территорией [8].

По мнению японской стороны, если в ранее подписанных договорах и соглашениях отсутствовал конкретный суверенитет, то Япония может потребовать возвращения территорий Курильских островов и Южного Сахалина под свой протекторат. Однако из-за непримиримости позиции руководства Советского Союза, Япония стала настаивать только на возвращении Южных Курил.

В ходе переговоров стороны решили вопросы, касающиеся прекращения состояния войны, восстановления консульских и дипломатических отношений, а также освобождения и репатриации японских военнопленных. Советский Союз решил пойти на уступки и согласился возвратить Японии

острова Хабомаи и остров Шикотан, но только при условии подписания мирного договора между государствами, а также отказа Японии от вступления в военные союзы, направленные против СССР [32]. Однако подписание мирного договора так и не смогло состояться по причине выдвинутого ультиматума Соединенных Штатов в сторону Японии.

Нормализовать отношение Советскому Союзу с Японией, находившейся под влиянием США, в дальнейшем так и не удалось. Тем не менее, несмотря на все препятствия, Япония все же настаивала на продлении ведения переговоров по вопросу территориальной принадлежности, а именно передачи Японии островов Итуруп и Шикотан. В свою очередь, позиция Советского союза была такова: переговоры считались нецелесообразными, поскольку вопрос был урегулирован по согласию обеих сторон.

Еще одним камнем преткновения между Японией и Советским Союзом стало подписание Японией 19 января 1960 года «Договора о безопасности» с Соединенными Штатами, который был направлен против СССР и КНР [12], тем самым нарушив условия Совместной декларации 1956 года.

В связи с нарушением декларации правительство Советского Союза предоставило несколько условий, которые в будущем могли бы наладить советско-японские отношения. Во-первых, СССР не устраивал пункт «Договора о безопасности», в котором Япония соглашалась на размещение вооруженных сил США на своей территории. Позднее же Советское правительство и вовсе осудило Японию за требования вернуть территории, статус которых был определен ранее заключенными договорами и пересмотру не подлежал. Впоследствии Советский Союз и вовсе заявил об отсутствии проблемы.

Позднее, в 1960-е годы Япония начала развивать свой внутренний потенциал и затем укреплять свои позиции на мировой арене, а также решила пересмотреть свое отношение к территориальному вопросу вокруг северных территорий [21] и пришла к выводу о необходимости требования передачи Советским Союзом Японии не только островов Итуруп и Кунашир, но и остальных южных островов архипелага – Шикотан и Хабомаи.

К тому времени встречи представителей двух держав – СССР и Японии – не несли заметных изменений в сложившейся ситуации, так как каждая из сторон придерживалась своих позиций: Япония пыталась внести в повестку дня территориальный спор, Советский Союз отказывался от каких-либо комментариев о Северных территориях и призывал японскую сторону к скорейшему заключению мирного договора. По причине отказа Японии заключить мирный договор советское правительство пришло к выводу о необходимости осуществления так называемых «промежуточных мер», направленных на развитие между государствами торговых и культурных связей.

Несомненно, с течением времени можно наблюдать, что позиции стран по территориальному вопросу постоянно менялись с учетом различных обстоятельств и событий. Однако стоит учитывать тот факт, что именно после

окончания Второй мировой войны укрепились основные позиции обеих стран (Японии и СССР в то время), которые остаются неизменными и по сей день.

Стоит отметить, что на сегодняшний день позиция России состоит именно в том, что по итогам Второй мировой войны Южные Курилы вошли в состав СССР, впоследствии правопреемницей которого стала Россия. Российский суверенитет имеет соответствующее международно-правовое подкрепление. Это означает, что курильские острова являются неотъемлемой частью Российской Федерации на законных основаниях в соответствии с итогами Второй мировой войны, что также закреплено в Уставе ООН. Россия, со своей стороны, нацелена продолжать переговоры о заключении мирного договора между странами, а также устремлена укреплять взаимовыгодные добрососедские отношения с Японией, развивать сотрудничество в политической, культурной, экономической, торговой, научно-технической и гуманитарной областях [14].

Японская сторона, в свою очередь, считает, что «северные территории» являются исконной частью Японии, которая по-прежнему незаконно находится под оккупацией РФ. Позиция Японии заключается в том, что она готова продолжать переговоры по вопросу подписания мирного договора, а также, в случае подтверждения передачи «северных территорий» Японии, японская сторона готова гибко подойти ко времени и порядку их возврата. Более того, после возврата Курильских островов, Япония намерена уважать права, интересы и желания российских граждан, которые в настоящее время живут на островах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Гримм Э.Д.* Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, заключенная в Пекине 20 января 1925 г. // Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). М.: Издание Института Востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927 г.

2. *Дацьшен В.Г.* Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период Японском оккупации (1920-1925 гг.) // Ежегодник Японии. 2014 г.

3. Из заявления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громько на пресс-конференции в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. // Правда. 1951 г.

4. *Каору Иокибэ.* Япония и Россия: трактовка истории и территориальная проблема. М.: Московский центр Карнеги, 2016.

5. *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Симодский договор между Россией и Японией // Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. Часть I: От Французской Революции до империалистической войны. М.: Литиздата НКВД, 1925.

6. *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. (Из истории отношений Японии с Россией и СССР 1905-1945 гг.). М., 1961.

7. Карлин К.Г. События весны 1925 года на северном Сахалине и общественное настроение на острове // Вестник № 7. Сах. Обл. Краеведческий музей. 2000 г.

8. Кошкин А.А. Громыко говорит «нет». К истории заключения послевоенного мирного договора с Японией // Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010 г.

9. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. СПб., 2003.

10. Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921-1931 гг. Книга 1 (1921-1925 гг.). М.: Наука, 2007.

11. Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года // «История войны на Тихом океане». М., 1958. Т. 5.

12. Международные отношения и внешняя политика Советского Союза, 1950-1959. Изд-во ИМО. 1960. Том 2.

13. Наземцева Е.Н. Японские оккупационные власти и российская эмиграция в Маньчжоу-Го в 30-е годы XX века // Новая и новейшая история. М.: Наука, 2012.

14. О состоянии и перспективах развития российско-японских отношений на современном этапе // <http://www.mid.ru/perspektivy-rossijsko-aronskih-otnosenij>.

15. Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст Договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906.

16. Русские Курилы: история и современность: Сб. док. по истории формирования рус.-яп. и совет.-яп. границы / В.К. Зиланов, А.А. Кошкин, И.А. Латышев [и др.]. М., 1995.

17. Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855-1875 (от Симодского трактата до Петербургского договора). Владимир, 2004.

18. Совместный сборник документов МИД Российской Федерации и МИД Японии по ИСТОРИИ территориального размежевания между Россией и Японией. 1992 год // http://istmat.info/files/uploads/57130/sovместnyu_sbornik_dokumentov_mid_rossiyskoy_federacii_i_mid_yaponii_po_istorii_territorialnogo_razmezhevaniya_mezhdu_rossiey_i_yaponiey.pdf.

19. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М.: Новина, 1995.

20. Ian C.D. Moffat. The allied intervention in Russia 1918-1920. 2015.

21. James L. Huffman. Japan in world history. Oxford University Press, 2017.

22. Japan's Basic Position // <https://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/overview.html>.

23. James I. Matray. Casualty of the Cold War: The Cairo Declaration and Its Historical Legacy in Northeast Asia // The Journal of Northeast Asian History. 2014. Volume 11. Number 1.

---

24. *Olivia Tani*. The Russo-Japanese War and Japanese concept of territorial identity in the Sakhalin Island // *Storia e futuro*. 2007. № 14.

25. Russo-Japanese War // *Encyclopedia Britannica* // <https://www.britannica.com/event/Russo-Japanese-War>.

26. *Robert Harold Davidson*. The Far East agreements of the Yalta Conference of February 4-11, 1945, and the Sino-Soviet agreements of August, 1945 // *Portland State University*. 1969.

27. Treaty of Peace with Japan // <http://www.taiwandocuments.org/sanfrancisco01.html>.

28. 樺太・千島交換条約 / 小学館 日本大百科全書(ニッポニカ) // <http://web-japan.org/niponica/niponica21/en/feature/feature08.html>.

29. ポーツマス条約 / 国際派日本人養成講座 // http://www2s.biglobe.ne.jp/~nippon/jogbd_h16/jog365.html.

30. 日ソ中立条約 (日本国及ソヴェエト聯邦間中立条約) / データベース「世界と日本 // <http://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/JPRU/19410413.T1J.html>.

31. 明日の日本を考える編集部. 終戦記念日緊急出版 日本復興の礎 サンフランシスコ講和条約 / ゴマブックス株式会社. 2013.

A.I. BUDNIK

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

T.V. GRIGORIEVA

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. KAN

*Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

POSITIONS OF RUSSIA AND JAPAN AROUND THE KURIL TERRITORIAL PROBLEM

The article is devoted to one of the most problematic issues today, which prevents the building of stronger, trusting relations between Russia and Japan - the territorial delimitation of the Kuril Islands, as well as their official positions on this issue through historical discourse. The attempts of the parties to settle the disputed territories for a long time have not been successful, since the parties cannot come to a consensus on the division of territories that would suit both parties.

Key words: *Kuril Islands, Russia, Japan, territorial disputes.*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЧИЛИ: ОТ ПРОТЕСТОВ К ПЛЕБИСЦИТУ

В статье рассматриваются предпосылки, этапы и особенности социально-политического кризиса в Чили, разразившегося в октябре 2019 года. Проводится своеобразная параллель между историческим наследием пиночетизма и актуальной политической конъюнктурой. Анализируется специфика чилийского протестного движения, характеризуются важнейшие промежуточные итоги протестной активности, в частности, принятие правительством Себастьяна Пиньеры «Новой социальной повестки», а также проведение конституционного плебисцита в условиях пандемии COVID-19.

Ключевые слова: Чили, массовые гражданские протесты, социальное неравенство, «Новая социальная повестка», Себастьян Пиньера, плебисцит, COVID-19.

1. Актуальность темы исследования. Истоки и предпосылки сложившейся политической ситуации в Чили, специфика и прогнозы ее развития в условиях международной турбулентности и пандемии COVID-19 являются актуальной в теоретическом и прикладном значениях темой [5; 6]. Есть все основания говорить о том, что актуальность современной политической конъюнктуры в стране уходит корнями в события второй половины XX века, определяясь особенностями различных этапов политического прошлого. Политическую историю Чили указанного периода можно условно подразделить на несколько важнейших отрезков. При этом особое значение в контексте текущей повестки дня приобретает вопрос о том, что предопределило нелинейный путь демократического развития страны. В первую очередь, речь идет о неудавшемся социалистическом проекте под эгидой президента Сальвадора Альенде (1970-1973) начала 1970-ых годов, который завершился, вероятно, самым трагическим событием в новейшей исто-

рии Чили – военным переворотом 1973 года. В результате вооруженного мятежа президент С. Альенде погиб, а у власти на долгие 17 лет закрепился генерал Аугусто Пиночет (1973-1990), установивший авторитарный праворадикальный режим. Это событие стало своего рода поводом для глубочайшего раскола чилийского общества на два противоборствующих лагеря – сторонников и противников установившейся власти. И несмотря на отнесенность давности событий отголоски былой социальной поляризации прослеживаются и по сей день.

С начала 1990-ых годов, после отставки А. Пиночета с поста президента по итогам плебисцита 1988 года, в Чили начался этап так называемого «демократического транзита» – перерождения политической системы, ее обновления и избавления от пережитков довлевшего над обществом авторитаризма. Данный процесс стал решающим фактором, обеспечившим успешную интеграцию Чили в мировую систему. Однако внутри страны в этот переходный период наметилась тенденция, получившая наименование «защищаемого или охраняемого транзита» [1] и выражающая долгосрочное влияние, оказываемое праворадикальным режимом на установившуюся демократию.

Кроме того, проводя параллель с современной ситуацией, необходимо указать на специфику пиночетовской модели национального развития Чили, которая предполагала опору на неолиберальную парадигму в экономике, поскольку на сегодняшний день демократические правительства не отошли от избранного некогда курса неолиберализма. В связи с этим важно подчеркнуть, что во время захватившей страну протестной волны 2019 года протестующими не раз акцентировалось внимание на проблеме социального неравенства как главного изъяна унаследованной от пиночетизма экономической модели.

2. «Революция 30 песо». Массовые антиправительственные протесты в Чили в 2019 году можно классифицировать как одно из самых масштабных социальных выступлений со времен ухода с политической арены экс-диктатора А. Пиночета и начала поставторитарного транзита. При этом своего рода провоцирующим фактором для выражения глубоко укоренившегося в широких слоях чилийского общества недовольства стал формальный повод – незначительное повышение цены на проезд в метрополитене и наземном общественном транспорте в ряде провинций, включая столицу Чили – город Сантьяго. Решение об очередном увеличении стоимости проезда на 30 песо было принято правительством 6 октября 2019 года. Следует отметить, что данная мера практически мгновенно вызвала крайне негативный отклик среди населения, поскольку это было уже второе изменение тарифа за последний год. Первое повышение цен на поездки в общественном транспорте пришлось на январь 2019 года [7]. Однако на тот момент ничего не предвещало беды и не представлялось возможным предположить,

что непопулярное действие властей запустит цепную реакцию социальных протестов. Чилийской молодежью была инициирована серия протестных акций, изначально выражавшихся в уклонении от оплаты проезда и несанкционированном проникновении в зону отправления поездов сквозь турникеты метрополитена. В социальных сетях, использовавших ситуацию в качестве информационного повода, быстро распространились всевозможные публикации и видео о происходящих событиях, подогревавшие массовое недовольство. Социальное напряжение постепенно нарастало, ситуация в столице обострялась с каждым днем, очаги протеста распространились по всей стране. Число уклоняющихся от оплаты проезда увеличилось настолько, что работа подземной сети метро была прекращена. Последовали открытые столкновения широких масс населения с карабинерами на улицах городов. В отдельных случаях противостояние приобрело характер массовых уличных беспорядков с грабежами и поджогами. Поэтому 19 октября действующий президент Чили Себастьян Пиньера был вынужден ввести чрезвычайное положение и комендантский час в столице, а спровоцировавший недовольство населения тариф отменить. Тем не менее, указанные меры во многом оказались запоздавшими, 23 октября чрезвычайное положение пришлось распространить на другие административные центры страны.

Примечательно, что гражданские протесты характеризовались отсутствием определенных лидеров, принадлежащих к каким бы то ни было партиям или общественным движениям. Следует подчеркнуть народный характер протеста, шедшего, прежде всего, «изнутри» общества, вовлечение в него населения широкого социального спектра и разного уровня достатка, как представителей низшего, так и среднего класса, включая его верхушку. Необходимо отметить, что еще 10-15 лет назад чилийское общество не отличалось такой политической активностью, в том числе имел место феномен абсентеизма, преобладала тенденция на сугубо индивидуалистическое восприятие своей роли гражданина в отрыве от коллективной солидарности. Однако на современном этапе ситуация кардинальным образом трансформировалась. И несмотря на формальную первопричину активизации протестной волны, которой явилось повышение цены на проезд в общественном транспорте, отчасти вспышка протестов явно коррелировала с возросшей степенью политического сознания, в особенности среди молодого поколения, выросшего в период стабильной демократии. Об этом свидетельствует и тот факт, что по прошествии нескольких дней в среде протестующих зазвучали истинные причины социального недовольства, охватывающие широкий спектр проблем: высокую стоимость жизни (по состоянию на 2019 год Сантьяго занимает вторую позицию в рейтинге самых дорогих городов Латинской Америки); высокие цены на лекарства и услуги в области здравоохранения; низкие пенсии; необходимость полномасштаб-

ной реформы образования; неприятие искажений неолиберального курса, унаследованного политическими элитами от авторитарного режима; несогласие с действующей конституцией 1980 года, которая многими чилийцами воспринимается в качестве одного из ключевых столпов не изжившего себя наследия экс-диктатора А. Пиночета.

В ответ на массовые демонстрации протеста правительство С. Пиньеры опубликовало «Новую социальную повестку» – собирательный пакет самых разнообразных мер на краткосрочную и долгосрочную перспективу, направленных на достижение консенсуса с общественностью. Оглашенные нововведения представляли собой попытку оперативно найти компромисс с обществом и снизить возникшее социальное напряжение. Стоит акцентировать внимание на следующих инициативах: увеличение базовой пенсии на 20%, а также дополнительные выплаты в 2021 и 2022 годах для пенсионеров старше 75 лет; реализация проекта государственного страхования от непредвиденных заболеваний и снижение цен на медицинские препараты; увеличение минимальной гарантируемой заработной платы; снижение тарифа на электроэнергию; налог в размере 40% для лиц с доходом более 8 миллионов песо в месяц; сокращение парламентских надбавок и зарплат служащим в секторе государственного управления, сокращение количества парламентариев и ограничение их переизбрания, а также ряд других мер [8].

Однако вышеупомянутые обещания не стали достаточным основанием для прекращения протестов. 25 октября состоялось самое масштабное в современной истории Чили массовое народное выступление [9]. Люди вышли на улицы городов по всей стране, только в Сантьяго на площадь Италии в этот день пришли более 1,5 млн. жителей, многие из которых требовали немедленной отставки президента.

В конце октября 2019 г. С. Пиньера произвел вынужденные кадровые перестановки в правительстве: 8 из 24 министров потеряли свои посты, в том числе министр внутренних дел Андрес Чадвик, которому впоследствии было предъявлено обвинение в нарушениях прав человека в ходе подавления протестов. По данным организации Human Rights Watch (HRW), от рук карabinеров погибло 25 человек и пострадало более 3 млн протестующих. Вследствие дальнейшей эскалации социального кризиса пришлось отменить мероприятия, имевшие особое значение для поддержания международного престижа Чили: встречу на высшем уровне в рамках АТЭС и конференцию ООН по изменению климата COP-25 [2].

3. Конституционный плебисцит. В начале ноября 2019 г. в своем интервью информационному агентству BBC С. Пиньера подчеркнул решимость продолжить диалог с гражданским обществом, равно как и невозможность оставить президентский пост, не взирая на открытый призыв к этому определенной части радикально настроенной общественности [10]. 15 ноября напряженное обсуждение в Конгрессе закончилось подписанием «Согла-

шения во имя мира и новой Конституции». Таким образом открылся путь для принятия нового основного закона взамен конституции 1980 года. Было принято решение о созыве плебисцита, по своему значению не уступавшего референдуму 1988 года, в результате которого с поста главы государства ушел диктатор А. Пиночет.

Плебисцит, изначально запланированный на 26 апреля 2020 года и впоследствии перенесенный на октябрь в связи с распространением пандемии COVID-19, состоялся 25 октября 2020 года. В рамках общенационального голосования гражданам предлагалось ответить на два ключевых вопроса: 1) принять или отклонить необходимость выработки новой конституции; 2) признать в качестве уполномоченного разработчика нового основного закона Конституционную ассамблею, все представители которой избираются всенародно, или Смешанный конвент, половина депутатов которого избирается всенародно, а другая половина – из Конгресса. По данным чилийской избирательной комиссии *SerVEL*, 78,27% опрошенных отдали свой голос в пользу составления новой конституции, тогда как против проголосовали лишь 21,73% респондентов. При этом вариант с Конституционной ассамблеей, предусматривающий всенародное избрание всех доверенных лиц, которые призваны разработать новый документ, был выбран в 78,99% случаев, в то время как за Смешанный конвент высказались только 21,01% опрошенных [11]. Также стоит отметить уникальность победившей Конституционной ассамблеи как первого представительного органа, основанного на принципе гендерного равенства членов, то есть включающего в свой состав 50% мужчин и 50% женщин [3].

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на неблагоприятную эпидемиологическую обстановку, зарегистрирована массовая явка граждан на участки для голосования, что еще раз доказало жизнеспособность гражданского движения, историческую важность данной инициативы для широкой общественности, а также торжество чилийской демократии. Однако с точки зрения территориального анализа наибольшее количество граждан посетили участки для голосования в столице страны и ее региональных центрах. В более отдаленных районах активность избирателей оказалась ниже 35%, при этом самый низкий уровень явки зафиксирован на родине индейцев мапуче – в административной области Араукания [4], что отчасти может объясняться высоким социально-конфликтным потенциалом населения данного региона. Стоит отметить, что процесс принятия новой конституции не заканчивается на этапе одобрения инициативы на плебисците в октябре 2020 года и чилийцам придется еще не раз прийти на избирательные участки. Гражданам предстоит избрать 155 членов Конституционной ассамблеи, призванных разработать текст новой конституции. После окончания разработки документа на другой всенародный плебисцит будет вынесен вопрос об окончательном утверждении нового основного закона.

4. Заключение. Таким образом, подводя своеобразный итог и рассуждая о значении данного периода для новейшей политической истории Чили, необходимо подчеркнуть, что несмотря на серьезные экономические, репутационные и иные издержки, протестное движение, начавшееся в октябре 2019 года, стало своего рода катализатором важнейших преобразований, импульсом для дальнейшего совершенствования демократических процессов, активного поиска новых, эффективных путей взаимодействия власти и общества. Вернуть развивающиеся события к мирному сценарию оказалось возможным благодаря уступкам, на которые в конечном итоге согласилось пойти правительство С. Пиньеры, вопреки изначально имевшему место силовому подавлению протестов населения. Гражданское общество добилось принятия «Новой социальной повестки» – важнейшего пакета мер по совершенствованию всех сфер общественной жизни, равно как и созыва общенародного голосования по вопросу об изменении конституции времен военной диктатуры. Эти достижения имеют огромное значение для чилийского общества. Тем не менее, предстоит еще многое сделать для решения проблемы острого социального неравенства, а также для того, чтобы окончательно оставить в прошлом наследие А. Пиночета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Дьякова Л.В. Эволюция демократии и формирование современной модели общественно-политического развития: опыт Чили. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2018.
2. Andrés Chadwick, el culpable político de las violaciones a los derechos humanos en Chile // <https://elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/protestas-en-chile-andres-chadwick-el-ministro-sebastian-pinera-y-principal-responsable-de-las-violaciones-a-los-derechos-humanos-en-chile-noticia/?ref=ecr>
3. Análisis de la situación política en Chile y sus proyecciones // [file:///C:/Users/Elise/Downloads/ANALISISDELASITUACIONPOLITICAENCHILEY-SUSPROYECCION%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/Elise/Downloads/ANALISISDELASITUACIONPOLITICAENCHILEY-SUSPROYECCION%20(3).pdf).
4. Cartografías del apruebo: Análisis preliminar del plebiscito para cambio constitucional. Chile. 2020 // https://www.researchgate.net/publication/344937277_Cartografias_del_apruebo_Analisis_preliminar_del_plebiscito_para_cambio_constitucional_Chile_2020.
5. Claudio A. Méndez, Scott L. Greer, Martin McKee. The 2019 crisis in Chile: fundamental change needed, not just technical fixes to the health system // <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7396457/>.
6. Chile: Sebastian Pinera's government teeters towards collapse // <https://www.dw.com/en/chile-government-crisis/a-54266437>.
7. Precio del Transantiago aumenta \$20 en todas sus tarifas: Metro en horario punta llegará a los \$800 // <https://www.emol.com/noticias/Nacional/2019/01/25/935593/Metro-y-Transantiago-suben-de-precio.html>.

---

8. Presidente Piñera anuncia conjunto de propuestas para una nueva agenda social // <https://www.gob.cl/noticias/presidente-pinera-anuncia-conjunto-de-propuestas-para-una-agenda-social/>.

9. Protestas en Chile: la histórica marcha de más de un millón de personas que tomó las calles de Santiago // <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50190029>.

10. Protestas en Chile | Sebastián Piñera en entrevista exclusiva con la BBC: Por supuesto que llegaré al fin de mi gobierno // <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50305333>.

11. Votación Constitución Política 2020 // <https://pv.servelecciones.cl/>.

E.A. BOGDANOVA

*Bachelor of Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

A.S. TIMERSHOVA

*Bachelor of Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

THE SOCIAL AND POLITICAL CRISIS IN CHILE: FROM PROTESTS TO PLEBISCITE

This article examines the main prerequisites, phases and features of the socio-political crisis in Chile, initiated in October 2019. A kind of parallel is drawn between the historical heritage of Pinochet and the current political situation. The specificity of the Chilean protest movement is analyzed, the most important intermediate results of protest activity are characterized, in particular, the adoption of the “New Social Agenda” by the government of Sebastian Piñera, as well as the holding of a constitutional plebiscite in the context of the COVID-19 pandemic.

Key words: *Chile, mass civil protests, social inequality, “New Social Agenda”, Sebastian Piñera, COVID-19.*

К ВОПРОСУ ОБ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XX В.

На сегодняшний день мировое сообщество представляет собой систему государств, интегрированную в экономическом, политическом и культурном аспектах в рамках функционирования Организации Объединенных Наций. За ушедший XX век странам пришлось преодолеть долгий путь внутри- и внешнеполитических исканий. Такой путь проделало и Испанское королевство. Переход страны от режима Франко к развитой европейской демократии был осложнен рядом проблем в связи с отношением мирового сообщества к франкизму как явлению. В начале 1930-х годов оправившиеся после войны европейские страны оказались перед лицом мирового кризиса. После победы нацистов на выборах в Германии под небом Европы вновь витал «призрак» войны. На смену социализму в Европу пришли национал-социалистические идеи. В Испании вследствие затяжного кризиса государственности набирают силу националистические силы правого толка, которые начинают борьбу против прочих политических сил страны. 17 июля 1936 г. в Марокко, своеобразной ахиллесовой пяте Испании, началась военный мятеж, бросивший Испанию в водоворот гражданской войны.

Ключевые слова: общество, политика, отношения, структура, формирование.

Несколько дней спустя после получения известия о мятеже в Испании государственный секретарь США К. Хэлл направил Фр. Рузвельту послание, обратив внимание президента на то, что необходимо серьезно обдумать вопрос о возможности отправиться в испанские воды...».

Хотя ситуация в Испании взволновала американских властей, этот план так и не был осуществлен. Это подтверждает то, что события в Испании были рассмотрены как «красная, большевистская опасность». Так, посол Вашингтона в Париже Дж. Буллит уже тогда горячо убеждал госдепартамент: в случае победы республиканского правительства в западной Европе появится «открыто коммунистическое» государство. Так, было принято решение руководствоваться в «прискорбной» испанской ситуации актом

о нейтралитете, подразумевал приостановку продажи оружия государствам в случае вступления их в военные действия. Принимая упомянутое выше решение, правительство США осознавало, что оно серьезно осложнит положение конституционно избранного законного правительства Испанской республики. И наоборот, самой значимой помощью франкистам со стороны США безусловно было разрешение госдепартамента на продажу нефти повстанцам. Это был основной, хотя и весьма малоизвестный вклад США в дело Франко (франкистская сторона получила почти 3,5 млн. т нефти, в то время как республиканская сторона могли рассчитывать едва ли на половину этого объема, поставляемого из СССР) [1].

Тем временем осознание того, что затянувшаяся гражданская война означала вместе с тем и расширение масштабов интервенции Германии и Италии, побуждало Францию и Англию к поиску средств к укреплению своих позиций в Испании. Но еще больше страны опасались закрепления правительства Народного фронта, и не только потому, что оно могло способствовать выходу левого «испанского эксперимента» за пределы Полуострова, но и в силу неизбежного в таком случае утверждения Советского Союза на Пиренейском полуострове. Госдепартамент надеялся на взаимное ослабление соперничающих группировок и последующей выгоде Соединенных Штатов, что также укладывалось в традиционную для Вашингтона стратегию «баланса сил». К весне 1937 г. осознание того, что невмешательство – это фарс и что эмбарго, по сути, представляет собой прямую помощь фашистам – расширило в США ряды сторонников Испанской республики [4; 5; 6; 7; 8; 9].

17 августа 1939 г. Муссолини поставил Франко в известность о том, что война между Германией и Польшей разразится в самое ближайшее время. Эта информация задела Франко в непростое послевоенное время испанская дипломатия лихорадочно искала пути ослабления уз с Берлином. 4 сентября Франко подписал правительственный декрет о нейтралитете, а главам западных стран был выслан соответствующий меморандум. Франко, ссылаясь на опыт трехлетней гражданской войны в Испании, напомнил о трагедии, пережитой испанским народом. При этом Вашингтон не имел точного представления о том, в какой мере Франко связал Испанию с державами «оси» Он не верил в приверженность ни Франко, ни его окружения истинному нейтралитету. Тем не менее в декабре Рузвельт разрешил американскому Красному Кресту направить в Испанию ряд продовольственных товаров [3].

После нападения Германии на Советский Союз в Берлине полагали, что уж теперь-то Испания с минуты на минуту станет активной воюющей стороной. Испанское правительство настолько уверовало в успех блицкрига, что на какое-то время рассталось со своей обычной осторожностью в отношении Соединенных Штатов.

Примечательно, что всякий раз, когда западные союзники выражали недовольство по поводу испанской внешней политики, руководители франкистского государства прятались за привычный щит антикоммунизма. Этот щит часто оказывался весьма надежным, и экономические санкции, которых франкисты так опасались, не применялись [2].

По итогу войны Испания прочно вошла в орбиту внешнеполитических интересов США, но отношения между этими двумя странами были весьма далеки от союзнических. Ожесточенный характер боевых действий на Восточном фронте и угроза введения продовольственной и энергетической блокады вынудили Франко вновь объявить Испанию «нейтральной стороной». В 1943 г., когда стало ясно, что Германия проигрывает войну, Франко пошел на охлаждение отношений с Германией. В конце войны Испания даже поставляла сырье странам-союзницам, однако это не изменило их отношение к Испании как к вражеской стороне.

На четвертом заседании, 20 июля, 1946 главы трех правительств объявили о поддержке вступления в ООН Италии, но не Испании. 9 февраля 1946 г. был вынесен вопрос о проекте резолюции, внесенной делегацией Панамы, предложившей использовать против Испании «моральный бойкот».

Реакция Франко на это решение ООН была быстрой и однозначной. С балкона муниципалитета в Сеговии он бросил в толпу слова, «Если наша добрая воля не понята, и мы не можем жить, глядя па внешний мир, мы будем жить, глядя внутрь». 20 февраля 1946 г. Мадрид объявил о казни Кристино Гарсиа и его девяти товарищей-коммунистов. Эта акция Франко дорого обошлась Испании. Реакция «внешнего мира» не заставила долго ждать. 1 марта 1946 г. правительство Франции закрыло франко-испанскую границу.

Однако уже 17 декабря 1946 г. газета «Нью-Йорк геральд трибун» опубликовала статью Дж. Ноэля под весьма примечательным названием: «Соединенные Штаты рассматривают Испанию как военную базу». Это сообщение вызвало тогда недоумение читателей газеты: ведь прошло только несколько дней после принятия резолюции ООН по испанскому вопросу. Но именно тогда, когда открыто и гласно подводились итоги минувшей войны, США подспудно закладывали основы войны грядущей, о чем общественное мнение еще не было осведомлено [10; 11; 12].

7 апреля 1947 г. Д. Ачесон, в то время заместитель государственного секретаря, направил в посольство Великобритании в Вашингтоне меморандум с пометкой «совершенно секретно». В этом документе, признавая готовность взять на себя обязательства по оказанию экономической помощи Испании, что позволило бы осуществить реконструкцию страны и тем самым «воздвигнуть эффективный барьер против гражданской междуусобицы коммунизма», Казавшееся невозможным всего несколько лет назад свершилось: Франко отделался от своей тени, вернее, ого враги перестали видеть тень, которая соединяла его в прошлом преданной и благодарной

дружбой с Гитлером и Муссолини, чьей помощи он обязан своим полным триумфом в гражданской войне».

Официальные переговоры о заключении двусторонних соглашений начались в Мадриде 14 апреля 1952 г. Переговоры проходили вяло, Пакт был заключен 26 сентября 1953 г. и представлял собой не одно, а три соглашения: об обороне между правительствами США и Испании; об экономической помощи; об обеспечении взаимной безопасности. В этих условиях сохранение санкций ООН 1946 г. утратило в новых условиях всякий смысл. И 15 декабря 1955 г. Испания была принята в ООН вместе с другими 14 странами.

Для экономического «спасения» Испании был разработан новый своеобразный вариант «плана Маршалла». Оценивая экономический эффект испано-американских соглашений, Армеро писал 30 лет спустя: «Эти соглашения сделали возможным так называемое «испанское чудо», которое началось с середины 50-х годов и закончилось в период нефтяного кризиса в 1973 г.». 26 сентября 1963 г. срок действия испано-американских соглашений был продлен еще на пять лет.

Однако 17 января 1966 г. произошло ужасающее для Испании событие. В небе северо-восточнее испанского селения Паломарес американский патрульный бомбардировщик В-52, столкнулся с самолетом-заправщиком КС-135, взмывавшим с базы в Мороне. Внутри бомбовых отсеков В-52 находились четыре водородные бомбы силой в полторы мегатонны каждая. Вскоре было обнаружено, что две из четырех бомб уже разбились, и радиоактивный плутоний рассеялся под небом, а третья упала в море. Перед властями встала реальная угроза радиоактивного заражения. Через несколько дней Испанией был наложен запрет на полеты самолетов американской стратегической авиации с ядерным оружием на борту над территорией своей страны. Даже последняя найденная бомба не смогла успокоить испанцев, которые теперь понимали последствия полетов над их страной военных самолетов. Антивоенные и антиамериканские настроения испанцев сразу же стали для Мадрида ключом к давлению на Америку по вопросу использования баз.

Антиамериканские настроения испанского народа, разгоревшиеся вследствие трагедии в Паломаресе, сразу же стали для Мадрида ключом к оказанию влияния на США по вопросу использования баз. В полной мере эти настроения были использованы уже в следующем году, когда правительство Мадрида, ссылаясь на «древние исламские корни», «озабоченность судьбой святых мест» поддержало Египет в арабо-израильском конфликте.

В 1970 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Испанией и США, который стал связующим звеном между Испанией и НАТО. Газеты писали о том, что новые соглашения дают возможность «Испании проникнуть в НАТО с черного хода». Так формировалась позиция, которая привела в 1975 г. Испанию в Хельсинки: правительство Мадрида приняло

деятельное участие в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. имея на то «мандат» самых широких кругов испанского общества.

Тем временем забастовочное движение и студенческие волнения охватили всю страну. Режим утрачивал контроль в стране 27 августа 1975 г. вступил в силу после принятия закона о борьбе с терроризмом, европейские правительства, отзывали из Мадрида своих послов для консультации. Известная в свое время все тяготы международной изоляции, Испания 1975 г. болезненно реагировала на угрозу свертывания связей с внешним миром.

Для правительства Испании в специфических условиях осени 1975 г. продление соглашения с США, как и в 1953 г., представлялись чуть ли не единственным окном во внешний мир. В Испании общественное мнение было озабочено прежде всего внутренними проблемами, а последовавшая 20 ноября 1975 г. смерть диктатора и вызванное ею ожидание радикальных перемен и вовсе оттеснили все связанное с соглашением на задний план. Внешнеполитический аспект первой речи нового главы государства – короля Хуана Карлоса 12 ноября 1975 г. был явно окрашен в «европейские» тона.

29 октября 1982 г. 186 голосами (против – 146) конгресс депутатов утвердил проект вступления в НАТО, затем последовала ратификация этого проекта сенатом.

Делая общий вывод, необходимо сказать, что союз Испании и Соединенных штатов сложился исторически и что, несмотря на спорные вопросы и противоречия в разные временные периоды, эти две страны не теряли исторической связи. В ряду факторов, продливших существование франкистского режима, военный союз с США занимал важное место. С исчезновением франкизма реакционные силы Испании связывали надежды на ослабление связей с Западом. Испанское правительство, однако, отдавало предпочтение вектору НАТО как наиболее надежному способу достижения демократии и политической стабильности в стране. В свою очередь, отказ испанцев от франкистского прошлого был использован Вашингтоном и европейскими руководителями НАТО в целях снятия формальных препятствий для включения страны в Североатлантический пакт.

После того, как в мае 1982 г. Испания стала шестнадцатым членом Североатлантического союз пришедшее в последующем к власти правительство, сформированное Испанской социалистической рабочей партией, начало процесс выработки «особого испанского статуса» в этом блоке. Его основными элементами были участие страны в политической организации Альянса и отказ подключиться к военной структуре блока. Засвидетельствовав свой «особый статус» в Североатлантическом союзе, Испания тем самым дала понять своим союзникам, что не желает активно участвовать в противостоянии между Востоком и Западом, однако заинтересована в обеспечении с помощью НАТО военного прикрытия стратегически важной оси: Канарские острова – Гибралтарский пролив – Балеарские острова,

а также ее содействия в случае конфронтации с Марокко из-за испанских анклавов Сеута и Мелилья. В перспективе испано-американские отношения могут выйти на новый уровень путем нивелирования споров в Латинской Америке, а также покровительства США Испанией в свете сближения Вашингтона с ЕС для более успешного ответа на вызовы глобального мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Aguinaga P.L.* (2006). The north American cinema in Spain: The negotiations for its import, 1950-1955 [El cine Norteamericano en España: Las negociaciones para su importación, 1950-1955]. *Hispania – Revista Española de Historia*, 66 (222) // <https://doi.org/10.3989/hispania.2006.v66.i222.9>.

2. *Barrera-Osorio A.* (2006). Experiencing nature: The Spanish American empire and the early scientific revolution. *Experiencing Nature: The Spanish American Empire and the Early Scientific Revolution*.

3. *Costigliola F. & Paterson T.G.* (2004). Defining and doing the history of United States foreign relations: A primer. *Explaining the History of American Foreign Relations*, Second Edition // <https://doi.org/10.1017/CBO9780511806445.003>.

4. *Enderle V.B.* (2017). Contemporary spanish-american essayistic discourse, between the national and the transnational [El discurso ensayístico hispanoamericano actual, entre lo nacional y lo transnacional]. *Anales de Literatura Hispanoamericana*, 46.

5. *Garcia-Monton G.-Baquero I.* (1999). The Spanish-American Social and Economic Congress of 1900: An instrument of Spanish-Americanism modernization [El Congreso Social y Económico Hispano-Americano de 1900: Un instrumento del Hispanoamericanismo modernizador]. *Revista Complutense de Historia de America*, 25.

6. *Gómez-Escalonilla L.D.* (2015). Made in USA modernization and its impact in the Spanish-American scope [Modernización made in USA y su impacto en el ámbito iberoamericano]. *Historia y Política*, 34 // <https://doi.org/10.18042/hp.34.01>.

7. *Leininger D.M.* (2017). “Moon-Struck Lunatics”: Public rhetoric, the Spanish-American revolutions & the development of American Nationalism. *Journal of Early American History*, 7(1) // <https://doi.org/10.1163/18770703-00701001>.

8. *Maestro Bäcksbäck J. & Antonia S.S.* (2010). Cultural Flashes between Spain and the United States in American Periodicals (1945-1952) [Destellos culturales entre España y Estados Unidos a través de la prensa estadounidense (1945-1952)]. *Revista Complutense de Historia de America*, 36 // https://doi.org/10.5209/rev_RCHA.2010.v36.5.

9. *Schaub J.-F.* (2013). Notes on some discontents in the historical narrative. *Writing the History of the Global: Challenges for the Twenty-First Century* // <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197265321.003.0004>.

---

10. Téllez J.C.H. (2013). The political imprint on the first Spanish American lexicography: Republicanism and antirepublicanism [La impronta política en la primera lexicografía hispanoamericana: republicanismo y antirrepublicanismo]. *Lexis* (Peru), 37 (2).

11. Villegas J.C.E. & Salazar A.L.M. (2019). Some French readings of the Spanish- American independence processes [Algunas lecturas francesas de las independencias hispanoamericanas]. *Co-Herencia*, 16 (31) // <https://doi.org/10.17230/co-herencia.16.31.4>.

12. Waddell D.A.G. (1987). British Neutrality and Spanish—American Independence: The Problem of Foreign Enlistment. *Journal of Latin American Studies*, 19 (1) // <https://doi.org/10.1017/S0022216X00017119>.

A.S. BUROVA

*Lomonosov Moscow State University,
student of the Faculty of Global Processes,
Moscow, Russia*

SPANISH-AMERICAN RELATIONS IN THE TWENTIETH CENTURY

Today, the world community is a system of States integrated in economic, political and cultural aspects within the framework of the functioning of the United Nations. Over the past twentieth century, countries have had to overcome a long path of domestic and foreign policy searches. The Spanish Kingdom also made such a journey. The country's transition from the Franco regime to a developed European democracy was complicated by a number of problems in connection with the attitude of the world community to Francoism as a phenomenon. In the early 1930s, European countries that had recovered from the war found themselves facing a global crisis. After the victory of the Nazis in the elections in Germany, the "ghost" of war once again hovered under the sky of Europe. Socialism was replaced in Europe by national socialist ideas. In Spain, as a result of the protracted crisis of statehood, right-wing nationalist forces are gaining strength, which are beginning to fight against other political forces in the country. On July 17, 1936, a military mutiny broke out in Morocco, Spain's Achilles' heel, throwing Spain into the maelstrom of civil war.

Key words: *society, politics, relations, structure, formation.*

УМНОЖЕНИЕ КОРРУПЦИИ: ПОИСКИ ОСНОВАНИЙ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

**(Рецензия на статью Ю.А. Ермакова
«Зарождение и умножение коррупции
в общественно-политических иерархиях:
роль природных начал»)**

В рецензии анализируется актуальность проблемы, опубликованной в статье профессора Ермакова Ю.А., дается оценка научной и политической значимости исследования природы коррупции, в контексте дискуссии с автором статьи рецензентом подчеркиваются особенности коррупционной деятельности во властных структурах России.

Ключевые слова: *коррупция, властные структуры, общественно-политические иерархии, природные начала.*

Проблемы, связанные с коррупцией во властных структурах, в судебной, в милицееко-полицейской системе всегда занимали в российском общественном сознании и аналитическом восприятии особое место. И если коррупция была и остается неотъемлемым и неизжитым явлением социально-политической и экономической жизни во всех странах, в странах европейского Союза (3), с большим или меньшим масштабом даже в США (2), то в России коррупция, таково доминирующее мнение и общества, и самой власти – несоразмерно велика, а ее последствия, – угрожающи [9]. Вбрасывание этой темы в политическую повестку дня было и остается инструментом борьбы за власть у оппозиционных к государственной власти сил. И буквально в текущем моменте тема коррупции вновь стала активно эксплуатироваться с использованием разнообразных, в том числе и нечистоплотных приемов, по расшатыванию спокойствия и подрыву стабильности в стране, и по введению санкций против тех, кого они назвали коррупционерами [3]. «Убогая» защита от обвинений в коррупции со стороны обвиняемых и власти [5; 8] – лишь вызывает подозрение в коррумпированности обвиняемых и власти, укрепляя позиции обвиняющих оппозиционеров и их

сторонников. В этом контексте статья доктора философских наук, профессора Ю.А. Ермакова «Зарождение и умножение коррупции в общественно-политических иерархиях: роль природных начал», представленная для публикации, нами рассматривается актуальной в теоретическом и практическом значениях.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4. С. 36-494; 6; 7].

Однако проблему коррупции нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Публикация и тиражирование статьи как научного и оригинального исследования, с нашей точки зрения, подтверждено рядом существенных признаков. Автор исходит из того, что в российской и зарубежной обществоведческой литературе совсем не встречаются работы, раскрывающие природные корни коррупции. Такой взгляд на начала коррупции считается до сих пор противоречащим представлениям об общественной сущности человека. Устранить этот пробел по замыслу Ю.Е. Ермакова – это и есть теоретическая предпосылка к тому, чтобы сделать заявку на исследование в конкретном содержательном и смысловом прочтении. Если этот тезис, скажем так, суть только гипотетической и эвристической актуальности затронутой темы, то контент содержания статьи в его полном объеме становится пространством большой, оформленной в науке идеи с элементами такой же большой ее не проработанности. Речь идет о соотношении в природе коррупции природно-естественных, свойственных животному миру признаков и проявлений коррупции социально-политического, экономического, социального системного свойства. Это с одной стороны, с другой – автор стремится и делает попытку показать сложный путь перехода этих природных, животных признаков к человеку, к его социальному бытию, где тот же феномен коррупции становится как бы естественным все той же природы. Ю.А. Ермаков уверенно считает, что в видовой природе человека сохраняется и группа иерархических наклонностей, унаследованная им от своих предков-гоминид и всемерного исторического развития. И эта самая природа предков-гоминид подталкивает и провоцирует на подсознательном уровне человеческих индивидов к своекорыстному манипулированию властью и соподчинению людей в целях формирования между ними «пищевых цепей» и к клептократическому извлечению жизненно важных ресурсов и благ.

Видим, смелое заявление автора найти каналы связи не между гоминидами и человеком, а выявить и определить характер этой связи в эволюции биосубъектов, в том числе и посредством клептократических инструментов и приемов. Смелое заявление настолько, что автору, кажется, стало немного

не по себе. И он отступил от радикальных форм интерпретации такой связи и зависимости, иначе не было бы и такого текста: «коррупция существует не только из-за проявлений хищнических черт природы человека, но, главное, по нравственным, экономическим и правовым причинам». Вспомнив о главной идеи статьи, автор решил вновь вернуться к исходному замыслу статьи, найти ей оправдание и применение. Поэтому аннотация заканчивается утверждением: «Однако в государственной антикоррупционной политике по ее искоренению следует учитывать и естественные качества человеческого существа».

Автор статьи не выделяет специальных разделов или частей в содержании статьи. Это, конечно, авторское право. Тем не менее, можно и здесь обнаружить стремление к структурированию текста. Естественно быть логичным. И структура работы этому не помеха, даже когда ее специально не определяют и не выделяют. Можно принять готовность автора на основе международных данных (Международного валютного фонда), мнения его руководителей о том, что в мире имеет место процесс возрастания объема коррупционных проявлений. Оригинальна, с нашей точки зрения, авторская находка – сравнить этот процесс с пандемией. Представлен запоминающийся образ этого процесса – «пандемия коррупции». А противопоставление пандемии COVID-19 коррупции породило у автора стремление анализировать коррупцию, обращаясь с ее историческими началам, идти от истоков упоминания и первых ее интерпретаций в древней истории. Но и 4-х тысячелетнее обращение человека и человечества с этим отвратительным явлением не отвратило, как оказывается, от коррупции. Почему так? Не удалось даже, как считает автор, «удержать ее в сколько-нибудь приемлемых рамках». Пассаж к столь далеким историческим сюжетам, как мы полагаем, понадобился автору для того, чтобы бросить взор на еще более отдаленное историческое прошлое коррупции и искать там объяснения ее изначальной природы и сущности. И чтобы ответить на вопрос, почему так!

Автор статьи ведет нас к тому прошлому, где невероятными путями и узлами сплетается дочеловеческое существо с человеком. Науке о человеке известно многое, но, разумеется, не все. Известно, что человек разумный (лат. *Homo sapiens*) от остальных современных человекообразных, помимо ряда анатомических особенностей, отличается относительно высоким уровнем развития материальной и нематериальной культуры. Он изготавливает и использует орудия труд. У него членораздельная речь и крайне развитое абстрактное мышление. На сегодняшний день не осталось ни одной стороны или свойства человека как особи, индивида или члена человеческой популяции, которые бы не были охвачены специальными научными исследованиями и более чем 12 науками. С древних времен и до наших дней природа и сущность человека является предметом философского и религиозного диспута. Все эти атрибуты не столь важны. Важно другое. И это другое

автор статьи формулирует поставленным вопросом, ответ на который и должен объяснить логику и смысл связи человека, склонного к проявлениям поведения, представленным в том числе и таким современным понятием, как «коррупция». Только ли риторический это вопрос – «так может быть она (коррупция) на самом деле свойственна глубинной природе человека и поэтому неподвластна никаким общественным мерам по ее устранению?! Чтобы подкрепить эту свою главную, но не бесспорную, мысль, автор статьи находит, как ему кажется, убедительные суждения и аргументы: «И действительно, несмотря на широчайшее многообразие культур, народов и локальных цивилизаций в истории человечества, их нынешнего разнообразия, – коррупционные преступления и правонарушения в них очень схожи и, можно сказать, имеют для вида homo sapiens типовой характер». Для пущей убедительности своих суждений и рассуждений Ю.А. Ермаков активно использует аристотелевского «человека-животного», как «политическое животное» [гр. *zoon politikon*]. И присущие, естественно, ему свойства, среди которых есть и те, что прямо, больше косвенно, совпадают со свойствами коррупции.

Для Ю.А. Ермакова и для читателя уже нет смысла дискутировать по поводу того, насколько верно будет аристотелевскую характеристику человека как «политического животного» связывать с коррупционностью. Как бы возражая, мы лишь заметим, в научной среде это допустимо, допустимо сомнение. И тогда, если и есть в природе человека его нечеловеческая сущность, есть животное неистребимое начало, то, возможно что ее непосредственная связь с коррупцией, мизерна. Полагаем, коррупционные проявления нарастают непомерно тогда, когда животное перестало быть животным, а стало человеком. Более того, когда человек обрел свойства и черты политического человека. В этом русле и в этой логике следует рассматривать процесс эволюции от животного к человеку, и далее – от человека как биологического существа к человеку социальному и политическому. Но и этого будет недостаточно для понимания природы и сущности коррупции. Тайна явления скрыта и помалу открывается не только в превращениях животного в человека, и человека-биосубъекта в субъекта социально-политического. Чтобы понять и объяснить природу коррупции придется еще найти науке пути к поиску этой тайны. Как это не покажется странным, но именно введенный в текст статьи материал о М. Бакунине, идеологе анархизма позволяет лучше понять природу коррупции и главные масштабы ее распространения, связывая и то, и другое с конкретными условиями. Автор статьи пишет, «что в 70-х годах XIX века русский мыслитель анархического толка М. Бакунин также обосновывал древний возраст коррупции, связывая ее с зарождением и существованием государства». Нет оснований отказывать Бакунину и автору статьи в этой догадке. Мы же добавим, да, истоки и не только, но и характер проявления коррупции связан государством.

Для анархиста Бакунина все зло, в том числе такого его зала как коррупция, – в государстве. Это соответствует идеологии анархизма и Бакунина, идеологу антигосударственной теории. Государственники же будут стоять на другой платформе. И выражать идеи позитивной роли государства для борьбы с коррупцией и коррупционерами. Эту логику суждений и сочетание таких подходов, мы видим у автора статьи. И будет оправданным судить – не государство, или негосударство (общество) сами по себе порождают коррупцию. Вынуждает к коррупции, ее масштабированию и тиражированию – система, социально-политическая и экономическая система в купе со сложившейся культурой.

Достоинство стремление автора статьи описывать природу коррупции через схожести иерархических инстинктов у предков человека и у человека. Через врожденные иерархические программы поведения, сформированные эволюцией. Подтверждение врожденным и приобретенным проявлениям коррупции исследователь находит в реконструкции исторических сюжетов и исторических деяниях, в том числе исторических нормативных актах, в делах исторических личностей. Шикарный список плодов коррупции, а не самой коррупции, о многом говорит. Но немного объясняет. И прежде всего, так биологическая или социально-политическая компонента в природе коррупции? И как они соотносятся между собой. Видя и чувствуя необходимость все же держаться заявленной темы и объяснять суть поставленной проблемы, автор статьи упорно стремится все же продвинуть в текст логику своего замысла. И ему это удается. И тогда читатель вновь и вновь имеет возможность познакомиться с примерами природной коррупционности у приматов. И естественно – у человека-политического животного, погруженного в контекст социальны, экономических, культурно цивилизационных отношений. В контекст определенного политического режима. И тогда нет оснований без должной критики говорить о том, что коррупция находит живительными для себя только авторитарные и деспотические режимы.

Яркие и многочисленные примеры, подчас, образная форма подачи материала позволили автору держать внимание в строгости. Вдумчивое настроение не покидает даже тогда, когда автор переусердствует, объясняя раз за разом уже казалось бы «обкатанную» мысль. На что еще стоит обратить внимание, так это на то, что, понимая всю сложность контента и самой темы, автор статьи не упускает возможность заявить: «чтобы понять, есть ли биологический компонент в разнообразных формах коррупционного поведения, нужно провести компаративный анализ, сравнив природные и человеческие алгоритмы корыстного манипулирования властью, которые используются, как правило, в ущерб развитию и гуманизации общества». Подчеркнем и обратим внимание не только на ценность данного соображения в русле и с позиций логики исследования. Одновременно это же утверждение взывает к тому, чтобы теперь уже обратить внимание на другую

компоненту. Вот с этой постановки вопроса и надо было бы начинать исследование, сформулировав сущность исследовательской проблемы. И, конечно, определиться, какие способы исследования здесь годятся, какие предпочтительней. И располагает ли гуманитарная наука такими способами и методами анализа, не прикрываясь термином «компаративный анализ». Автор статьи, к сожалению, не находит и не предлагает для этого чего-то «новенького». Идет проторенным путем, используя традиционные элементы «компаративного анализа». Снижает ли это замечание полезное значение данной статьи? На наш взгляд, нет. Напротив, из статьи и способа ее подачи при критическом и разумном к ней отношении приоткрывается возможность к плодотворной дискуссии. К продолжению исследования на заданную тему и более глубокому погружению в ее предметную область.

Предложенные и вытекающие из исследования меры противодействия коррупции, пусть и страдают некоторой толикой «человеческой наивности», «неполитической рефлексией» все же говорят в пользу того, что исследование состоялось. И ему надо дать зеленый свет для публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) «Вряд ли бизнес столкнется с коррупцией в американской полиции. Страна хорошо работает в отношении надежности полицейских служб по защите компаний от преступности. Пятая часть опрошенных американцев считает полицию крайне коррумпированной; среди афроамериканцев каждый третий разделяет эту точку зрения» (См.: USA Corruption Report // <https://www.ganintegrity.com/portal/country-profiles/usa/>).

(2) «Да, в правительстве США существует коррупция. Так было всегда. Наивно думать иначе. Но американцы проделали действительно большую работу и несправедливо демонизировали женщину как “коррумпированную”, а вместо этого поставили у власти кого-то, кто хвастается своей коррупцией и другим своим мудрым одиозным поведением, связанными с этим вопросами. Более Подробные Ответы Приведены Ниже. Что может сделать конституционное правительство Соединенных Штатов, если будет доказано, что все выборы были коррумпированы? ... Было время в 1940-1960 годах, когда эти вещи были незаконными и рассматривались как коррупция. Теперь, когда они легальны и открыты... Никакой коррупции по закону. Стандарты изменились, чтобы приспособиться к жадности политиков. Не очень хорошая вещь, ...но, к сожалению, правда», – говорится в материалах статьи «Is there corruption in the Government of the United States of America?» (См.: <https://www.quora.com/Is-there-corruption-in-the-Government-of-the-United-States-of-America>).

(3) The Brief: corruption still a major issue in European Union // <https://www.euronews.com/2020/01/27/the-brief-corruption-still-a-major-issue-in-european-union>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Амиантова И.С.* Проблемы коррупциогенных факторов в сфере образования современной России // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 9 (61).

2. *Бакшеева А.Р., Гусарская Т.А., Беляева В.П.* Особенности реализации государственной антикоррупционной политики в современной России: механизм государственного контроля в контрактной системе государственных закупок // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 3 (55).

3. *Злобин А.* Соратник Навального опубликовал составленный политиком перед возвращением в Россию секционный список // <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/418883-soratnik-navalnogo-opublikoval-sostavlennyu-politikom-pered>.

4. *Медведев Н.П., Чан Х.Т.* Санкции и меры по противодействию коррупции в современном Вьетнаме // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24).

5. Песков: Кремль не имеет права разглашать имена владельцев «дворца» в Геленджике // https://yandex.ru/news/story/Peskov_Kreml_ne_imeet_prava_razglashat_imena_vladelcev_dvorca_v_Gelendzhike--d9cad6280be402a0c767ea085af3aa36?from=newswizard&lang=ru&persistent_id=127496966&ru_bric=politics&stid=SKHsmCNXLiBveyDaNHqB&wan=1&wizad=story.

6. *Рассохин А.В., Семенов В.Д.* Особенности борьбы с коррупцией в Китае в период между XVIII и XIX съездами КПК // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6 (58).

7. *Чан Хьу Тхан.* Антикоррупционная политика как средство обеспечения политической стабильности и развития во Вьетнаме // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2017. № 4.

8. Шереметьево сообщило о выходе бизнесмена из списка Forbes из проекта «дворца» на Черном море // https://www.forbes.ru/newsroom/milliardery/419485-sheremetev-soobshchilo-o-vyhode-biznesmena-iz-spiska-forbes-iz-proekta?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

9. Russia Corruption Index 1996-2019 Data | 2020-2021 // <https://tradingeconomics.com/russia/corruption-index>.

D.E. SLYZOVSKIY
*Doctor of Sciences (history), Professor,
Peoples' Friendship University of Russia (PFUR),
Moscow, Russia*

**MULTIPLYING CORRUPTION:
THE SEARCH FOR GROUNDS CONTINUES
(Review of the article by Yu.A. Yermakov
“Origin and multiplication of corruption in socio-political
hierarchies: the role of natural principles”)**

The review analyzes the urgency of the problem covered in the article by Professor Yermakov Yu.A., gives an assessment of the scientific and political importance of the research into the nature of corruption. The reviewer in the context of his discussions with the author of the article under review highlights the features of corruption in the government of Russia.

Key words: *corruption, power structures, socio-political hierarchies, natural principles.*

НАШИ АВТОРЫ

Алехнович Сергей Олегович – кандидат философских наук, начальник управления планирования и экономического анализа Федеральной службы по тарифам, Россия, г. Москва (vhs653@yandex.ru).

Ахмедов Жасур Исроилович – соискатель Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Бикбулатов Эмиль Адиятович – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (bikbulatov95@gmail.com).

Богданова Елизавета Александровна – бакалавр Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Lizzi_bogin@mail.ru).

Будник Ангелина Ивановна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (budnik.ai@students.dvfu.ru).

Бурова Анна Сергеевна – студент факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ann646566@gmail.com).

Вафин Артур Мансурович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических и правовых учений Московской высшей школы социальных и экономических наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (arthur.vafin@mail.ru).

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), заместитель директора Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, г. Москва (natalivelikaya@gmail.com).

Воронцов Сергей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Россия, г. Ростов-на-Дону (vhs653@yandex.ru).

Воскресенский Федор Александрович – аспирант кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vosresensky@mail.ru).

Гоптарева Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, профессор института социально-гуманитарных инноваций и массмедиа Оренбургского государственного университета, Россия, г. Оренбург (gopta@mail.ru).

Григорьева Татьяна Викторовна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (grigoreva.tv@students.dvfu.ru).

Еременко Юлия Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Института эконо-

---

мики и управления (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Россия, Республика Крым, г. Симферополь (jul_egemenko@mail.ru).

Ермаков Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политических наук, директор Центра деловых и политических коммуникаций Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург (jury.ermakov@urfu.ru).

Ершов Никита Александрович – аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (nikita.ershov@list.ru).

Жаворонкова Зинаида Александровна – студент направления подготовки Торговое дело Института экономики и управления (структурное подразделение) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Россия, Республика Крым, г. Симферополь (annachensova15@gmail.com).

Жерлицына Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент, в.н.с. Института Африки РАН, доцент Российского университета дружбы народов (РУДН), Россия, г. Москва (ns_inafr@mail.ru).

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета, профессор Центра государственно-частного партнерства Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (Irkhine@mail.ru).

Кан Анна Андреевна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (kan.aa@dvfu.ru).

Комаров Никита Алексеевич – аспирант кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nkomarov@it-int.one).

Кулешова Наталья Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (kuleshova-natalya@mail.ru).

Курилкин Антон Владимирович – выпускник аспирантуры факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (anton.kurilkin@gmail.com).

Михайленко Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международной безопасности и внешне-

---

политической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Моисеева Алевтина Николаевна – аспирант Института социально-политических исследований РАН, Россия, г. Москва (moiseeva-alevtina@bk.ru).

Нечай Екатерина Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nechay.ee@dvfu.ru).

Овчинников Павел Сергеевич – студент бакалавриата по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (px199zyz@mail.ru).

Омерович Алиса Расимовна – магистр кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (aliceadamova@mail.ru).

Отроков Олег Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Россия, г. Ростов-на-Дону (otrokovoleg@mail.ru).

Полтавцева Ольга Николаевна – аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (olga.poltavtseva@gmail.com).

Понеделков Александр Васильевич – доктор политических наук, профессор Южно-Российского института управления-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Россия, г. Ростов-на-Дону (vhs653@yandex.ru).

Попов Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (serjpo@mail.ru).

Прончев Геннадий Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры методологии социологических исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (pronchev@rambler.ru).

Прончева Надежда Геннадьевна – кандидат физико-математических наук, доцент, старший научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Россия, г. Москва (proncheva@yandex.ru).

Санжиева Аяна Дугаровна – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (asanzhiewa@gmail.com).

Ситдикова Наталия Андреевна – студент бакалавриата по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nata-sitdikova@mail.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Сурма Иван Викторович – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД РФ, член-корреспондент РАЕН, Россия, г. Москва (isurma@yandex.ru).

Тажева Залина Борисовна – ассистент кафедры русского языка номер 1 Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (kafedra1-rki@rudn.ru).

Тимершова Алина Сергеевна – бакалавр Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (Lizzi_bogin@mail.ru).

Тушков Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (aa_tushkov@mail.ru).

Умеров Далер Алиевич – соискатель кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Института права и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (anmikh@mail.ru).

Устюжанинов Илья Дмитриевич – аспирант кафедры Истории общественных движений и политических партий МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (ustug94@yandex.ru).

У Яньбинь – аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprosopolitolog@yandex.ru).

Фалалеев Михаил Алексеевич – студент бакалавриата по направлению подготовки Политология Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (falaleev.mike@gmail.com).

Федорищев Кирилл Максимович – соискатель Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (homo.historiarum@gmail.com).

Фоменко Дарья Алексеевна – бакалавр кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (dashka_feniks@mail.ru).

Шишарина Екатерина Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной информатики и вычислительной математики Московского педагогического государственного университета, Россия, г. Москва (sh-ekva@yandex.ru).

Штанько Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики, Россия, г. Таганрог (nikam13@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AHMEDOV J.I. – Working for a degree at the National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

ALEHNOVICH S.O. – Candidate of Sciences (philosophy), Head of the Planning and Economic Analysis Department of the Federal Tariff Service, Moscow, Russia.

BIKBULATOV E.A. – PhD student, Moscow State University, Moscow, Russia.

BOGDANOVA E.A. – Bachelor of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

BUDNIKA I. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

BUROVA A.S. – Lomonosov Moscow State University, student of the Faculty of Global Processes, Moscow, Russia.

EREMENKO Yu.A. – Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

ERSHOW N.A. – PhD student, Department of Public Relations and Media policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

FALALEEV M.A. – Student of a bachelor's degree of the department of «Political Science», Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

FEDORISHCHEV K.M. – Doctoral candidate, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

FOMENKO D.A. – Bachelor of International Relations, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

GOPTAREVA I.B. – Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor at the Institute of Social and Humanitarian Innovations and Mass Media of the Orenburg State University, Orenburg, Russia.

GRIGORIEVA T.V. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

IRHIN Iu.V. – Doctor of Philosophy Sciences, Professor professor of Russian Presidential Academy, professor of Russian Humanitarian State University, Moscow, Russia.

KAN A.A. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

KOMAROV N.A. – Postgraduate student of the History Department, Chair of history of social movements and political parties, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KULESHOVA N.S. – Doctor of philosophical science, Professor of the Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

KURILKIN A.V. – Post-graduate Student of the School of Public Administration Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

MIKHAYLENKO A.N. – Doctor of Political Sciences, Professor, chairman, International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

MOISEEVA A.N. – Postgraduate student of the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

NECHAY E.E. – Academic Advisor, Candidate of Political Science, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

OMEROVICH A.R. – Master, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

OTROKOV O.Yu. – Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Economic Theory of the Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

OVCHINNIKOV P.S. – Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

POLTAVTSEVA O.N. – Postgraduate student, Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PONEDELKOV A.V. – Doctor of Sciences (political sciences), Professor at the South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

POPOV S.I. – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Policy Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia.

PRONCHEV G.B. – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociological Research Methodology at the Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

PRONCHEVA N.G. – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Senior Research Scientist of Keldysh Institute of Applied Mathematics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

SANZHIEVA A.D. – Graduate student of Department of Political Science of the East of the Institute of Asia and Africa, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

SHISHARINA E.V. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Informatics and Computational Mathematics Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

SHTANKO M.A. – Candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of Humanities Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

SITDIKOVA N.A. – Student of a bachelor's degree of the department of «Political Science», Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

SLYZOVSKIY D.E. – Doctor of Sciences (history), Professor, Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

SURMA I.V. – PhD in Economics, Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia.

TAZHEVA Z.B. – Assistant, Department of the Russian language number 1, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

TIMERSHOVA A.S. – Bachelor of Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

TUSHKOV A.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations and Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russia.

UMEROV D.A. – Postgraduate student of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

USTYUZHANINOV I.D. – Post-graduate student, Lomonosov Moscow state university, Faculty of History, History of social movements and political parties department, Moscow, Russia.

VAFIN A.M. – Master of Arts in Counselling, PhD in Political Science, associate professor Moscow School of Social and Economic Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

VELIKAYA N.M. – Doctor of Sciences (political sciences), Dean of the Faculty of Sociology of the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences (ISPI), Deputy Director of the Russian State University for the Humanities(RSUH), Moscow, Russia.

VORONTSOV S.A. – Doctor of Sciences (law), Professor at the South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

VOSCRESENSKY F.A. – Postgraduate student of the Department of Public Policy Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

WU YANBIN – Post-graduate student of the department of international security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

YERMAKOV Yu.A. – Doctor of Sciences (philosophy), Professor at the Chair of Political Sciences, Director of the Center for Business and Political Communications of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

ZHAVORONKOVA Z.A. – Student of Marketing, Trade and Customs Affairs, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

ZHERLITSINA N.A. – Candidate of Sciences (history), Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of African studies, Professor of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

---

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 10 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 13 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 1 (65), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 25.01.2021

Format 60x84/16. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “PrintUP”

Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105

Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделяния государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

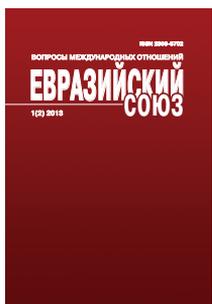
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

**Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru**

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

**Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru**

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал

«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»

в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»								
			АБОНЕМЕНТ на журнал		70035						
Вопросы политологии											
Количество комплектов											
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА								
ПВ	место	литер	на журнал			70035					
Вопросы политологии											
Стоимость	Каталожная					Количество комплектов					
	услуги почты										
	полная										
на 2021 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
Кому _____											